

Сказки жизни

Новеллы и рассказы

Елена Владеева

16+

Елена Владеева

Сказки жизни.

Новеллы и рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66146466
SelfPub; 2021*

Аннотация

Сказки не покидают нас вместе с детством. Став взрослыми, мы словно сказочники, досочиняем себе людей и события. Даем безоглядные обещания и видим сны, уносящие из реальности. Парим в мечтах, безудержность которых искупается лишь их неосуществимостью. Или с удивлением и любовью записываем сюжеты, подаренные воображением – с причудливым переплетением судеб и непредвиденным финалом. Но какими бы сказочными не казались обстоятельства, их герои вовлечены в неизменный круг вопросов и драм, свойственных человеку во все века. Борьба с судьбой, первая любовь, ожидание счастья, предательство, самопожертвование, поиск пути, жестокость, гибельная страсть, разбитые мечты, встреча с тайной. И кто только не встретится в тех историях! Герцогиня и повитуха, царевна и менестрель, циркачка и монах, матрос и негодник, наивный дикарь и современники Интернета. Ведь сказки многолики и непредсказуемы, как жизнь

Содержание

Факир	6
Нечто. Рассказ старушки	26
Девять жизней. Новелла	33
Жизнь первая – Лиу Ю (1340 г. Китай)	33
Жизнь вторая – Жильбер (1450 г. Бургундия)	38
Жизнь третья – монах (1590 г. Тибет)	44
Жизнь четвертая – Мария. (1640 г. Греция)	49
Жизнь пятая – Алберт (1710 г. Нидерланды)	54
Жизнь шестая – Прохор (1770 г. Россия)	59
Жизнь седьмая – Исабель (1830 г. Мексика)	64
Жизнь восьмая – Лоренс (1900 г. Англия)	71
Жизнь девятая – Нина (1995 г. Россия)	77
Эпилог	83
Как в сказке...	85
Потерянная перчатка	93
Утро	93
День	100
Вечер	105
Ночь	111
Утро	116
День	118
Вечер	120
Ночь	124

Земная прививка. Рассказ	125
Баллада луны. Новелла	150
Глава 1. Герцогиня	150
Глава 2. Повитуха	163
Глава 3. Пастушка	176
Лилии	194
Восточная притча	203
Канатная плясунья. Новелла	206
Глава 1	206
Глава 2	217
Глава 3	223
Глава 4	231
Глава 5	237
Автопортретный эксперимент	244
Глава 1	244
Глава 2	248
Глава 3	252
Глава 4	258
Глава 5	262
Негоцианты. Одноактная пьеса	267
Картина вторая	270
Картина третья	272
Картина четвертая	274
Картина пятая	277
Три подарка. Новелла	280
Пролог	280

Глава 1. Надежды	282
Подмастерье Тим	282
Вдова часовщика	289
Падчерица Анни	293
Глава 2. Утро Феи	297
Глава 3. Горести	301
Глава 4. Подарки	309
Глава 5. Пробуждение	321
Глава 6. Встреча	334

Елена Владеева

Сказки жизни.

Новеллы и рассказы

Факир

Этот вынырнувший из глубин сайта и прибившийся к ней виртуальный поклонник был ни на кого не похож и необычайно талантлив в полете фантазии. И слегка опасен почти гипнотическим воздействием... Самой Алине никогда не удалось бы так художественно и артистично исполнять назначенную себе роль. Правда, он играет лирическую драму, а ей видится захватывающее представление театра абсурда. Очень странный мужчина! И совершенно немислимые послания...

"Я знал, верил, что есть такие редчайшие, необыкновенные женщины – как Вы. И Бог наконец-то воздаст мне такой встречей. Долгожданной и благословенной! Я счастлив познакомиться с Вами! И до новой встречи – уже предвосхищаемой нетерпеливыми стуками сердца... Почтительно и благодарно целую Вашу руку. Отныне преданный Вам, Факир."

"В Ваших стихах пробивается живой, все преодолеваю-

щий, неиссякаемый родник! Не влекущий и подчиняющий себе поток страсти – но целительный источник нежности и несравненного дара прощения. Только женщина – и отмеченная редким даром женщина! – как по воде, пройдя над всеми невзгодами, сберегая вверенные ей жизни, способна сохранить и возвысить свою неповторимую душу. Продолжаю читать с восторгом, граничащим с преклонением. Ваш Факир."

"На какой хрустальный Небесный звук настроен камертон Вашей души в неизменных поисках гармонии в окружающем! Надо ли удивляться, что Вам легко отзывается музыка Слова, слышать которую даровано лишь Избранным? Но мое благодарное удивление беспредельно! Вы – Чудо, явленное в этот усталый мир, чтобы заменить его одряхлевшие опоры – угнетенные чувства, печальные мысли, разочарование и ожесточение душ – на внутреннюю чистоту, силу и доброту Женщины, Любимой, Любящей... Я счастлив, что Вы нашлись в моей судьбе! Преисполненный сердечной признательности, Факир."

* * *

После нескольких подобных экзерсисов новый знакомец Алины все еще не представился настоящим именем, предпочитая скрываться под загадочным ником – Факир. Да, в хорошем вкусе ему не откажешь – этот псевдоним как нельзя

лучше подходил к его витиеватым восточным любезностям. Через некоторое время должно проясниться, зачем он к ней пожаловал. Скорее всего, просто виртуальный обольститель – хотя и талантливый, но в реальности отошедший от дел по возрасту.

Алина уже "стреляный воробей", и несколько лет обитая на литературном сайте, научилась хорошо разбираться в нюансах сказанного – за всеми междометиями, восклицаниями и многоточиями – поверх и помимо слов... Она не обладала великолепной надменностью и безответной отстраненностью иных авторов, и пристальным вниманием читателей не избалована. Когда на ее странице появился Факир, она в первый момент замороженно обомлела и совершенно искренно растрогалась. Но вскоре, почувствовав неловкость, свернула общение до дежурных вежливых фраз, лишь благодаря за прочтение и понимание. А Факир все не унимался и продолжал витийствовать, осыпая ее восхвалениями, будто поставил неведомую цель и упорно ее добивался. Но чего именно? Это оставалось загадкой.

* * *

Ирина углядела подругу в супермаркете у соседней кассы. Усталую, какую-то замученную или огорченную. Подбежав, радостно обхватила Вику вместе с набитой сумкой, заговорила-затормозила и утянула к себе в гости. Они, хоть

и жили неподалеку, в последние годы встречались довольно редко, а когда-то были неразлучны, вместе работая в вычислительном центре, и потом дружили семьями. Сегодня вечером обе оказались свободны от мужей, и по такому случаю грех было не потрепаться под коньячок... Вид у Вики был очень неважнецкий, ей явно надо расслабиться и отвести душу разговором. В этом Ирина не ошиблась – буквально после второго глотка коньяка и тяжелого Викиного вздоха, она уже могла вкусить от пикантностей чужих проблем.

– Ты представляешь, я вроде обязана ей сочувствовать. Нет, я понимаю, конечно – она одинокая женщина, у мамы серьезная болезнь легких, безденежье и все такое... Получилось, что Андрей когда-то спас матери жизнь – буквально, и Алина не раз говорила, что по гроб жизни ему обязана. Да разве она одна? Короче – прилепилась насмерть. И к нам домой несколько раз приходила, даже чай вместе пили. Андрей давал ей какие-то направления и доставал бесплатные рецепты. Умом я все понимаю... Но слышать ее не могу! Правда, она звонит довольно редко, раз или два раза в год, что-то спросить про лекарства и обязательно в день рождения Андрея и под Новый год. А поскольку трубку обычно беру я – ну, ты знаешь, его и дома вечно знакомые пациенты донимают – аж вся передернуть от ее голоса...

Ирина слушала подругу, задумчиво посасывая ломтик лимона... Конечно, таких – как мой Пашка, "за пяточок дают целый пучок", но зато ей не грозит оказаться в подобной

нелепой ситуации. Чуть улыбаясь, она мечтательно поводила глазами по обоям, взвешивая на невидимых весах промелькнувшую в уме идею... А что? Может выйти заманчиво! И хитро сощурившись, протянула:

– А давай мы отвлечем вашу страдалицу! Только надо придумать – чем... Она в соцсетях крутится? Сочинительствует, говоришь? Ну-ка, быстро вспоминай – на каком сайте она предлагала себя прочесть? В Фейсбуке, ВКонтакте? Хотя и необязательно. У меня есть знакомая, она тоже что-то пописывает – подскажет, где они в основном тусуются. Или пробую в поиске, если она пишет под своей фамилией. Как ее зовут? Алина – красиво звучит. Сейчас запишу. Почитаю – что она из себя представляет, и подумаю над сценарием. Нет, теперь и не спорь – у меня даже руки зачесались от предвкушения! Хи-хи... А то я заскучала что-то в последнее время. Давненько не брала я в руки шашек.

* * *

Возвращаясь домой от подруги, Вика сто раз пожалела, что настолько разоткровенничалась с Иришей. Она знала за собой эту неудержимую слово-охотливость, когда вдруг начинала забрасывать собеседника десятком ненужных подробностей, а мозг все медлил отдать языку приказ остановиться. А тут еще коварный коньяк, да и вообще... Кто после душевных посиделок, теплый и размякший, уходит в

промозглую осеннюю тьму – уже одним этим оказывается в проигрыше и положении ущербности. Не сказать, чтобы ее мучила совесть из-за предстоящего розыгрыша Алины, а тошно было, что саму себя выставила ревнивой неврастеничкой. Ирише, конечно, смешна ее исповедь... Как пригвоздила крепким каблучком еще в институте своего Пашу, так он по струнке и ходит. Шаг вправо, взгляд влево – караются с иезуитской неотвратимостью и такой же изобретательностью.

Но в их с Андреем семье совсем другой расклад. И как на зло, именно вчера раздался очередной ненавистный звонок. А сегодня Андрей задерживался с работы – якобы его попросили кого-то проконсультировать, и Викину голову сверлила неотвязная гадкая мысль, черт знает что мерещилось... Было что-то в интонациях Алины, лишающее покоя – будто она имела право на Андрея, или у них был общий давний секрет... Хотя и перед Алиной, чем дальше – тем больше мысленно ей становилось неловко, уж больно лихо Ириша умела дурачить окружающих. Вика вспомнила кой-какие ее перлы из времен юности, причем довольно ядовитые, и смутившись, поежилась. А теперь эту фантазерку и конем не остановишь... Что-то будет?

* * *

"Вот зараза – сидит целыми вечерами, упершись в но-

ут! Пожрать не допросишься, самому все приходится. Как Митька к своей девице съехал, так совсем в виртуал ушла... Неужели, наконец-то, соизволила отключиться и посетить кухню? Сейчас только по-быстрому гляну Фейсбук..." – наспех заталкивая в рот печенье, Павел ввинтился за стол с компьютером на нагретое женой место. Печка у нее там что ли? Нетерпеливо перехватил «мышь», еще не остывшую от Ириной руки.

"А Ирка опять забыла удалить за собой историю." – сам он давно был приучен семейной жизнью нигде не оставлять «хвостов». Не то, чтобы слишком наследил в своей биографии, но конечно, был не без греха. Так зачем нарываться? – "Ни фига себе, сколько она тут нащелкала! Странно... Куда это ее занесло? Обычно она по тур-сайтам бродит или что-нибудь по садоводству. И везде одна и та же фамилия... Алина Н-ская, какие-то рассказы, сказочки для взрослых... Интересно, кто такая? Знакомая ее что ли? Или Ирка сама начала сочинять под псевдонимом? Еще и стихи... Тогда точно не Ирка, он бы давно знал. Нет, от этого меня увольте, стихи – кошмарное занудство. А вот необычное название! Однако... Не сказать, чтоб душевный стриптиз, но крепко по нервам перебирает, забористо... Не ожидал я от дамских сочинений. И как у нее в голове такое возникает?"

Поздний вечер субботы, почти ночь... Время только для себя. И задуманное ею, конечно, было не для спокойствия Вики, а исключительно для себя. Для собственного удовольствия! Ирина наугад включила тихую музыку. Нет, не то... снова – не то. А вот подходящее к настроению... Апельсиновый закат над морем, вкрадчиво наплывающие волны ласкают песок. И проникновенный мужской полусшепот, обволакивающий нежную романтическую душу...

С опусами этой самой Алины она ознакомилась тщательно и в подробностях – почти до оскомины. С Викиных слов ожидала, что невезуха и уныние там лезут из всех щелей, но предположение оказалось ошибочным. Похоже, мадемуазель-сочинительница в полном порядке и цену себе знает. Вот ведь артистка! Значит, в реальности умело приbedняется и выжимает слезу? Или литературное впечатление тоже обманывает? Но пишет она хорошо – этого не отнимешь. И в стихах, и в прозе чувствуется оригинальный, не заемный стиль. В ее поэтический мир погружаешься, как в достоверно-осязаемую и захватывающую реальность. В общем, убеждает. Но тем увлекательней будет задача – испробовать ее на зуб, проверить на изгиб и сообразительность! А вот и обещанные страдания-причитания начались...

Что ж, весьма разносторонне. Не удивительно, что наш

доктор к ней так проникся и взялся опекать. А может, даже запал на нее – чем черт не шутит? Впрочем, все правильно – кардиологу и положено тонко реагировать на "дела сердечные". Теперь, чтоб достоверно ее морочить, надо открыть свою страницу и состряпать нечто для антуража. Молодость походную что ли вспомнить? Институтские амуры?.. Но главное, почаще упоминать ее, любимую Алину, с ее неземными творениями. Разливаться майским соловьем... А назовусь как-нибудь позагадочней, например – Факир. Звучит вроде неплохо. Таинственный странник, маг и чародей... Восточный заклинатель змей.

Ирина затянулась сигаретой, представив экзотический кальяш... Ну, несостоявшийся факультет журналистики – покажи былой класс! Она прикрыла глаза, каждой клеточкой впитывая музыку, наполняясь образами чувственной мелодии... Распахнулся незримый занавес, дух замер от волшебных декораций в таинственном свете. И в луче его он – Факир, всевластный повелитель слов, опутывающий сердца магическими нитями предвкушений и сладкой истомы. Она томно потянулась, кошкой выгнув спину. Чуть откинула голову, вдохновенно уходя в отрыв... Завихрило сознание, как шаман в трансе... Руки скользнули по груди и вдоль бедер, словно оставляя позади волну, и замерли над клавиатурой в дирижерском взлете... Печатала она «вслепую» десятью пальцами. Волшебная дудочка Факира начала заклинание змеи.

"Алина, здравствуйте! Я безмерно рад, что по счастливому наитию – или по воле судьбы? – попал на Вашу страницу. В нашей, как будто случайной встрече я ощущаю несомненное присутствие Божьего промысла! И не боюсь так откровенно говорить – именно перед Вами, Вашей душой. Вы необычайно интересны, ускользающе тонки и хрупки, изысканно-музыкальны в своих стихах, и наверно оттого – как чувствительнейшая к прикосновению струна – уязвимы холодным страхом НЕпонимания и НЕвзаимности. Если не расцените это, как дерзость... прошу Вас, поделитесь – я умею быть бережным к чужим мыслям и чувствам. Если, конечно, сочтете достойным своего доверия... Я непременно в ближайшее время прочитаю максимально всё из вашего творчества и обязательно напишу Вам подробное письмо. С искренним почтением прощаюсь до скорой встречи, до новой встречи с Вашими восхитительными стихами. Имеющий дерзость попросить разрешения поцеловать вашу руку, Факир."

* * *

"Что-то гениальное нашептала Вам душа, настолько трепетное и пронзительное, что я невольно задохнулся, читая Ваши стихи... От восторга, сопереживания и щемящей нежности. Тысячу раз благодарю, что Вы появились в моей судьбе. Несказанно родная по степени искренности. В Вас живёт

безусловный талант – Небесный дар, любовь к Слову. И Вы владеете непревзойденным мастерством в создании настроения, в передаче тончайших нюансов и оттенков чувств. Я счастлив и горд познакомиться с Вами! С неизменным восхищением, Факир.»

"Вы написали совершенно удивительные, пронзительные стихи. Мои невольные слёзы, простите, тому свидетельство... А что до умения выделять главное, то суть, всё-таки (Вы позволите мне?) в первоисточнике – в Небе, в Боге. Сердечное спасибо Вам за глубокие и поистине провидческие размышления! Думаю, что Ваше земное предназначение это – откровенность – сокровенность – сакральность... Не в стихах, так в жизни Вы придете к Богу, а через Него или вместе с Ним – к Любви. Таким, как Вы – Избранникам, посланцам Добра и Света надо пробиваться из-под мрака кажущихся ненужности и отчуждения. Улыбнитесь миру! Вы такая колдовски-талантливая! И навсегда запишите меня в число своих благодарных поклонников-читателей. Пишите, творите на земле душевную радость – дайте нам надыхаться Вашей волшебной чистотой, одухотворенной красотой и нежностью. Быть причастным к Вашему слову, хоть в малой степени читать в Вашей душе – с чем сравнить мне это блаженство? Пусть непонимающие Вас тащат в костер хворост зависти и жгут на нем собственное несовершенство. Их удел – копать и зола... А Ваш путь – устремление ввысь, к Солнцу! Посылайте Ему искреннюю Любовь и получайте в

ответ горячие Небесные поцелуи. Договорились? Целую Ваши прекрасные руки, Факир."

"Вот этой несравненной эмоциональной открытостью хочется бесконечно Любоваться. Пишите, пишите, пишите! У Вас это не получается, а нарождается. Как ощущение скорого счастья, к которому мы тоже (!) приложим сердце и неизменно хранимую в нем Любовь. Не правда ли? Как ни прекрасен бутон юности, ему не сравниться с женщиной в полном расцвете ее возвышенной души и пронизательного ума. Лишь в зрелом возрасте, пройдя тернистой дорогой искушений, Любовь по-настоящему обретает верность и встает на крыло, воспаряя к Небу. С искренним преклонением перед Вашим чудесным даром, Факир."

Скажите – какой почтительный интим! А в то же время попытки играть роль психолога-гуру. Хотя сам почти ничего не публикует. Алина читала все новые, щекочущие нервы, откровения Факира. Он то умело обволакивал сознание медовой лавой восхищенных похвал. Это была не европейская паркетная галантность, выхолащенная иронией – о, нет! Утонченная и пряная восточная чувственность покушалась томить и будоражить ее душу... Попытка присвоения, печать обладания. То вдруг явный перехлест... И чрезмерность изысканности, перелившись через край, превращалась в пошлость. Сразу мысль – стоп! Все неправда. И она брезгливо отшатывалась. В словах Факира даже чудилась скрытая издевка. Нет, он не благодарный и тонко понимающий цени-

тель, а расчетливый и пресыщенный аукционный оценщик. Алина предпочитала оставаться полускрытой тенью ниши, а он тянул ее на подиум в самый центр, так и этак поворачивая и нахваливая глазеющей публике. Смотрите, господа – какой я отыскал образчик!

Да... с таким почитателем и злобных троллей не нужно. На ее увещевания и даже последующее молчание никак не реагирует. А в черный список его отправить как-то неловко... Но чего он добивается? Размышляя об этом, она чувствовала себя детективом в юбке, вроде незабвенной мисс Марпл, которой не терпится разгадать предложенный ребус. Дело ее женской чести и пытливого ума! Мысль о том, что он сумасшедший, промелькнула лишь однажды и надолго не задержалась. Слишком продуманы были слова Факира. А из письма Факира, пришедшего ей на почту, в котором он наконец назвал себя Виталием, вырисовывалась вполне ожидаемая картина: он разведен, одинок, романтичен. Без тонко понимающей его души очень тоскует... Оказывается, тоже пишет стихи, но не рискует их обнародовать, особенно после знакомства с удивительным творчеством Алины. Но может быть... Однажды он наберется смелости и пришлет ей прочесть несколько стихотворений... Она ведь так добра и не посмеется над ним? А он очень надеется выпросить у Небес и подарить ей персональное стихотворение – благодарное посвящение.

Факир неожиданно представился ей тоскующим стариком

в инвалидном кресле – грустной пародией на самого себя в донжуанской молодости. И поддавшись чувству жалости собственного сочинения, она откликнулась тогда несколькими ласковыми словами. Потом раскаялась, разумеется. Цепляющийся за жизнь старичок мгновенно испарился – снова возник опытный и бесстыдный циник средних лет, от которого лучше держаться подальше.

* * *

"Да, непросто получается с объяснением видения мною нашего... астрального сближения? Звездной предрасположенности? Мне сейчас почудилось, что Вы улыбнетесь, если я скажу, что люблю Вас (и шепотом признаюсь: все мужики, практически, олухи!) В Вас есть главное – одухотворенная искренность, иногда на грани с обнажённостью, в прямом и переносном понимании. Ваша поэзия – непревзойденное чудо! Все очень тонко, божественно... И чарующе-женственно. Научите, пожалуйста, нас – разуверившихся – Любить! Кроме Любви нет для человека другого судии и заступницы. Как бы мне хотелось с Вами поговорить, глядя в глаза (не лирических героев)! Взгляд может высказать несравнимо больше набранных сухим шрифтом слов... Преклоняю колено перед Вами не лирической, а реальной. Часто пытаюсь воочию Вас представить... Фото на авторской страничке – восхитительно хорошо! Позвольте скопировать его, чтобы Вами любо-

ваться..."

Павел вскипел от негодования, увидев текст этого наглеца. Возмущенный вдох застрял в пересохшем горле... Он с трудом сглотнул. Тфу-у! Ах, слюнявый кобель! Да как ты смеешь? Свирепо метнулся на страницу Факира – кто таков?! Там довольно безлико и опубликовано всего три рассказа. Начав читать, он невольно разинул рот и замотал головой, скидывая наваждение, а под волосами побежали мурашки... Фантастика! Это был рассказ о походе по Карелии студенческой компании – их компании! И во втором рассказе тоже сюжет из институтской молодости. Да, случилась тогда памятная хохма – здесь, правда, с очень лихими добавлениями. В первую минуту он буквально ошалел и подумал, что тронулся умом... Но вдруг пазлы нескольких последних дней – с победным щелчком – сложились в нужную картинку.

Павел все понял, и до боли прикусив палец, затрясся от беззвучного смеха. Сто пудов это была Ирка! Вот змеища! Тот самый Факир, который словесно обольщал Алину, оказался его собственной женой... Отпад! Сколько же подобных наживок заглотив он сам за двадцать лет семейной жизни? Но получается, что она знакома с Алиной – иначе зачем приманивать ее, как муху на варенье? Интересно, что они не поделили? Очень похоже на женское соперничество. Значит, из-за мужика... Еще не хватало ему приключений! И как теперь предостеречь неведомую, но симпатичную ему Алину

от происков Факира-Иры, не выдав себя – мужа и собрата по одурачиванию? И вроде как причастного, а то с какой стати он вообще про Алину узнал. Надо хорошенько все перевернуть и обдумать. Как говорится, переспать с этой мыслью...

Оставался непрочитанным последний рассказ, Павел снова ткнулся носом в экран. Этот сюжет был ему неизвестен. Что-то про юношеские амурные переживания-расставания и вымученное объяснение с девушкой. Но тут у Ирки был явный прокол, сразу ясно, что писал не мужчина. Обычно наш брат норовит исчезнуть по-английски и терпеть не может подобных душещипательных разговоров. Это чисто их, женские штучки... А вот героя-супермена, от лица которого велось повествование, Павел не узнал, как ни старался. Возможно, тот парень вымышлен? Но вряд ли – слишком уж правдоподобен, и с такими, буквально осязаемыми подробностями... Павел аж зубами скрипнул. Скорее всего, супермен был притащен откуда-то по воле автора. Зато девушка оказалась до боли знакома, хоть и переименована в Марину. Конечно, это его Ирка. А вот и он сам, даже имя ему не потрудились изменить. Но уж поехидничала над ним по полной... Позорище-е! Стало быть, таким лохом он ей видится? Кровь жарко ухнула в голову... И выходит, что сама Ирка в те времена крутила шуры-муры с неотразимым мистером Икс? Но там ей счастья не обломилось, и она решила взамен прибрать его, ничего не подозревающего Пашку. А он лопух, уши развесил, типа свадьба-женитьба... Очень похоже. Но и

удивительно... Оказывается, что из-за кого-то другого, Ирка раньше тоже умела страдать, как человек?

Павел внезапно почувствовал странную опустошенность, будто сердце вместе с желудком зависли в мучительной неведомости и могли вот-вот оборваться... То ли затошнило, то ли правда, сердце... Он бессильно поплелся в ванную, кое-как почистил зубы. Исподлобья тупо посмотрел на себя в зеркало, взгляд фокусировался с трудом. И-ди-от! Хотя не случилось никакого открытия. Разве он не знал, что Ирка первостатейная врунья? Сколько раз сам поражался, да что греха таить – восхищался, когда эти художества его не касались. И все же... Некоторые полузабытые, смутные моменты вдруг ожили с беспощадной и высокоточной объективностью. Он болезненно замычал... Слабонервный стал, как обморочная барышня. Видно, чувствительных алининых стихов слишком перечитал. А все от дурного любопытства. Одно сейчас утешает, что сын Митька – его вылитая копия. Павел с отвращением плеснул в лицо холодной водой. И глядя в никуда, мимо Иркиного удивленного "ты чего вдруг?", молча рухнул в кровать, натянув до макушки одеяло. Засыпать он мог и под включенный телевизор. Такая счастливая способность.

* * *

Недоуменно слушая расстроенный голос в телефоне, Ви-

ка с трудом пыталась осознать слова Ириши. "Вот такие дела, Викуль... Как видишь, и на старуху бывает проруха. Пока я изощрялась в комплиментах вашей Алине, Пашка вдруг из дома намылился уходить. И главное – сразу разводиться собирается. Ничего, мол, нас теперь не держит, ты на меня не обращаешь внимания, и понес по кочкам... Я, видишь ли, такая-сякая бесчувственная. А кто-то, значит, нежно расчувствовался и на него внимание обратил? Сначала подумала: ничего, обойдется – остынет. Ради такого случая уж я расстараясь! Ну, ты понимаешь? А он, гад, кочевряжится – и ни в какую... Потом плюнула на все и решила, будь – как будет..."

После их разговора, Вика еще долго не могла опомниться от удивления. Чтобы Павел в одночасье вдруг ушел от Ириши? Это просто невозможно! Или она уже ничего не понимает в жизни... От подобных женщин не уходят. От них можно быть только выгнанным взашей, путем спуска с лестницы без багажа – и не иначе! Видно Ириша, чересчур увлекшись мистификацией, ослабила привычную супружескую хватку. Об этом и трогательно-смешная жалоба Паши "ты меня совсем не замечаешь!" Но Алину она, конечно, разыграла мастерски. Слов нет – высший пилотаж! Вика по просьбе подруги прочла несколько посланий от имени Факира, Ирише очень не терпелось похвалиться своими литературными и психологическими талантами. Получилось классно, даже стало завидно – какое открылось дарование! Вика не ожи-

дала, что в результате сочинится настолько колоритный персонаж. Хотя ощущение неловкое, вроде в замочную скважину подглядываешь или тайно в гарем прокрался. И смех, и грех...

* * *

До чего оказалось непривычным чувствовать в любимой женщине еще и друга. Как говорили в старину – задушевно... Без вывертов и одолжений. Без мелкого расчета: подешевле взять – подороже продать. Больше двух месяцев прошло, как Павел съехал от жены, а все не мог привыкнуть к неожиданному повороту судьбы. Точнее – захватывающему выражу... Он вспомнил вечно насмешливый Иркин взгляд, ехидные подколки и вздохнул. Всю жизнь – как на привязи. Ничего, пусть еще кого-нибудь оприходует, найдет себе новый объект для остроумия. А его увольте! После первого осторожного письма Алине, когда полунамеками, пытался предупредить о Факире – вроде случайно проходя мимо, заметил что-то странное – и ее благодарного ответа, он вдруг ясно, даже не понял, а необъяснимым образом почувствовал, что отныне будет не обслугой для жены, а другом и защитником своей любимой. Если бы не звучало так смешно – оберегающим ее Рыцарем. Кстати, надо позвонить Андрюхе, попросить нашего доктора посодействовать Алининой матери со здоровьем.

– Андрюха, привет! Как жизнь – все окей? Да тоже нормально. Слушай, такое дело – ты можешь сосватать одну знакомую на консультацию к хорошему врачу, насчет легких? Ну да, к пульмонологу. Сделаешь, Андрюх? Спасибоще тебе огромное! Что значит – настоящий друг! А-а?.. Ты уже слышал? Телеграф исправно работает. Да, можешь поздравить! А эта женщина как раз – ее мать. Если мы по времени там совпадем, сразу вас и познакомлю. А за Иркут ты не волнуйся, она еще и не то переживает – непотопляемая... Значит, я на той неделе перезвоню? Спасибо, до связи! Жму пять!

Нечто. Рассказ старушки

– Слышу, слышу! Сейчас вам отопру. Да я и не боюсь, взять-то у меня нечего... Заходите, ребяташки, только осторожно – тёмно тут в снях. Не разувайтесь, я потом замету. Ну, и дождь нынче припустил! Небось, промокли все насквозь? Ничего, сейчас обсохнете, изба-то у меня теплая, и чайку вам быстренько согрею. Эх, давеча ведь собиралась протопить, да дров пожалела, до холодов берегу, а то неизвестно, когда еще привезут... А ты, дочка, скидай свое сырое – вон туда иди, занавеску задерни. Есть у тебя в сумке, что переодеть? А сверху в мою кофту завернись, она козьей шерсти – сама, как печка, греет! И тебе, милоч, что-нибудь сейчас найду... Сам-то у меня давно уж помер, и вещей от него не осталось, а у зятя вроде жилетка где-то была, тоже вязаная, теплая. Да, не заладилось нынче лето... И сорняки в огороде одолели, спасу нет!

А звать меня баба Паня. Как полностью? Прасковья Корнеевна, только нам привычней по-простому. А вы кто ж будете? Видать, издалёка к нам в глушь заехали? Эка вы заплутали! Да еще в ливень подгадали. И машину, поди, увязили... с нашего краю топко. А в Овсеевку? Это вам надо было от развилки направо свернуть, и еще километров пять. Там, говорят, много домов скупили, они на взгорке и дорога к ним хорошая, не то, что наши колдобины. Ну ничего, зав-

тра к своим друзьям доберетесь. А за машину не тревожьтесь – у нас чужих не бывает, на всю деревню семь душ стариков осталось... Раз в месяц пенсию привозят и раз в неделю – продукты. Да еще летом с внучатами приезжают, с правнуками. А уж какая была раньше деревня! Что теперь говорить... Ну, вот и чайник поспел, сейчас заварю. Чай-то у меня особенный, из разных травок – в городе вы такого в жизни не попробуете! Нет, вина я не пью, да и вам ни к чему, мой чаек всякую простуду вылечит. А тарелки, дочка, там на полке достань. Ишь, вы со своим угощеньем пожаловали – ох, и богато! Знала я, что добрые люди в дверь стучатся. Откуда? Да вот, подишь ты, знала.

Нет, это не ребенок... Неоткуда здесь дитю взяться. Это наше Нечто так подскуливает – вкусенького, стало быть, просит. Очень уж колбаска заманчиво пахнет! В запечье ОНО живет – и тепло, и никто там не побеспокоит. А-а... длинная это история... Вот сейчас сядем да повечерим, я вам и расскажу, вроде сказки на ночь. Только сперва надо его уважить. Угощайся, Нечтушко, с нами за компанию! Зря улыбаетесь, ребяташки, хоть оно и понятно, с непривычки-то... Да ведь не всё силу имеет, что глазами увидишь и руками потрогаешь. Нет, это не домовой. Тот ведь часто озорует, может чашку из-под руки на пол столкнуть, вещь какую нужную попортит или спрячет. Тогда говорят ему – поиграй, поиграй и отдай! А в прежние времена они по ночам гривы и хвосты лошадям спутывали, это у домовых – первая заба-

ва. А уж если на хозяев обидится, такого начудит, намудрует – хоть из дома беги! А наше Нечто дом хранит, и никакого баловства от него нет, ни мусора – опрятно себя содержит. Вкусненькое только очень любит, да хозяева сами издавна приучили. Я всегда и поговорю с ним, чтоб не скучно было, у меня ведь только ОНО и кот. И в сильную грозу не так боязно, все ж не одна. Видите, как с вами бабка сегодня разговори­лась...

А наше Нечто про все в жизни ведает, до самого доньшка! Когда у нас батю на войне убило – ох, и заплакало оно! До того жалостно, прям сердце у нас зашло... Я уж боль­шенькая была, в школу тот год пошла, сразу поняла – беда! А маманя, как его плач услышала, так на колени под образа и пала, в голос завывла. Потом, когда похоронку принесли, все точно там было прописано – в самый этот день он и по­гиб, Царство ему Небесное! Уж как мы тогда выжили, одно­му Богу ведомо... Ох, и тяжело было! Хлеба месяцами не ви­дели, одним огородом питались, да лес кормил. Бывало, что и травились, ведь от голода чего только не ели. У меня еще младший братик был и сестренка, она сейчас в Калуге живет – а за малы­ми разве уследишь?

Это оно за угощение так благодарствует. Нет, на филина не похоже. Тот грозно ухает, а Нечтушко голубком ласково воркует – понравилась, мол, ваша колбаска. И правда, все до кусочка подобрал. Да, что вы! Кот этого ни за что есть не бу­дет, вам не в обиду сказать. Ему колбаса без надобности, он

мышами сыт. Дочка моя, когда приезжает с зятем, иной раз хочет дать ему чего-нибудь городского – куда там! Нос воротит да еще лапой поскребет, навроде как закапывает. Вот он, Васятка, в ногах у меня крутится, проказник... Слышит, что про него говорят. Вышел бы, поздоровался с гостями! Так о чем я? Дочка меня все жить к себе зовет, говорит – мама, зачем ты упрямишься, ведь ни врачей тут нет, ничего... А я думаю, Господь захочет, так и в городе приберет – никто не поможет. Здесь я худо-бедно, а сама себе хозяйка, пока на своих-то ногах. И зятю не помеха, и он мне не в укор. Да и как Нечтушко в пустой избе оставить? Что дитя на погибель бросить... А может, Бог милостив, и отпустит меня тихо, как нашу маманю – легла спать, а утром не встала, и сама не мучилась, и никого не обеспокоила. И нам невдомек было... Нечто в ту ночь вздыхал тяжело да поскуливал, а мы про другое подумали. Корова со дня на день должна была отелиться, вот и бегали все к ней, смотрели – как она там?

Давно, ребяташки, давно у нас Нечто живет... Оно ведь откуда появилось? Это еще в молодости наших бабушки с дедом было, как раз перед той, германской войной. Дед задумал отделяться от отца – он уж тогда был женат, и решил строить свой дом. Вот они с младшим братом – дядей Петром, и еще другие деревенские помогли, эту самую избу поставили. Сто лет уже стоит, а все целехонька! Только крышу однажды перекрывали, да по мелочи подправляли кой-чего. Сам-то у меня тоже рукастый был – и плотник хоть ку-

да, что хочешь мог отремонтировать, и на тракторе в колхозе работал. А тогда дед с братом все уже сладили, и надо было печника звать, да хотели найти самого хорошего. Печь сложить, чтоб тепло держала и чтоб потом с ней не мучиться – дело нешуточное! Был в округе знатный мастер, работал по разным деревням, вот его разыскали, и стал он печь класть. А бабушка Варя наша до того красавица в молодости была – все на нее заглядывались! И такая приветная, ласковая... Очень мы, ребяташки, ее любили. Она, почитай, нас и вырастила, весь дом был на ней, маманя-то целыми днями на ферме. А баба Варя и стряпала, и обшивала всех, и вязала, и тугеса плела, и нас всякому рукоделью учила. Еще приговаривала: "Отдохнем, когда ни разу не вздохнем..." И сказки рассказывать была мастерица!

Вот и печной мастер тоже, как увидел молодую хозяйку – так к ней сердцем и присох! Исстрадался весь, извелся, не раз даже уговаривал уйти с ним – на руках, говорит, носить буду! А ей и слушать-то совестно, она мужа очень любила, и у них уж двое детишек было. Так ни на чем и расстались... Тогда он на прощанье, это бабушка сама нам рассказывала, память ей навеки по себе оставил – Нечто в запечье поселил. А вскоре и война началась... Деда на фронт забрали, два года он там провоевал, без руки вернулся, но живой.

А про Нечто как прознали стороной – от людей такую диковину разве утаишь? – так сперва вся деревня всколыхнулась, любопытные стали в избу соваться, а другие зачу-

рались, всякую напраслину пошли про них наговаривать. Здешнему батюшке пожаловались, он на семью даже покаянье наложил, а дом заново освящал. Но тут вскоре революция случилась, и всем уже не до них было. И батюшку того арестовали, и хлеб отбирали, голод настал... И бандиты по лесам, и тиф-сыпняк... А к деду с бабушкой деревенские вдруг зачастили, вроде просто так, по-соседски да ненароком, а в самом деле за помощью, чтоб Нечто им верное посоветовал или про родных подсказал – живы ли? Людей тогда ох, и разбросало по свету, кто на войне сгинул, кто в город подался... Так и повелось к Нечтушке приходить, почитай уже сто лет... Только не каждому ОНО знак дает, а только хорошему человеку, незлобному – кто ему глянется. Бывало, и обижались на нас деревенские, не без того, люди-то все разные... А как жизнь сильно прижмет – обратно к нам в дом идут. С хозяев-то какой спрос? Это уж как сам Нечтушко рассудит, иной раз и сжалится, если кто убивается шибко...

Вот хоть меня взять – сын военный, в Казахстане служил, название я и не выговорю, так там насовсем и остался. Теперь, стало быть, за границей... С тех пор всего два раза приезжал, дорога уж больно дорогая. Напишет иногда к празднику, весточку подаст, и то чаще – сестре, дочке моей, что в городе. А все ж я про него знаю – как он там, здоров ли? Нечтушко подскажет, я и спокойна. Еще когда мне пришло время родить, ОНО этак баском гулило – мальчик, мол, бу-

дет. Я и не боялась совсем, раз Нечто обещался, что все обойдется, и правда. Ну вот все я про него рассказала... По-направилась вам сказочка? То-то... А вы чайку покрепче наливаете, и никакая хворь вас не одолеет, а уж спать будете, как праведники! Завтра утром, глядишь, и развиднеется...

Можно, дочка, можно... Ты спроси у него тихонько да по-уважительней, пока твой курить вышел. Я не слушаю, пойду постелю чего-нибудь вам. А ты спроси, спроси! Нечтушко, он все про жизнь знает, вдруг и откликнется. Поймешь, не бойся – прям нутром почувствуешь, уж не спутаешь...

Девять жизней. Новелла

Жизнь первая – Лиу Ю (1340 г. Китай)

Низко склонив голову, Лиу Ю прилежно шила разложенное на циновках стеганое одеяло, готовила свое приданое. Изредка вставала с колен, чтобы размять ноги, и опять сгибалась над работой. Иголка привычно и споро мелькала в ее ловких пальцах, а неизменные мысли текли уныло и бесконечно, под стать ее имени¹ и льющемуся день и ночь осеннему дождю... Скоро год, как переделав самую черную работу на кухне и заднем дворе, она безвыходно сидела за шитьем в этой дальней комнатке, теперь ей запрещено показываться в доме, особенно при гостях, и видеть своего нареченного жениха. И прежде Ю лишь изредка встречала его во дворе, когда он уходил или возвращался из школы, а теперь они увидятся только во время свадебной церемонии. Тогда поднимут невестино покрывало с ее лица, и они вместе сядут за стол в первый и последний раз в жизни, потом она будет лишь подавать еду мужу. Лиу Ю опасалась, что может не узнать своего жениха, так долго его не видела. Наверно, он

¹ Имя Лиу по-китайски означает «текущая», Ю – "звук дождя".

стал уже взрослым юношей и мог сильно измениться.

Но судя по тому, что будущая свекровь пока не слишком торопила ее грубыми окриками и подзатыльниками, день свадьбы еще не назначен, хотя скоро ей исполнится четырнадцать лет. Лиу Ю была этой отсрочке даже рада, она побаивалась своего жениха, ведь он никогда не обращал на нее внимания, с тех самых пор, как родители шестилетней девочкой отдали ее в их дом. Но она всей душой искренне молилась о его здоровье, иначе в случае смерти жениха, брак по традиции заключили бы с поминальной дощечкой, а ее, невесту до конца жизни объявили вдовой. В Китае самое обыкновенное дело, когда бедные семьи заранее продают своих ненужных дочерей, если не вполне уверены, что они вырастут красивыми, и потом их удастся сосватать. Ведь выкуп за младенца платят гораздо меньший, чем за взрослую невесту.

А у ее отца и матери родился только один-единственный обожаемый сын и целых пять дочерей. Лиу Ю – третья по счету, и хорошо еще, что никого из них младенцами не бросили где-нибудь на обочине дороги, и такое бывает... Старшую сестру, хоть и просватали с колыбели, но до замужества оставили дома, чтобы помогать матери по хозяйству, а вторую так же отдали в семью жениха безропотной прислугой под власть свекрови. И если сейчас Лиу Ю случилось бы встретиться с сестрами, то они, конечно, не узнали бы друг друга.

Лиу Ю тяжело вздохнула, и глядя на стену, отчаянно по-

пыталась вспомнить и лицо своей матери, но перед глазами лишь всплывал расплывчатый, смутный образ... Да и мать, наверно, давно позабыла о ней. Ю уже не плакала безутешно тайком, как часто бывало первое время в чужом доме. Скрепя сердце, она свыклась с неизбежностью, притерпелась к беспрекословному повиновению и даже порой напевала за шитьем сложенные ею незатейливые песенки, но совсем тихонько, чтобы не услышала и не разгневалась всегда и всем недовольная свекровь. Пропалывая и поливая огород или ухаживая за скотиной, не запоешь от усталости, а тут изредка можно.

Была у нее раньше и подруга – одна из сестер жениха, они вместе шили и разговаривали о многом. Но недавно ее выдали замуж, еще трех лун не прошло с тех пор, и Лиу Ю осталась сидеть одинокой молчальницей, ей было тревожно и безысходно-грустно, почти до слез. А еще было жаль свою милую подругу – как она там, бедняжка, доброму ли мужу досталась? Не сильно ли помыкают ею в чужом доме? И что за жизнь в скором времени ожидает ее саму? Она старалась выспросить, что могла о ее брате – своем женихе: чем ему угодить и порадовать? Что он больше всего любит из еды? О чем лучше с ним поговорить, когда он будет в приятном расположении духа? А что может вызвать гнев – чего ей надо особенно избегать? Но его сестра и сама мало что знала, живя в родительском доме почти такой же затворницей. Вот если бы родиться красивой! Наверно, тогда к ней относились

бы по-другому...

Лиу Ю печально покосилась на оловянное зеркальце, висевшее в углу. Тускло отразились всегдашнее темно-синее платье и блеклое, едва различимое лицо. Видно там было даже хуже, чем отражение в ведре воды. А вдруг она все-таки?.. Но язвительная свекровь часто попрекала ее тем, что она выросла дурнушкой, хотя раньше надеялась, что у сына будет миловидная жена, которую не стыдно показать гостям. Из-за этого Ю постоянно чувствовала себя униженной и очень виноватой, но что поделать... Самое главное – только бы ей посчастливилось родить мальчика, иначе семья мужа поедом съест! И духи их предков могут наказать, ведь только мужчинам по традиции дозволено совершать поклонение им, возжигая ароматные курения на домашнем алтаре.

Когда бы я птицей могла в поднебесье лететь,
вовек не пришлось сожалеть, что родилась на свет.
О, если бы люди, как солнце, все были добры,
прекрасною стала невесты печальная жизнь!..

Подняв утомленные глаза от рукоделия, Лиу Ю мечтательно и грустно вздохнула... Ах, если бы могло произойти немислимое чудо и перед ней вдруг возник добрый волшебник! О, как она умоляла бы его на коленях, чтобы он исполнил ее заветнейшую просьбу – всего одну, но которой хватит на целую жизнь, полную счастья! – послать ей сердечную любовь окружающих людей, в особенности мужа и свекрови. И

чтобы родители вспомнили о ней. Выше этого несказанного счастья ничего невозможно вообразить! И еще... Чтобы ей было позволено иногда, не таясь, петь свои песни.

* * *

Лиу Ю прожила долгую жизнь и родила шестерых детей. Правда, муж всегда был к ней безразличен и после смерти матери привел в дом наложницу. Зато дети и внуки очень любили свою бабушку, особенно когда она рассказывала сочиненные ею сказки.

Жизнь вторая – Жильбер (1450 г. Бургундия)

Бережно прижимая к боку лютню, Жильбер торопливо спускался по винтовой лестнице вслед за служанкой, указывающей дорогу. Случилось то, чего он давно опасался, и теперь вынужден крадучись пробираться, словно вредный кот. Когда после выступления перед знатными гостями его окликнула камеристка виконтессы, сказав, что госпожа просит пожаловать к себе, но повела не через парадные покои, а потайной лестницей, он понял, что погиб... Тотчас слетел хмель, неизменно окутывавший его в чарующий миг между последним, тающим под темными сводами звуком баллады и первыми восторженными хлопками замороженных слушателей.

Жильбер едва не передернулся – таким непристойным в своей откровенности было лицо ее светлости и придыхание, с которым она произнесла, что хочет отблагодарить его за удовольствие, полученное от восхитительного пения. Приблизившись вплотную, томно вынула из-за корсажа золотой медальон на витой цепочке и пожелала сама надеть подарок на шею менестреля. Поблагодарив с должной учтивостью, он склонил голову, но виконтесса, проведя рукой по его волосам и призывно пожирая взглядом, начала медленно расстегивать ворот пурпуэна и жадно скользнула горячими пальца-

ми под сорочку, обдав запахом пачули. Что Жильбер в смятении бормотал ей, он дословно не мог вспомнить, но надеялся, что хотя бы на время спасся отчаянным и льстивым самоуничижением, с трепетным благоговением перед высокогородной госпожой и благодарного почтения к ее супругу, столь милостивому своему покровителю.

С явным неудовольствием он был наконец отпущен, и служанка вывела его в галерею, откуда путь был уже знаком. Держась в тени зубчатых стен, таясь от лунного света, Жильбер проскользнул по внутреннему двору до боковой башни и взбежал к себе наверх, в отведенные ему комнаты. В полумраке лестнице, при тусклом огоньке масляного светильника, заметил темный силуэт в накидке с капюшоном, притаившийся в боковой нише. Невольно вздрогнул – кто это? Уже?.. Закутанная женщина с быстрым поклоном протянула письмо "от известной ему особы" и торопливо скрылась. Но Жильбер узнал голос, и облегченно выдохнув, сунул за пояс свернутое письмо.

Еще с порога крикнул служанке Аннет, чтобы скорей подала умыться – так невыносимо он пропах благовониями виконтессы, так надеявшейся его обольстить. Но прежде положил на место лютню, обернув ее любовно тонким полотном. Швырнул на кровать сорочку с письмом, и подхватив шнурком чуть выющиеся волосы, с наслаждением подставил шею и плечи под струю из кувшина. Но резко отшатнулся – вода оказалась слишком холодной! В ярости он хлестко уда-

рил Аннет по лицу: "Ты что, угробить меня хочешь, дрянь?! Чтобы я голоса лишился?" Перепуганная девушка опрометью выскочила за дверь и через мгновение вернулась с горячей водой, не смея поднять на него глаза. А когда он вытирался протянутым полотенцем, робко поцеловала между лопаток, и всхлипнув, виновато прижалась мокрой щекой. "Ну, ладно, ладно... не плачь." Аннет радостно вздохнула, и ласкаясь, обняла его со спины, скользнув по груди ладонями. Жильбер недовольно отстранился: "Не сейчас, крошка. Пока ступай, я позову..."

Он старательно запер за ней дверь, а то женщины слишком любопытны и ревнивы, дай им только волю. Какую пакость устроила мерзавка, уловив чужой запах! Теперь ей придется очень постараться, чтобы загладить вину... Хмыкнув, он отпил терпкого вина из кувшина, и утомленно зевая, кинулся на постель. С удовольствием вытянул уставшие за вечер ноги, и нашарив под боком письмо, сломал знакомую печать.

"Жильбер, любовь моя! Минула уже третья неделя, как я не имею счастья обнять тебя. Все дни проходят в неутолимых страданиях сердца и неизбывной тоске по твоим..." Жильбер закатил глаза и с досадой скрипнул зубами! Опять придется где-то украдкой поджидать ее паланкин... Или высиживать воскресную мессу, а после топтаться у чаши со святой водой, чтобы Леонора осчастливила прикосновением его руки и парой слов. "Муж завтра уезжает по приглашению

родных на несколько дней. Умоляю, дай мне знать, когда мы наконец сможем увидеться? Я буду со страстным нетерпением и...»

Еще не легче! Ну почему ее муж не занудный старик-домосед, а беззаботный охотник? Конечно, Леонора знатная дама и не столь навязчива, как разбитная хозяйка гостиницы, где он остановился по приезду в этот город, к тому же именно она представила его виконту, но все же немислимо так докучать своей безудержной любовью. Хорошо, что скоро Великий пост, закончится праздничный угар с круговертью выступлений перед гостями замка, наступит долгожданный покой, и тогда он все обдумает и найдет выход. Легким движением, неизменно сводящим с ума женщин, он небрежно откинул волосы со лба и предался печальным размышлениям.

Ясно, что виконтесса не простит ему отказа. Было в ее глазах нечто рысье, таящее угрозу, а такие намеченную жертву просто не выпускают. И ей уже за тридцать – возраст самых неумных страстей для женщины. Она способна на любое коварство, чтобы из мести навлечь на него гнев супруга или подослать кого-нибудь с кинжалом. Неужели из-за ее прихоти рассыплется прахом старания целого года? Все так удачно здесь складывалось: беспечная жизнь менестреля во дворце благоволившего к нему виконта, рукоплескания изысканной публики и восторженная любовь чувствительных дам.

А недавно проходя рыночной площадью, он услышал, что какой-то ловкий малый поет его балладу, причем вполне сносно, хотя и безбожно перевирая слова – значит, слуги уже разнесли ее по городу. И судя по тому, как щедро сыпались певцу монетки от столпившихся слушателей, творение Жильбера оценено ими по достоинству. Если придется отсюда уехать, разумеется, он со своим даром не пропадет. И прежде в разных городах Бургундии его нарасхват приглашали на праздники гильдий и в богатые дома. Но все же отчаянно жаль...

Эх, скрыться бы от всех неприятностей в дальнюю, уединенную деревушку и тихо пожить отшельником в свое удовольствие. Главное, чтобы ни одной из прилипчивых женщин не было поблизости! Чтобы никто не смел посягать на его свободу! Кажется, он согласился бы даже подурнить лицом... так, самую малость. И сразу вспомнил, как в одном приветливом городке его хитроумной уловкой чуть не заманили к алтарю, и пришлось спасаться позорным бегством. Да, остается исчезнуть в глухую деревню. Возможно, там к нему вернется вдохновение, и он сможет завершить балладу, начатую еще осенью и теперь безнадежно заброшенную. "Благоговейно умолкает голос мой перед безмолвною улыбкой уст прелестных..." Губы Жильбера чуть дрогнули, любовно припоминая и с наслаждением пробуя на вкус полузабытые слова...

"Еще одна метель замкнула года круг, и ускользя вслед за

ним..." Он промурлыкал еще несколько звуков, изящно протанцевав пальцами в воздухе, и мечтательно вздохнул, сладостно уплывая из тревожной реальности... Его веки смежились во сне, свиток забытого письма выпал из разжавшихся пальцев и скатился на пол."... тысячу раз с преданной любовью и мучительным восторгом целую твои чудесные руки, чье волнующее прикосновение превращает мое сердце в певучую лютню, на струнах которой ты...»

* * *

Жильберу пришлось покинуть замок виконта. Потом были другие города и другие покровители. Через десять лет он отправился на родину узнать, жива ли еще его матушка? Там его заколол ножом в таверне чей-то ревнивый муж. А баллады, сочиненные им, еще долго звучали в городах Бургундии.

Жизнь третья – монах (1590 г. Тибет)

Старый худой монах с болезненной тоской посмотрел на низкую дверцу, за которой исчез юноша. Потом задумчиво перевел тусклый взгляд к маленькому окошку. Вековой покой устремленных в небеса заснеженных гор на фоне небесной лазури всегда возвращал мыслям умиротворяющий и возвышенный настрой – то, чего ему сейчас мучительно не хватало. И хуже того, он постыдно нуждался в утешении...

Почти семь десятков лет отрешенности от мира, стоического преодоления множества свойственных человеку слабостей и полного аскетизма. По священному завету Будды он покинул родительский дом, освободившись от всех житейских привязанностей и мирских ценностей, чтобы не знать ни суетных стремлений, ни сожалений и страха, ни душевных страданий. Он прилежно трудился для монастыря и часто ходил по окрестным горным деревням, собирая скудные пожертвования. Год за годом учился управлять своим сознанием и жизненной энергией через овладение пранаямой, совершенствовал свой дух, очищая карму ради будущего обретения нирваны.

Он почти достиг состояния полного покоя и в медитации не раз испытывал просветление самадхи, воспаряя к высшей реальности, постижению истинной сущности бытия и сливаясь с "душой мира"... Все здешние монахи относились к

нему с искренним почтением, а иные даже называли его не только гуру, но и "освобожденным при жизни"². И многие миряне приходили за советами, в которых он никому не отказывал.

Последние несколько лет он жил строгим отшельником, питаясь лишь цампой³, замешанной на воде. И лишь старческая слабость, когда не осталось сил, чтобы дойти с кувшином до источника по вырубленным в скале ступеням, вынудила его со смиренной благодарностью принять помощь, предложенную настоятелем монастыря. Но с появлением в келейке молодого послушника с его душой произошло что-то немыслимое и даже испугавшее поначалу.

Это случилось в день, когда юноша, помогая старику подняться с циновки, заботливо придержал его под спину, и тот ощутил прикосновение теплых ладоней. Монах уже не помнил, сколько лет назад он в последний раз дотрагивался до чьей-либо руки. Большого мужества стоило ему заглянуть в потаенные глубины своего сердца и осознать всю сокрушительную правду... Но после горького прозрения стало легче, будто он скинул тяжкий, навьюченный кем-то непосильный груз.

И сейчас он, не задумываясь, отдал бы все постигнутые им премудрости и дарованные Небом прозрения за счастье

² Дживанмукта – "освобожденный при жизни", освобожденный из сансары, круговорота рождения и смерти.

³ Цампа – мука из обжаренного ячменя, традиционная тибетская еда.

назвать этого юношу сыном – своим родным сыном! Ему хотелось так много рассказать ему, передать – от сердца к сердцу! – опыт всей долгой жизни, накопленный испытаниями, поделиться самыми сокровенными думами – ведь у него никогда не было на свете близкой души. Но в последнее время он с грустью замечал, что юный послушник, с неизменной предупредительностью опекавший его в не всегда опрятной немощи, стал тяготиться бесконечными назидательными разговорами и стараниями монаха удержать его рядом с собой. А старик, мучительно это понимая, не в силах был остановиться, словно все мысли и чувства, накопившиеся за годы отшельнического молчания, прорвали невидимую запруду, не зная удержу, и он все что-то шамкал беззубым ртом...

Кто сказал, что в старости человек обретает мудрость? Нет, похоже, что сам он начал впадать в глупое детство... А если чувства, безраздельно овладевшие им, все же продиктованы мудростью, тогда итог прожитого становился еще плачевнее. По многолетней привычке старик иногда пытался отвлечься медитацией, но тщетно – он уже не способен был, остановив поток сознания, покинуть скорлупу своего тоскующего «я» и больше не ощущал ни любви, ни благодарности к Небу. Это ужасало, но странным образом освобождало его, отпуская... Он и так слишком задержался на земле.

Оказывается, вся жизнь прошла напрасно – в бесплодных попытках обрести высший покой для души он завел себя в

тупик безысходного одиночества и страдания. Разве кому-то принесла радость его бессмысленная отстраненность от мирской жизни людей и сознание некоей избранности? Или хоть небольшую пользу – это иссохшее в постах и целомудрии тело, выносливое до бесчувственности? А кому пригодился его надменный ум, возомнивший, что он сумеет, уподобясь Просветленному, приблизиться к высокой мудрости и пониманию тайн бытия? Плачь теперь, горько плачь, одинокий старик.

Слеза скатилась по темной, морщинистой щеке... Подслеповатыми глазами монах печально смотрел на склон ближайшей горы, и уже почти не видя ее, лишь по памяти представлял извилистую тропинку среди камней и зеленых кустарников, сбегаящую в долину. И почти воочию увидел – вот они идут там с маленьким сынишкой, весело о чем-то разговаривая... Остановившись у журчащего ручья, с удовольствием перекусывают разломленной пополам лепешкой с дикими абрикосами, и смеясь, пьют из пригоршни студеную прозрачную воду. Потом снова идут дальше, он крепко держит теплую ладошку сына, и звонкий мальчишеский голосок перекликается со щебетом птиц в листве...

А внизу, в домике у подножия горы, его ждет с ласковой улыбкой жена, и остальные их ребятишки с радостными криками и взвизгами выбегают навстречу. Он тоже улыбается, широко раскидывая руки, чтобы с любовью всех обнять, и знает, что всем им очень нужен и больше никогда не будет

Одинок на свете!

* * *

Старый монах тихо умер во сне через полгода. Почтительная память о нем сохранилась в монастырских хрониках.

Жизнь четвертая – Мария. (1640 г. Греция)

Через силу улыбаясь и помахав рукой уходящим, Мария обхватила свой большой живот и тяжело осела на табурет у порога. Качнулась, мучительно закусив губу, из стороны в сторону... Ох-х!.. Этого ребенка она носила тяжелее всех и боялась родить до срока. Все раньше обычного приготовила, даже поисповедалась-причастилась, и соседку, которая у нее всегда принимала, загодя предупредила – мол, если что... Это из-за болезни Агапи случилась такая напасть, когда маленькая сильно животиком мучилась, все время кричала, а потом даже судороги начались. День и ночь напролет приходилось носить ее на руках, прижимая к себе – только так она затихала и засыпала ненадолго. Счастье, что девочка вообще выжила.

Уф-ф, кажется, отпустило... Мария перевела дух, отерла взмокший лоб и по обыкновению посмотрела вслед мужу и сыновьям, еще мелькавшим на извилистой тропинке среди виноградников у подножия горы. Младший Костас держался за руку отца, и видно, что-то увлеченно ему рассказывал, заглядывая в лицо и нетерпеливо подпрыгивая на ходу. А старший, как заправский работник, вышагивал со своей небольшой, по росту, мотыгой и нес корзинку с едой.

Мать слабо улыбнулась – надо же, как вырос их маль-

чик, ведь двенадцатый год пошел! Демис оказался на радость крепким и здоровым, не зря Мария так долго кормила его – чуть не до полутора лет, пока снова не затяжелела. Такой смешной был – уже и говорить начал, а все за грудь теребил. Наиграется во дворе, подбежит, в колени ей ткнется, и ручонками вверх тянется, за сорочку ее хватает: "Ма-ма!" И так сладко все в ней таяло, счастливо... Потом, с другими детьми такого уже не было. А может, у нее сейчас двойня? Беспокойства внутри уж больно много... Вот веселье-то ей будет, как заорут в два горла! Еще одна парочка неразлучных.

Она перевела глаза на Нико и Агапи, строивших что-то старательно посреди двора из песка, камешков и обломков хвороста. Малышка вдруг сильно расшалилась и звонко смеясь, начала посыпать братишку песком. Пришлось ее строго приструнить – не дай бог, еще в глаза ему, да и себе попадет! Хорошо, что Нико уже все понимает и тем же сестре не отвечает, все-таки четыре года мальчонке.

Когда за обедом все дети сидели вокруг нее, и держа по ломтю свежееиспеченного хлеба, нетерпеливо глядели пятью парами веселых глаз-маслинок, как Мария ставит на стол большой глиняный горшок дымящейся фасолы, она по-матерински чувствовала себя гордой и знала, что вовсе не напрасно топчет землю. Да и муж еще частенько поглядывал на нее завлекательно... Даже теперь, на сносях Мария видела, что скучает по ней Георгос, томится, как молодень-

кий. Они с ним и поженились когда-то по вспыхнувшей огнем жаркой любви, когда встретились на большом осеннем празднике после уборки винограда, где по давнему обычаю сходились три окрестные деревни. Ах, как он тогда обхаживал ее, во все глаза любуясь и смешно ревнуя ко всем подряд. Как горячо и настойчиво упрашивал выйти за него замуж, в чем только не клялся! Вспомнится иной раз – и внутри тихо сомлеет...

Она тоже сразу в него влюбилась – Георгос был парень видный, со всех сторон ладный. Но и себе Мария цену знала – в своей деревне завидной невестой считалась и лучшей плясуньей. А потом для нее начались такие пляски, что если не носишь ребенка – то кормишь, и во всякое время по дому только успевай поворачиваться! Одних пеленок сколько перестираешь, особенно, когда дети болеют, а уж страху-то за них натерпишься, не приведи Господь!

Ну что ты, мой маленький, опять разбуянился? Разволновала тебя мамка своими разговорами? Все-все, больше не буду. Ой, только не надо коленками! Можешь пяточками пошалить тихонько... вот так... Нет, ей грех жаловаться – все у них в семье хорошо, по-доброму. Родить бы еще благополучно – и слава Богу! Сейчас она еще чуток посидит, передохнет малость, пока Хриса подоит коз – самой ей уже не нагнуться – да выгонит их пастись, и пора заниматься обедом. Еще надо переложить вынутый вчера сыр и не забыть проверить, створожилось ли молоко? Счастье, что у нее доч-

ка такая расторопная и понятливая помощница, в девять лет уже многое умеет. А то, как бы ей одной со всем хозяйством управиться? Агапи еще не скоро подрастет, только-только за братом поспевать начала, хвостиком теперь за ним бегаёт.

Мария улыбнулась, посмотрев, как возятся, играя в песке, младшие дети, и печально вздохнула, вспомнив их среднюю девочку, умершую от кори совсем крошкой. Двоих старших она сумела тогда выходить, а ее не уберегла, очень малышка была слабенькой. И мать не могла ей помочь, уже тогда сильно хворала, слегла совсем... И никакие отчаянные молитвы не помогли – а уж как Мария плакала, как просила на коленях Пречистую Деву спасти ее бедную дочурку! Но молись – не молись, а от своей судьбы человека никто не избавит. Даже святые праведники и те почти все – страдальцы, что же про нее, грешную, говорить...

А ведь как было бы славно в полном покое и довольстве пожить! Чтоб у детей няньки были, а на дворе работники. А самой вволю бы отоспаться да на мягких подушках понежиться – а чтобы все вокруг за тобой ухаживали, есть и пить самое вкусное подавали! Разные мелкие желания исполняли и даже развлекали, как дитя балованное... Мария чуть не рассмеялась своим глупым, девичьим мыслям.

– Мама, я коз подоила." – Хриса с ведерком уже спешила к дому.

– Умница, дочка! Сейчас и я приду.

Ну, ладно, повспоминала, помечтала и будет. Обед сам со-

бой не сварится. Пора делами заниматься, солнце-то уже над ближним склоном показалось! Опершись о табуретку, Мария с трудом поднялась... Охнув, схватилась за поясницу – ишь, как разламывает! – и медленно пошла к дому.

* * *

Мария благополучно родила еще одного сына, вырастила и переженила всех детей, успела порадоваться внукам. И только к старости, овдовев, сильно затосковала и всего на два года пережила любимого мужа.

Жизнь пятая – Алберт (1710 г. Нидерланды)

Их внушительный дормез, запряженный четверкой крепких лошадей, степенно катил вдоль берега широкого Рейна. Алберт, не отрываясь, смотрел на расстилавшуюся вокруг прекрасную речную долину с маленькими уютными деревушками, водяными мельницами, полями и пастбищами. Никогда не виданное им чудо! И здесь уже царила настоящая весна. Когда они отправлялись в путь из Роттердама, то кутались в меховые одеяла, а сейчас они вовсе не нужны. Алберта так и подмывало поделиться своими восторженными впечатлениями с матушкой, но она тихо дремала в уголке, видно опять плохо спала ночью. Вообще дорога была ей в тягость, прежде она не выезжала из родного города, и Алберт порой чувствовал себя виновником ее неудобств, но даже это не уменьшало его счастья. Он только всячески старался развлечь матушку, и она ласково и понимающе улыбалась в ответ.

Из гостиницы выехали по обыкновению рано, лишь наскоро позавтракав, чтобы успеть побольше проехать до наступления вечера. Отец сразу же пересел в карету к синьору Буоно – им надо поговорить о торговых делах, и Алберт вел беседы со своим всегдашним другом и помощником Янсом. Время от времени он то радостно тормозил его за руку, ука-

зывая на что-нибудь интересное и необычное, то расспрашивал: во что играют вон те мальчишки или что возят в таких странных повозках, и чем может быть эта, непривычная его взгляду, островерхая постройка? Янс тоже с любопытством прикинул к окну, перегибаясь через недвижные ноги Алберта, и все подробно объяснял о знакомых ему вещах или строил всевозможные предположения. Любоваться на окрестные виды им было очень удобно, поскольку отец распорядился сделать в боковой стенке дормеза окошко совсем близко к спинке, чтобы Алберту не приходилось тянуться к нему, а надо лишь повернуть голову.

Когда он устал долго сидеть, Янс заботливо укладывал его отдохнуть, и Алберт иногда читал, а чаще лежал с закрытыми глазами и блаженно грезил... Раньше он просто перебирал в уме разное, ведь все житейские мечты существовали для других, а ему оставалось размышлять о прочитанном, и особенно об дальних путешествиях отважных мореплавателей, повторять латынь или мысленно разбирать шахматную задачу, предложенную отцом. Бывали еще волшебные, диковинные сны. В них Алберт неизменно сбрасывал свою увечность и невесомо кружа, летал над городом, подобно птице... И чувствовал, что вот-вот будет допущен к несказанной тайне, как избранный. И сон не обрывался горьким пробуждением, а растворялся в нежном тумане, оставляя в душе ласковое обещание... Но сны являлись по собственной прихоти, их нельзя было вызвать ни усилием разума, ни робкими

просьбами, он суеверно боялся их спугнуть и просто ждал.

А теперь в его душе поселилась... Странно сказать – надежда, неизвестно на что... Одно несомненно, скоро он увидит чудесную цветущую Италию, о которой так много слышал от сеньора Буоно. Прекрасную страну, родину легендарных античных героев, цезарей, полководцев и поэтов! Они посетят древний Рим, Геную, Флоренцию, Неаполь, и на свое десятилетие он получит долгожданный подарок – увидит Средиземное море, сбудется его заветная мечта! Они проведут лето гостями сеньора Буоно в городке Амальфи на скалистом берегу залива, и само название было, как тающее во рту леденцовое, воздушно-мятное лакомство... Там он сможет искупаться в настоящей морской воде и вдоволь понежиться на песке под горячим южным солнцем. Над головой будет осеняющая весь мир яркая голубизна, так непохожая на низкое пасмурное небо их родины. И возможно от итальянского тепла хотя бы к пальцам его ног вернется чувствительность.

Иногда Алберту казалось, что он явственно помнит себя здоровым ребенком, который мог делать все, что вздумается! Или это лишь его горькие фантазии? Ведь по словам родителей, ему едва исполнился год, когда он упал откуда-то по недосмотру рассеянной няньки и так непоправимо искалечил спину, что у него совершенно отнялись ноги. Приглашенные доктора только покачали головами и в один голос сказали, что в позвоночнике поврежден самый главный нерв.

Каких только лечений не старались употребить любящие родители, долго не терявшие надежды помочь своему мальчику! Но потом стало ясно, что все попытки исцеления бесполезны и напрасны, они лишь усиливают мучения сына, и остается единственное утешение – окружить его всевозможными заботами, и по мере сил, интересными занятиями и развлечениями.

А когда отец объявил, что ему удалось отложить достаточно средств, и весной они все вместе отправятся в Италию, Алберт был на седьмом небе от счастья! Целых полгода он страстно предвкушал эту поездку, стал прилежно учить итальянский язык, уже достаточно хорошо его понимал и даже немножко говорил, весьма одобряемый сеньором Буоно, торговым компаньоном отца. Тот обещал, что гостя у него, Алберт сможет обучаться игре на лютне или флейте вместе с его детьми. Наконец, все приготовления были завершены, прибыл заказанный просторный дормез, переносное кресло для Алберта и новые платья для матушки. Лошади наняты, дорожные сундуки и корзины уложены. Отец оставил управление мануфактурой на старшего брата Бена, и семья тронулась в дальний путь. Скоро, уже совсем скоро он увидит красоты дивной Италии!

Но всем этим блаженством, не раздумывая, он пожертвовал бы в эту минуту, чтобы проворно и беспечно пробежать по берегу, ярко зеленеющему молодой травой, вслед за промчавшимися куда-то и задорно перекликающимися деревен-

скими мальчишками в грубых башмаках! Из простого озорства ловко залезть на самое высокое дерево в округе и захватски свистнуть оттуда! Или отчаянно проскакать верхом, пустив лошадь в галоп, под испуганное аханье матушки и уважительную похвалу отца. Или самому поднять на мачту и закрепить тугой белый парус, наполненный весенним ветром, и плыть на большой лодке по речной глади – к долгожданному морю, в необозримую даль!

* * *

Алберт прожил с матушкой в Италии до осени. И хотя здоровье к нему не вернулось, это был самый прекрасный и счастливый год в его короткой – меньше тридцати лет – жизни.

Жизнь шестая – Прохор (1770 г. Россия)

Прохор, как повалился на рогожу в углу, так и лежал, изредка сплевывая кровь и почти не шевелясь, только чуть подоткнул жесткий край себе под голову, так в ней вроде потише бухало. В этом тесном закутке под трапом матросы всегда отлеживались после особо жестокого наказания на баке, когда линьками на спине всю шкуру спустят. Огнем горела распухшая губа и голая десна – их капитан зараз меньше трех зубов никогда не выбивал. Первое время Прохор удивлялся, отчего у многих, особенно давно служивших матросов, слева щербатые рты? Потом ему разъяснили, но самому ответить знатного кулака еще не доводилось, и вот сподобился... Показалось строгому капитану, что Прохор не слишком расторопно выполнил команду, когда на корабельных учениях они брамсель убирали. Нос-то у него сызмальства бывал разбит столько раз, что не упомнишь, и когда с дерева или с забора падал, и когда они с хлопцами на пустыре стенка на стенку ходили.

Маманя всегда шибко ругалась за драки, зверьми и нехристями их называла, а глянула бы на него сейчас – поди, заголосила... Это в драке можно увернуться, а тут не смей рожу уклонять. И спина у него линьками бывала исполосована, но такого, чтоб выплевывать свои зубы, с ним прежде не слу-

чалось, а что кровящи-то на палубу хлынуло! Даже капитану на перчатку брызнуло, и тот в ухо еще за это добавил – у Прохора аж в голове загудело, будто рядом ударил огромный колокол...

На Пасху, когда по церквям всех, кто пожелает, пускали звонить, они с братом Фролкой всегда лазали на самую высокую соборную колокольню. Глянешь оттуда, и дух захватит – весь город вокруг виден, со всеми улицами, домами, и сады вокруг, и торговые ряды на площади, и народ праздничный гуляет. Все лежит перед тобой, как на ладони, и невозможно вдоволь насмотреться, глаз не хватит! А в небе колокольный звон не умолкает... Высоты Прохор ничуть не боялся, мог сильно перегнуться животом через решетку и разглядывать стоящих внизу. А соборный колокол большущий, страсть какой тяжелый – вдвоем с Фролкой еле-еле могли язык за веревку раскачать, и гул раздавался такой, что они глохли, и еще долго потом кричали в ухо друг другу, и смеялись до упаду...

Мог ли подумать воронежский хлопец Прошка, когда его в рекруты забрали, что попадет он во флот и будет на море воевать турку? Кто б сказал – нипочем брехуну не поверил! И сейчас иной раз не верится спросонья... Да будь его воля – век бы этого проклятущего моря не видеть! Но бросило, будто щепку, в водоворот... И вот уж полтора года он вместе с другими матросами сначала карабкался, а теперь лихо взлетает по вантам и реям, крепит паруса на бизань-мачте,

при которой состоит в команде, несет положенные вахты и драит палубу. Хлебает со всеми из общего котелка, ютится в кубрике и вечерами, в потемках, качаясь на подвесной парусиновой койке, возится под истертой дерюжкой, представляя себе то бедовую Глашку, с которой бесстыже тискался в лопухах за сараями, а иной раз, грешным делом, и тихую Фенечку... Но сейчас он со своей бедой остался один на свете, мамане не пожалишься... Прохор и в самом деле был в кубрике почти один, только спали, похрапывая, сменившие с ночной вахты.

Вдруг снаружи что-то гроыхнуло... Потом еще, и еще раз, отдаваясь до самого трюма! Похоже, начиналось сражение? Наверху засвистала боцманская дудка, фрегат заметно накренился, разворачиваясь, и ужас как сильно бухнуло уже внутри – это в ответ по туркам начали стрелять их пушки. Ну, теперь держись! Загрохотал вниз по ступенькам вахтенный и зычно заорал, расталкивая сонных матросов: "Всех наверх! Тревога!!!" И про него, Прохора, не забыл: "А ты – на батарею, живо!" Он с трудом поднялся, еле держась на ногах и хватаясь руками, добрался до оружейной палубы.

В этой преисподней Прохору еще не доводилось бывать. Сначала задохнулся и вовсе ничего не видел за едким пороховым дымом, только уши закладывало от страшного, оглушающего грохота. Полтора десятка пушек, сотрясая корабельное нутро, огнедышащими чудищами извергали в открытые порты чугунные ядра и резко откатывались назад.

Полыхали смоляные факелы, закопченные пушкари с мокрыми от пота спинами бешено сновали подле орудий, быстро возвращали их на место после выстрела, закладывали в стволы ядра и насыпали порох. Офицеры, рубя воздух рукой, яростно и хрипло кричали: "Пли!!!", все беспрерывно ухало и содрогалось. Вместе с орудийной прислугой Прохор из последних сил подтаскивал тяжелые ядра. Невыносимо мутило и болью жгло затылок, но он крепился из последних сил. Наконец, в глазах потемнело, и он рухнул возле пушки. Его быстро отволокли в сторону, чтоб не мешался под ногами.

Непонятно, много ли прошло времени, когда Прохор слабо пошевелился, мучительно продираясь из беспомощности... Перед глазами кружились пятна, искры иплыли какие-то лица... Он почти явственно увидел их гладкорожего капитана и тут же очухался, но в голове опять ударил давешний колокол, разрывая уши и расплющивая болью. "Лучше б сразу помер... А этот гад, небось, петушится сейчас на палубе, команды раздает. Людей гоняет да платочком белым помахивает. Удавить гниду своими руками! Это только говорится, что все люди под Богом ходят, мы-то, как ни крути, ходим под господами. А там наверху небо... ярко-ярко голубое..."

Совсем близко раздался громкий треск и раздирающий душу вскрик – видно, турецким ядром здесь пробило борт. И все они очень скоро могут отправиться напрямиком туда, на небо... Интересно, заметишь ли, как будешь лететь, или все пронесется мимо впотьмах? И вспомнит ли кто, что был

такой человек – Прохор? Весь измордованный... Эх жаль, нельзя убить капитана! Для такого дела он бы напряжился, силенок еще хватит – а тогда и помирать не так обидно! Все одно, за двадцать пять лет службы не уцелеешь.

"Заряжай! Пли! Пли!.."

* * *

В том Чесменском бою их корабль, к счастью, уцелел. Прохор отслужил весь долгий матросский срок и возвратился в Воронеж. Родителей живыми не застал и поначалу жил в семье брата. Приткнулся к плотницкой артели, потом сошелся с нестарой еще вдовой и обосновался у нее.

Жизнь седьмая – Исабель (1830 г. Мексика)

Бальная зала кружила вокруг, увлекаемая звуками скрипок, блистая сотнями свечей, искрясь украшениями и взорами дам. Но Исабель великолепии бала видела вскользь, через волшебную золотистую вуаль, отделившую их с капитаном от реальности мира... Все сияние, пьянящий восторг и счастливые надежды лучились из серых с морскими переживаниями глаз Мигеля – и не было для души омота желанней и слаще! Как дивно отличался он от примелькавшихся лиц, предсказуемых разговоров и наскучивших любовных признаний. Поистине, он явился сюда загадочным гостем, будто океан вдохнул в него таинственную силу, а не только носил по волнам ведомый им фрегат.

И она, Исабель – красавица и богатая наследница, обожаемая знатным отцом, ведущим родословную от первых конквистадоров, избалованная поклонниками – отдалась этой властной стихии с первого мгновения, когда на венчании в соборе встретила взглядом с незнакомым капитаном, чья сестра выходила замуж за сына губернатора.

И на свадебном обеде их места, в числе почетных гостей, оказались рядом – судьба покровительствовала им! Беседа за столом сразу приняла непринужденный тон, капитан откровенно восхищался прекрасной Исабель, и не сводя с нее вы-

разительных глаз, столь увлекательно рассказывал о дальних путешествиях, что совершенно очаровал ее, немало удивленную галантностью морского офицера. Он пригласил ее на первый танец и все последующие, если несравненной Исабель будет угодно видеть его своим кавалером. А когда после церемонной сарабанды, в которой они шли следом за новобрачными, капитан подвел ее к отцу, то беседовавший с ним губернатор, поощрительно улыбаясь, назвал их самой красивой парой среди танцующих. Но впереди еще предстоял долгий котильон – его она ожидала с особым нетерпением! Мигель, несомненно, должен с ней объясниться между турами танца, лишь из деликатности не сделав этого раньше.

* * *

– Сеньорита, Ваш отец прислал узнать, спуститесь ли Вы к обеду?

Внезапный голос камеристки так грубо сдернул вуаль милых воспоминаний, что Исабель тихонько застонала...

– Передай отцу, что я прошу меня извинить! Очень болит голова, и я не выйду обедать. Ступай!

* * *

До котильона оставались еще контрданс и менуэт, в ко-

тором Исабель хотелось блеснуть перед капитаном – пусть Мигель со стороны увидит, как обворожительно она танцует! Для чего употребила небольшую хитрость, мимолетно намекнув преданному поклоннику Федерико, что в этом изысканном танце лишь он достоин чести составить ей пару. Уже ошастливленный Федерико вскинул голову, как арабский скакун, а дирижер вскинул палочку, дав несколько вступительных тактов, когда земля разверзлась под ее ногами и весь мир обрушился – в дверях залы появился французский посланник об руку с красавицей дочерью.

Лебедь ли белый поплыл по зеркальной глади среди черных галок, или у нее в глазах потемнело? Но в одно мгновение черноокая несравненная Исабель была забыта капитаном ради светлых локонов и голубых глаз Адели, чье имя так издевательски созвучно ее собственному. Как выдержала до конца бала, она помнила смутно, сквозь зеленоватый туман... Только чудом и последним усилием воли не лишилась чувств, во многом благодаря учтивой ловкости Федерико, скрывшего во время танцев ее состояние, близкое к обмороку. Конечно, он все понял, но странно – не радовался ее унижению, видно и вправду очень любил. Исабель хотела сразу покинуть бал, но отец, поддержав под локоть, сказал предостерегающе: " Элисия! Вытерпи еще один день." Он всегда называл ее вторым именем, если видел, что дочь намеревается совершить неподобающий их положению поступок. Прежде всего – хранить фамильную честь! Усмирив

свое кровоточащее сердце... Нельзя даже искоса взглянуть, как страстно капитан целует руку субтильной француженке, подсаживая ее в карету и многозначительно прощаясь до завтра.

* * *

Оперная дива выводила безутешные рулады над распротертым телом возлюбленного, заколотого злодеем. "Федерико, а Вы могли бы ради меня... убить?" – Исабель пристально взглянула на горделивый профиль кабальеро, особенно выразительный на фоне освещенной сцены. Чуть помедлив, он произнес глухо: "На дуэли – без сомнения." И она остро почувствовала, что верный Федерико уязвлен ее откровенным вопросом. Ах, как глупо получилось!

"Не хмурьтесь так трагически! Я ведь пошутила." – Исабель ласково улыбнулась, слегка тронув обшлаг его рукава. Но кажется, он заметил, что ее рука предательски дрогнула, разоблачая горькую тайну сердца. Ей мучительно хотелось обернуться на ложу губернатора, где сидели те двое... О, изуверская смертельная пытка! Но она все выдержит, не посрамит их достоинства, у отца нет причин волноваться. Исабель скорее умерла бы, чем дала еще один повод для насмешек. Она видела, что десятки любопытствующих глаз, удвоенных лорнетами, поблескивают в полутьме театральной залы, ища развлечений.

"Скорей бы все разъехались!" – неожиданно шепнул ей Федерико – От этой свадьбы только суета и беспокойство. Вы с отцом, вероятно, тоже отправитесь в загородный дом? Сейчас так утомительно и жарко в городе." А ведь он жалеет ее! О, какой невыносимый стыд! Щеки Исабель неудержимо заливались краской, и ей пришлось укрыться за спасительным веером. "Да, в городе очень жарко."

* * *

Густыми ресницами Исабель прикрыла навернувшиеся слезы, они заволокли волнистой пеленой глаза, напомнив соленую морскую воду. Море Исабель видела лишь два раза в жизни, и оно действовало на нее магически, вызывая почти священный восторг и необъяснимый трепет. Никогда и ничего не боявшаяся, отчаянная наездница, способная не хуже иного мужчины управиться с едва объезженным мустангом, Исабель с бьющимся сердцем замирала перед таинственной далью моря, испытывая мистический страх. И теперь она понимала – отчего.

Первая красавица оскорблена у всех на глазах! А завтра ее подлый избранник возвратится в Веракрус и, навсегда забыв о ней, уплывет в дальние моря. Даже не зашел с прощальным визитом, хотя был представлен ее отцу. Ничтожество! Как она могла обмануться? Но если... Но, если б Мигель вернулся и произнес те заветные слова, она, не раздумыв-

вая, кинулась в его объятия! И что ей фамильная гордость? Любая простолюдинка счастливей ее и может хоть на край света пойти за своим возлюбленным! А она, Исабель, зависит от сотни кем-то выдуманных условностей. О, если б только Мигель полюбил ее всем сердцем, и чтобы она безраздельно владела его душой до конца дней! Она, не колеблясь, отринула бы все предрассудки и не чувствовала себя грешной. Никто и ничто, кроме любви, не имело бы власти над ней. А в ее теперешней жизни непозволительно даже страдать. Опять эта несносная Рамона! Хоть дверь на ключ запирай... Что там еще?

* * *

– Моя дочь сейчас не вполне здорова и, к сожалению, не сможет выйти, но я непременно передам ей прощальный поклон от Вас.

– Нет, отец! – в гостиную стремительно вошла Исабель, – Позволь мне самой проститься с нашим любезным капитаном.

Она резко откинула длинную кружевную шаль – в руке блеснул дуэльный пистолет – и глядя прямо в недоуменные серые глаза, выстрелила капитану в сердце.

* * *

Отец Исабель, занимая влиятельное положение, сумел представить дело так, что его дочь лишь по трагической случайности застрелила капитана. Исабель показывала ему пистолет из отцовской коллекции, не зная, что он заряжен. Ей удалось избежать тюремного заключения, но остаток жизни она провела в загородном доме, забытая всеми.

Жизнь восьмая – Лоренс (1900 г. Англия)

Устроившись после обеда в своем глубоком кресле с чашкой кофе и сигарой, Лоренс по обыкновению состоятельных лондонцев просматривал вечернюю газету, вернее, только ее вторую половину. Парламентские дебаты ни по обсуждаемым вопросам, ни по казусу его рождения не представляли для Лоренса ни малейшего интереса. И далекая африканская война с бурами его жизни не затрагивала, как и благотворительные балы в пользу сирот, поскольку вклада в пополнение детских приютов он не вносил – этого греха за ним точно не водилось. А пикантная могла быть ситуация!

Интересно, с каким выражением лиц высокородные дамы-патронессы приняли бы деньги от незаконного сына – те же самые деньги, за которые они рассыпались в благодарностях перед его папашей-лордом? Хорошо, что он избавлен от необходимости общения с этими чопорными моралистками, да и с отцом тоже, ведь их орбиты нигде не пересекаются. Милорд просто ужаснулся бы разношерстного окружения своего сына. Что ж, такому парии, как он, доступно очень немного, зато возбраняется еще меньше.

Лоренс, не удостоенный признания высшего общества, в полу-светской и богемной среде с удовольствием принят во многих домах. С его приятной внешностью и даром искро-

метного рассказчика, ему легко стать душой всякой компании. В особенности же он обласкан вниманием пылких и непритязательных дам, бескорыстных поклонниц чистого искусства, хотя без особой взаимности. Жаль только, что его блеклое дарование не позволяет войти в круг настоящих художников, как равный. И в отличие от них, он лишен всепоглощающей страсти к живописи, как впрочем, и ко всему на свете.

Лоренс перелистнул еще пару страниц... Вот теперь началась знакомая и приятная его душе стихия: светские новости, театральные премьеры, гастроли, скачки, объявления и курьезы. Потягивая кофе, он скользил неспешным взглядом по строчкам и вдруг поперхнулся, впившись глазами в колонку "Судебной хроники". "Сегодня на утреннем заседании по делу "Дэдли против Дэдли" истец – глава известного торгового дома – неожиданно произнес разоблачительную речь, шокировавшую всех присутствующих в суде. Вот ее дословный текст, переданный нашим репортером.

"Ваша честь, господин судья и господа присяжные! Сейчас, в присутствии адвокатов обеих сторон и всех находящихся в этом зале, я должен сделать заявление, к которому вынуждает меня тяжкий долг. Если отцовские чувства могли бы удержать меня от обнародования нижеследующих обстоятельств, то неуклонный долг христианина не позволяет мне потворствовать вопиющему пороку, тень которого падает позором на нашу семейную и деловую репутацию. Как

вам уже известно, мой сын подделал финансовый документ, по которому намеревался получить в банке крупную сумму, и сей прискорбный факт, к сожалению, получил широкую огласку. Хотя даже этот немислимый поступок, скрепя свое разбитое сердце, я готов был ему простить, учитывая его искреннее раскаяние. Но Уилфрид имел дерзость признаться мне, ради кого он предал отца – это не титулованный отпрыск знатного рода, с которым моего сына связывают... Простите, язык немеет, не в силах произнести эти слова... чудовищные отношения содомского греха. И потому я публично объявляю, что навеки отрекаюсь от своего сына Улфрида Дэдди. Это касается как общественного положения, так и изменения моего завещания в пользу других наследников, и я полностью передаю его дальнейшую судьбу в руки королевского правосудия."

Лоренс не удержал забытую в руке чашку, и темная кофейная гуша выплеснулась на газету и колени, забрызгав светло-серые брюки. Как уличная грязь предместья, мелькнуло у него в голове – так и всего меня скоро в ней вывалят. Проклятье! Мало того, что он презренный бастард, так надо еще влипнуть в гнуснейшую историю! Вскочив с кресла, Лоренс заметался по комнате пойманным зверем. Что ж, господа, торопитесь полюбоваться на редкостную диковинку! Смелей подходите к клетке, гневно тыча пальцем, показывайте вашим благовоспитанным детишкам – чудище не кусается, зубы уже обломаны. А как упоительно все начи-

налось... Теперь ясно, почему Уилл прислал ему то безумно-отчаянное письмо, умолял ничего не решать окончательно и подождать хотя бы пару недель, клятвенно обещая найти выход и достать денег – только бы им никогда не разлучаться! А потом вдруг исчез, и Лоренс успокоился, почти перестав о нем думать.

И зачем он, дурак, придумал эту причину – свое внезапное безденежье? Надеялся таким образом оградить себя от всепожирающей страсти Уилла, в последнее время дошедшей от обожания, которое Лоренс поначалу милостиво принимал – до умопомрачения, когда Уилл ему наскучил. Как униженно тот ползал, рыдая у ног, на этом самом ковре, им же подаренном, в злополучный день, когда Лоренс сказал, что вынужден принять предложение некоего богатого джентльмена, поскольку отец резко уменьшил его содержание. Это было чистой водой неправдой. Папаша-лорд, хотя и не думал признавать сына официально, всегда заботился о них с матерью. Оплатил достойное воспитание, учебу в университете, даже прихоть занятий живописью, и назначил ежегодную сумму, вполне достаточную для безбедной жизни. Порой Лоренсу казалось, что милорд не только его стыдится, но втайне опасается какой-нибудь компрометирующей выходки. Это уязвляло и в то же время льстило ему.

Так вот какой выход нашел Уилл – совершив подлог документа, обокрасть своего отца! Внезапное превращение добропорядочного буржуа... Правда, когда-то он похвалился

Лоренсу, что, занимаясь делами в их конторе, удивительно наловчился подделывать отцовскую подпись – конечно, ради шутки! – так что даже приказчики не могли отличить. А дотошные служащие банка сумели. Но какого черта его угодзило исповедоваться отцу во всех грехах?! Неужели понадеялся, что тот растает от умиления перед его любовными страданиями и все простит широким жестом? Безмозглый идиот!!! И его утянет за собой в пропасть! Хорошо, что матушка не дождала до позора. Теперь конец всему... Хоть пулю в лоб! Куда бежать, где скрыться?

Он погиб – схватят и забьют, как шелудивую собаку, а ведь ему только двадцать пять лет. И без того с детства на нем клеймо отверженности, всю жизнь он обречен ловить на себе любопытные взгляды и слышать за спиной шепот пересудов. Все норовят заглянуть к нему в спальню и в кошелек... Почему он должен расплачиваться за чужие грехи? О, если бы люди оставили его в покое, будто он сделался невидимым! Чтобы жить открыто, без опасений, ни от кого не таясь. Хоть нагишом среди бела дня ходи – чтоб ненавистным ханжам и святошам не было до него ни малейшего дела! Почему человеку непременно нужно подтвердить породистость, как на собачьей выставке, а иначе эти лицемеры не удостоят своим вниманием? Если б знать, что его ожидает такая участь, лучше всю жизнь провести в одиночестве...

* * *

Лоренсу пришлось скрыться из Лондона и поселиться в маленьком городке в Девоншире. Только годы спустя, когда начавшаяся Мировая война затмила все скандалы, он рискнул вернуться в столицу, неприметно прожил до старости, давая уроки рисования.

Жизнь девятая – Нина (1995 г. Россия)

Нина скосилась на часы над дверью, до конца второй пары оставалось еще пятнадцать минут. Она порядком замерзла, несмотря на два обогревателя по бокам, все равно в одном месте жарит, а другом тянет сквозняком. Тело давно изнывало от неподвижности, к тому же на этой постановке ее посадили с таким вывертом, что сильно мозжила поясница. Чтобы скоротать время, со своего помоста Нина обвела глазами аудиторию. Большинство нетерпеливо маялось за мольбертами, дожидаясь конца занятий. Лишь некоторые, спохватившись, бросали на натурщицу цепкие взгляды, делая быстрые выпады кистью. "Перед смертью, ребятки, не надышитесь..."

Она вновь с тоской посмотрела на часы – прошло всего две минуты. В сегодняшней группе был ее любимец Андрей. Тщедушный и остроносый, с волнистыми длинными волосами, что при теперешней бритоголовой моде выглядело редкостью, он необъяснимо нравился ей. Напоминал юношей на старинных портретах. Иногда она даже беспокоилась, не побьют ли его за прическу, не пристают ли парни на улице? Буквально у нее под носом на первом курсе завихрился его роман с той вертлявой девицей и резко оборвался, чему Нина была очень рада. Должно быть, сказывался ее нереализо-

ванный материнский инстинкт.

Вообще-то Нину привлекали мужчины другого склада и старше лет на десять. Наверно оттого, что в детстве не хватало отца, когда родители развелись, и сильный пол долго оставался чуждым и загадочным племенем. Поэтому двадцатипятилетний Сергей так ее обморочил в свое время – почти мимоходом, не прилагая никаких усилий и чуть презрительно удивляясь ее самозабвенной любви. Как бежал по своим делам, вынужденно затормозив у эскалатора в метро, где толпа притиснула их друг к другу, так и относился к ней – временной попутчице, и только. А у нее вся жизнь рухнула под откос в семнадцать лет...

Думала поступать в Ин-яз и серьезно готовилась, но в том неожиданном любовном угаре на экзамене провалилась. Конечно, сказала и обычная школа на окраине, репетиторы в ее молодости были редкостью, впрочем, денег у матери все равно бы не нашлось. А Нине от расстройства втемяшилось в голову: раз он учится на театрального художника, ей надо обязательно иметь отношение к театру. Но кем возьмут без профессии? Она обегала несколько театров, и в одном, даже академическом, требовалась костюмерша, кто-то очень кстати уходил в декрет. Гордо сообщила новость Сергею, а он только насмешливо присвистнул.

Два года Нина прокрутилась там с бесконечной глажкой и мелкой починкой костюмов, ночными возвращениями после спектаклей, капризами актеров, выездными спектакля-

ми, упаковкой-распаковкой кофров. А любимый однажды врезал под дых откровением, что решил вернуться к жене. И по дочке, оказывается, очень соскучился. Да, он говорил ей, что живет в полу-разводе, и Нина безрассудно понадеялась на чудо. Сергей в то время суетился со сдачей диплома, и ревниво скулящая Нина ему надоела до отвращения. Теперь страшно вспомнить, как униженно она цеплялась за Сергея, как каждый телефонный звонок по куску уносил жизнь...

Тогда еще не вошел в моду термин «депрессия», а книжная нервная горячка уже потеряла актуальность, просто сил жить не осталось. Нина уволилась из театра, забилась дома, и не зная, как быть дальше, всерьез хотела наложить на себя руки. Мать, тоже пытавшаяся наладить личную жизнь, в то время сошлась с их заводским мужичком и ушла к нему, и Нина осталась один на один со своим несчастьем. Устроилась поблизости почтальоном, работа начиналась с восьми утра, зато весь день был свободен. Она с детства неплохо рисовала и решила летом куда-нибудь поступать, например на модельера. Со скрипом сдала экзамен по рисунку, но завалила живопись и так сникла, что даже на подготовительные курсы не пошла. Но однажды на доске объявлений увидела, что им требуется натурщица, и почему-то запомнила. Метнулась еще туда-сюда, даже ни истфак... Зачем? Бог весть...

От непроходящей тоски и страха одиночества затеяла новый роман, конечно, неудачный. Ладно бы куролесила – есть, что что вспомнить, но она маялась осликом по кругу, от чего

мучительно уходила, к тому же и возвращалась, с вариациями... А тут зима наступила, необычайно холодная, и не выдержав вставаний затемно и хождения по обледенелым улицам, да еще начальница почти ни за что ей нахамила – уволилась с почты. Нервы были на последнем пределе, казалось, от малейшего усилия внутри что-то может оборваться, и не виделось никакого просвета в будущем. У нее часто болело сердце, и настолько близкими стали слезы, что она боялась расплакаться на людях. Больше не пыталась никуда поступать, тем более что надо было зарабатывать на жизнь.

Почему все так нелепо складывалось? Ведь не урод, не дура, не стерва – а никому на свете не нужна, будто клеймо на лбу. И ни одной толковой мысли – чем заниматься в жизни? Почему женщина непременно должна иметь профессию? Интересно, кем бы мечтала стать хваленая Наташа Ростова или Татьяна Ларина? Нина с трудом могла представить работу, которой занималась бы с удовольствием, а только ради прокорма – не все ли равно, если в главном она презренная неудачница? Стать библиотекарем – от одиночества свихнешься, бухгалтером – умрешь от скуки, воспитателем детсада или учителем литературы – дети в больших количествах ее пугали. Казалось, надо еще немного пожить ПОКА, все перетерпеть, собрав остатки воли. И судьба вдруг смилоствивится...

Какой дурак сочинил притчу о лягушке в молоке, сбившей масло? В жизни часто оказывается, что сливки давно

сняты, а лягушка напрасно барахтается в сыворотке. Нина грустила о семье, о добром муже и детях, а вынуждена таскаться по городу бездомной собакой, выискивая объявления «требуются». Однажды, в каком-то наплевательском отчаянии, она вспомнила про натурщицу и съездила наудачу в два художественных института. В одном ее взяли, и она приятно удивилась расценкам за час, все минусы этой работы обнаружили в процессе. Сначала позировала в «античных» драпировках, а потом привыкла и к обнаженке. Впрочем, она всегда была готова к худшему, а отбиваться по-настоящему пришлось всего пару раз. На нее смотрели лишь, как на учебный объект, даже ни одного романа здесь не случилось, как женщину, ее просто не замечали. Но в общем, жить было можно. Да и прожила уже почти...

Только бы не разламывалась так сильно поясница, и внизу живота последнее время все тянет. А сегодня особенно холодно, северный ветер в окна. Уж скорей бы лето, чтобы начались каникулы, и было по-настоящему жарко – всласть отогреться на солнышке! А лучше всего жить в какой-нибудь южной стране... Ходить босиком по нагретой земле и наслаждаться ароматами цветов, фруктов и пряностей восточного базара...

* * *

Нине так и не удалось попасть на юг... Она одиноко про-

жила еще восемь лет, совсем немного не дотянув до долгожданной пенсии.

Эпилог

– Прошу несколько минут внимания и тишины! От имени Высших Сил – многие называют нас серафимами или архангелами – я рад приветствовать здесь очередные новопреставленные души! Все вы прошли нелегкий жизненный путь в долгой череде девяти земных воплощений. Вам доставались драматичные судьбы, вы оказывались на разных континентах, исповедовали непохожие религии. Были мужчинами и женщинами, богатыми и бедными, жертвами и палачами, счастливцами и неудачниками, окончив свою последнюю жизнь, кто – глубоким стариком, кто – ребенком. Мы прекрасно знаем, что вы давно грезили о награде – Вечном Небесном Отдохновении и вполне заслужили его, но...

Но в связи с тем, что население Земли стремительно растет, в последние годы возник большой дефицит Энергии для создания новых человеческих душ, поэтому я убедительно взываю к великодушному пониманию этой нелегкой проблемы! Мы вынуждены сообщить вам, что каждой душе придется еще раз вернуться к земной жизни, но я официально уверяю всех, что это десятое воплощение будет последним и окончательным. Тише-тише, пожалуйста! Не волнуйтесь так сильно, прошу всех сохранять спокойствие! Поймите, что лишь непреодолимые обстоятельства заставляют нас пойти на столь крайнюю меру. К тому же не лишне напом-

нить, что и Высшие Силы всегда проявляли о вас заботу, исполняя самые заветные ваши желания, и сейчас вправе рассчитывать хотя бы на малую толику ответной благодарности. Надеюсь, с этим никто не будет спорить?

И еще одно дополнение: на этот раз не будет даже краткой возможности для отдыха перед последним воплощением, и прошу всех быть готовыми к отправке на Землю в ближайшие дни. Разумеется, все ваши мечты и пожелания из девятой жизни остаются в силе. Спасибо всем за внимание и в добрый путь!

* * *

Под раскаленным полуденным солнцем Дакки худенький, как закопченная щепка, паренек на велосипеде с тележкой упрямо лавирует в гудящей и тарахтящей уличной толчее. То изнывая в заторах от удушающих выхлопов, он еле-еле ползет черепашьям шагом, упираясь в чью-то спину... То налегая изо всех сил жилистыми ногами, яростно крутит педали, ввинчиваясь между мотороллеров и таких же, как он, вело-рикш. И совершив удачный маневр, озорно сияет бело-сахарными зубами на смуглом лице...

Как в сказке...

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь-вдовец, и была у него дочь Марья-царевна, единственное дитя и отрада. Самые злые языки не посмели бы назвать ее гордячкой или капризницей, напротив – нрава она была веселого и покладистого. И рукодельница – хоть кружева плести и бисер низать, хоть шелком цветные узорочья выводить. И певунья – заслушаешься, и сказки сказывать мастерица! Но никто из знатных женихов не сватался к ней. И хоть царь в своей Марьюшке души не чаял, а даже он порой невольно отводил глаза, очень уж она была некрасива.

"И в кого бедняжка такой неудачливой уродилась?" – сокрушался про себя царь – "И мать ее, покойница, до того пригожая была, да и я вроде не плох. За что ей судьба такая горькая выпала? Одно утешение, что ни Змей Горыныч, ни Кощей Бессмертный на дочку мою не позарятся, а то ведь бывали случаи..." А Марья-царевна, казалось, нисколько не задумывалась о своем будущем, а иногда даже ласково говорила отцу: "Не печалься обо мне, батюшка! Мне и в родном доме славно живется, не хочу я замуж на чужбину, не хочу с тобой расставаться! Ведь и тебе без меня грустно станет."

Но царя, кроме заботы о Марьюшке, еще одна дума покоя и сна лишала – на кого он царство оставит? Бог не послал им с женою сына, не вымолили себе утешения к старости.

Уж и так думал царь, и эдак, ночи не спал... Можно, конечно, выдать дочку за простого человека, но царская гордость восставала против – и отец его был царем, и дед, и прадед. А теперь получается, надо отдать государство в руки неизвестно кому, чтобы прахом все пошло? Все, долгими трудами устроенное? Нет, добром такое безрассудство не кончится! И за примером недалеко ходить – вон, в соседнем царстве Емеля. Даром, что простой мужик, а как на печи во дворец въехал, так и молодая жена, и сам царь с царицею "по половине ходят", слово лишнее вымолвить бояться – не прогнать бы зятя. Ведь неизвестно, что он по-щучьему велению еще учудить может!

А окрестные царевичи и дальние принцы все с большим норовом. Хотят взять в жены непременно красавицу, чтобы друг перед другом похвалиться. Уж царь в приданое сразу пол-царства посулил, но и на него не нашлось охотников. И то сказать, земля в этих краях скудная – леса да болота и от больших торговых путей далеко. Глушь, одним словом, дальше только лешии да кикиморы по чащобам озоруют. И ведь не за всякого ведь со спокойным сердцем дочь отдашь. Надо, чтобы у молодых все по-доброму было. И болела у отца душа за любимую Марьюшку, и жизнь была не в радость. А как представит, что и внуков не доведется ему на коленях понянчить, так стариковские слезы на бороду и закапают...

А на другом краю земли, в другом государстве, у тамошнего царя с царицей было три сына. И все, как на подбор – красивые да ладные. Пришло время их женить, а они ни к кому свататься не хотят, ни одна царевна или принцесса им не хороша. Никого себе выбрать не желают, такие гордецы. Крепко осерчал тогда царь: "Долго вы, сыновья, мое терпение испытывали, и кончилось оно! Слушайте теперь не отцовскую, а царскую мою волю – возьмите луки тугие да стрелы острые, поезжайте в чисто поле и пустите их наугад на четыре стороны. На чей двор стрела упадет – там и суженая ваша. И без невест во дворец не смейте возвращаться! А ежели кто вздумает мне перечить, лишу родительского благословения и наследства, прогоню с глаз долой!»

Не осмелились царевичи отцу возразить, никогда его в таком гневе не видели и оробели. Что ж, делать нечего, выехали они в широкое поле и пустили стрелы в разные стороны. Потом крепко обнялись, попрощались друг с другом, сели на добрых своих коней и отправились по белу свету судьбу искать... Куда стрелы привели двух старших сыновей – про то неведомо. А младшему Ивану-царевичу долго пришлось плутать и наконец нашел он свою стрелу в дальнем болоте. Лежала она на мшистой кочке, а рядом сидела лягушка и так смотрела на Ивана, будто лишь его дожидалась. Изумил-

ся царевич, невольно попятился... А лягушка вдруг заговорила с ним человеческим голосом, стала рассказывать про свое несчастье – злое заклятье колдуна, превратившего красную девицу в лягушку. И еще уверяла, что никогда царевич не пожалеет, если возьмет ее в жены. Но прочь убежал Иван, не оглядываясь. Пуще отцовского гнева испугался он людских насмешек, слыханное ли дело – ему, царскому сыну пойти под венец с такой невестой! А может, это нечисть болотная так морочит, хочет его обвести?

Закручинился он, но ничего не поделаешь... Стал думать и гадать, как же ему теперь быть? Домой вернуться не посмел. Проницателен был царь, сразу понял бы: сын в глаза его обманывает, говоря, что не нашел свою стрелу. И все равно, как грозился, прочь из дома выгонит. Поехал тогда Иван-царевич, куда глаза глядят, сам не зная, на что надеясь. Долго странствовал он в чужих землях... Уж и лето прошло, задули холодные ветры. Истрепалось в пути богатое платье, сносились сафьяновые сапоги, давно сменял он на хлеб серебряную уздечку, и не раз уносил его верный конь от лихих разбойников. Негде ему было преклонить свою бедную голову и уж не чаял он пережить лютую зиму. Дня теперь не проходило, чтобы не вспомнил Иван-царевич про чудесную лягушку и свою вину – да где ж ее искать, как грех избыть? Убегал-то он без оглядки, себя не помня. Чуть в болоте не увяз, только б не видеть, как безутешно она заплакала над его стрелой.

Наконец, дорога привела его в те края, где жил вдовый царь со своей Марьюшкой. И услышал Иван от здешних людей, что никак не сыщется достойный жених для их царевны. Тогда, помолясь усердно, отправился Иван-царевич прямо во дворец, поклонился царю в ноги, открыл свое имя и рассказал, что ищет по грозной воле отца свою суженую. И про стрелу, которую не смог нигде отыскать и долг свой не исполнил... Царь от души ему поверил и просил Ивана быть дорогим гостем, пожить у них, сколько пожелает. А Марья-царевна, бывшая тут же со своим рукодельем, не сводила с него восхищенных глаз. И до того он пришелся ей по сердцу, что она раздумянилась и даже похорошела. А он в скитаниях так натерпелся, что о лучшей доле и мечтать не смел. Царь не мог поверить своему счастью, что и дочка наконец пристроена, и у него гора с плеч! Послали, не мешкая, к дальнему царю гонца с письмом от сына, в котором он просил отцовского благословения, и вскоре сыграли веселую свадьбу.

* * *

Стали они жить да поживать в мире и полном меж собой согласии – царь все не мог на молодых нарадоваться. А уж когда родилась внучка, устроил настоящий пир горой! Такая радость ему и утешение на старости лет. А Бог даст, еще и внука дождетя. Все устроилось так ладно, что и мечтать больше не о чем. Сбылось все-все, как Марьюшка еще в дет-

стве загадала... Лишь иногда печалило, что ее милый Ванюша не торопится навестить своего отца и представить ему невестку, как у людей исстари заведено.

«Будто в ссоре они или он опасается чего? То ему жара помешала, то осенняя распутица... Скажет только: "После, Марьюшка, не время сейчас." Или делами отговорится – а какие у него дела? Все ведь наперечет. Но куда хуже, если сядет у окна и скучает, за день словечка не вымолвит. Хорошо, я всегда рядышком! Спою ему ласково, русые кудри можжевельным гребешком расчешу – сила в нем целебная. Да поднесу пряного сбитню. Он лицом и помягчает, снова развеселится.

Иной раз думаю – пусть бы Ванюша на охоту отправился, все ж развлечение, но нет... Душа, говорит, не лежит. Свой лук и стрелы еще до свадьбы в оружейный сундук запрятал. Даже батюшка, уж на что стар, а и то, по свежей пороше, когда егеря зайцев спугнут, велит седлать Каурого и едет посмотреть охоту. Я иной раз ему пеняю – не грешно ли им ради потехи губить невинных зверюшек? Хотя, правду сказать, перепела с брусничным взваром очень хороши! Да и сама от мягкой заячьей шубки не отказываюсь... Зато у моего Ванюши не только на зайца или тетерева, а и на самую мелкую птаху рука не подымет.

Только редко-редко, а порою с ним так бывает, что вдруг засобирается в одночасье, лук да стрелы из сундука вытащит. Скажет – пойду я, может утку болотную добыду. А вер-

нется уж затемно и пустой. Ни в одну утку, мол не попал... И невдомек ему, что я, хоть женского рода, а давно все смекнула, только виду не показываю. Ведь тетива так ослабла, что из того лука и курицу на дворе не подстрелишь, не то, что птицу в небе. А еще про стрелы заметила, сколько их было в колчане – столько и осталось, когда воротился. Больно уж добрый и жалостливый сердцем мой Ванюша! Не может сгубить живое.

А что уходит надолго – так не хочет нас с батюшкой огорчать. Но есть, видно, у него заветная думка, печальная... Да только я не спрашиваю, помалкиваю. Может, он до сих пор виноватится перед отцом, что не сумел тогда отыскать своей стрелы и суженой невесты? И про то, что меня полюбил, открыться ему не смеет. Должно, опасается, не проговорилась бы я, что никакая стрела на наш царский двор не залетала. А сама судьба привела его к нам, и выбрал он меня в жены, потому что по сердцу пришлась. И я к нему на всю жизнь прикипела. Прилепилась, как малая звездочка к ясну месяцу... Ах, будь моя воля, кинуться бы к его отцу в ноги да сказать, что мы на веки-вечные полюбили друг друга! Да малютку нашу к нему привезти показать. Не каменное же у него сердце! Увидит, как все у нас ладно, так непременно простит и порадует за нас. И благословит уже воочию.»

Так иногда размышляла сама с собою Марьюшка, когда сидела за рукоделием в ожидании мужа. И еще, замечая порой, как хмурится Ванюша, глядя на их некрасивую боль-

шеротую дочурку, она тихонько вздыхала виновато. А втайне думала – главное, чтоб душа была светлая да незлобивая. И всем сердцем верила, что непременно случится чудо, и полюбит когда-нибудь их дочку сказочный добрый молодец, как саму ее полюбил прекрасный Иван-царевич. И будет она так же сказочно счастлива всю свою долгую-долгую жизнь...

Потерянная перчатка

Утро

"Как хочешь, а я поплыла, очень жарко..." – Наташа легко, почти не плеснув, скользнула с их каменного островка по влажному шелку водорослей, и неожиданно оказавшись с другой стороны, вдруг хлестко ударила ладонями по воде, обдав его веером сверкающих брызг. "Ну, теперь держись у меня!" – стряхнув блаженную дремоту, шутливо пригрозил Александр Дмитриевич, вдохнул побольше воздуха и нырнул с нагретого полуденным солнцем камня. Приятно освежившая вода была удивительно прозрачной, на дне отчетливо виднелись извивы песчаных волн, чуть колышущиеся подводные оазисы и верткие стайки мелких рыбешек. Далеко вынырнув, почти у выхода из маленькой бухты, он быстро догнал Наташу, Натали – свою гибкую, искрящуюся мокрым телом русалку. Поняв, что уже не уплывет от него, она со смехом обернулась и сразу обняла за шею, просияв серыми глазами, отразившими все изменчивые цвета моря, и подставив для поцелуя нежные губы.

В этот момент, по закону подлости, чудесный сон начал постепенно таять и отхлынул, бросив его огорчено вздыхать на отмели реальности... Сейчас над ухом должен заверещать

неотвратимый будильник. И тело, помимо еще сопротивляющегося сознания, напряжилось суетливым угодливым спаниелем, готовое по команде "Ищи!" продираться по топи сквозь заросли осоки, и кинувшись в холодную воду, плыть за добычей и в зубах принести ее хозяину. Но тиран-будильник почему-то молчал. И Александр Дмитриевич вспомнил, что сегодня долгожданная суббота! Он мысленным щенком доверчиво перевернулся кверху животом и радостно задргал всеми четырьмя лапами. Потом, сладко зевнув наяву, с наслаждением потянулся... Наташа дышала рядом совсем неслышно, значит его милая девочка еще спала.

Наташенька – моя нежная пушинка, танцующая на ветерке, снежинка на ресницах, ромашка на июньском лугу, ласкающий ночной шепот... Натали – мой легкокрылый ангел, изысканные лепестки лилии, весенняя капель, тонкие изящные пальцы. Вся прелесть, если она еще сохранилась в потайных уголках его жизни, все не тускнеющее и не обесценившееся с годами, все немного волшебное среди пустынной житейской скуки это его любимая Наташа. Ее лучистые глаза, озаряющие радостью и цветущей красотой все вокруг. Легкие, одним неуловимым движением подобранные заколкой светлые волосы с очаровательными пушистыми завитками на висках и затылке. Когда он целует ее там, в ложбинку шеи, она иногда смеется, что лучший ее ракурс – вид сзади. Хорошо, если бы сейчас Наташа спала на спине, тогда... Не поворачиваясь и не открывая глаз, Александр Дмитри-

евич представил, как осторожно отогнув краешек одеяла, чуть прикоснется... Нет, сначала всласть налюбуется на ее грудь – он не встречал формы совершенней и желаннее, а ему было с чем сравнить! – и только потом прикоснется поцелуем, тихонько, чтобы не разбудить раньше времени.

Словно почувствовав неладное, жена шумно заворочалась в постели и бурно откинула со своей стороны одеяло. "И отъелась же ты, мать! Все малину мне испортила..." – с досадой буркнул про себя Александр Дмитриевич, уткнувшись лицом в подушку с ядовито-лиловыми пальмами. Татьяна и вправду заметно раздобрела за прошедший год, и ей всегда теперь было жарко, хотя ничего удивительного, тоже недавно полтинник стукнул. И затылок вечно жестко-стриженный, выкрашенный в темный цвет. Ладно, мечты о Наташе оставим до вечера, а сейчас придется в дела впрягаться, труба зовет...

Первое – надо пилить с женой в универсам и загрузить полный багажник продуктов на неделю. С тех пор, как Татьяна шесть лет назад сломала руку, она в магазин почти не ходит и тяжелее хлеба и пачки масла ничего не носит. Еще и шипит: "А когда мне? Весь день у плиты, да еще Матвейку мне все норовят подкинуть." Это правда – их старшая дочь родила уже второго пацана, и двухлетнего Матвея даже ночевать иногда оставляла у бабушки с дедом. Малыши, конечно, забавные и трогательные создания, но беспокойства от них очень много. А родители-молодожены сначала целый год все

мерились характерами и перетягивали канат амбиций. После одной, особенно бурной сцены Настя и домой возвращалась, но потом, народив двух детей, окончательно заломала мужа, и они угомонились. Точно, вся в мать пошла.

Татьяна его тоже на свой лад перековала, правда другим манером – вкрадчивым, как и положено приезжей в столицу из маленького городка. И пока он умилялся, какими ласковыми кругами эта симпатичная девушка вокруг него вьется, оказалось, что она уже опутала его тонкой шелковой ниткой, как того слона из притчи или еще кого-то крупного, так что ни рукой, ни ногой не шелохнуть. А когда попытался дернуться на волю, было уже поздно по всем срокам, и он женился, как честный человек, к беспомощному ужасу своей матушки, деликатной библиотекарши.

Да, кстати завтра надо еще заезд к ней сделать по части снабжения, а это уже через всю Москву тащиться. И пора что-то решить с ее операцией катаракты, пока она окончательно не ослепла на один глаз, но куда отдаться, чтобы хорошо сделали? И не забыть в аптеку заехать, купить это дорогое лекарство для сосудов, которое ей посоветовали. Еще Татьяна наверняка сегодня велит им со Стасом квартиру пылесосить, но сынок, как водится, куда-нибудь срочно умчится по звонку.

В последнее время Стас их очень беспокоил, а все началось с появления новых соседей по лестничной площадке. Однажды Александр Дмитриевич оказался с ними в лифте, и

пока поднимались наверх, хорошо разглядел. Это была невообразимая пара – вылитые Карлсон и фрекен Бок! Она выше мужа на полголовы, да еще с наверченным на темени узлом вытравленных до пакли волос, и самым широким местом фигуры – на бывшей талии. А он – такой же пухлый, и с всклокоченной макушкой, но роста ему это не прибавило. Фрекен Бок – ее потом всей семьей они так и называли – была высокомерная дамочка из тех, к кому, как говорится, и на кривой козе не подъедешь, включая собственного мужа. Зато Карлсон изо всех старался пойти на контакт, причем было ясно, что стоит ему приоткрыть маленькую щелку двери, как просочившись, он уже через минуту будет сидеть за вашим столом и под разговоры уплетать плюшки с вареньем. Но родители – это все были цветочки, а ягодки... Вернее одна «ягодка» в лице их дочери – ядреной девицы в возрасте на выданье, с волоокими надменно-томными глазами. Иначе, чем вульгарное слово «телка», ей трудно было подобрать определение, но «телка» многообещающая – странно, что эта красотка могла уродиться у таких предков!

Когда недавно утром они со Стасом встретились с ней на площадке у лифта, сын буквально потерял ориентацию в пространстве. Как уставился на ее роскошный – в мамашу! – бюст, так и пялился зачарованно, совершенно забыв, куда и зачем надо идти... Выходя из лифта, она медленно повернулась и пошла, играя обтянутыми бедрами и давая зрителям счастливый шанс запечатлеть в уме произведенное ею

впечатление. Для Стаса это был полный нокаут, сын гипнотически лез в пасть к удаву... Даже Александр Дмитриевич ощутил некоторое известное перераспределение крови в организме, и счел за благо подвезти свое ошалелое чадо поближе к институту, а то, как бы не вздумал дожидаться ее у метро – с него станется. Хотя понятно, что в любовных делах подстраховаться невозможно.

Потом выяснилось, что даже имя у роковой обольстительницы весьма подходящее – Алиса, а неказистый общительный Карлсон – всего лишь ее отчим. М-да, сказочная семейка... Главное теперь, чтобы их двадцатилетний балбес не оказался в роли глупого Буратино. Правда, в бестолковости он и в детстве не был замечен, но разве можно равнять мирное время с гормональной атакой безрассудного влечения? Пока же он с энтузиазмом порывался то вынести мусор – когда это раньше его допросишься! – то сходить за хлебом, то вдруг задружил с бывшим одноклассником Максом со второго этажа, к которому стал забегать каждый день, от него же и получил первые сведения о своей обольстительнице. То вызывался спуститься к почтовым ящикам, чтобы проверить, не принесли ли квитанцию за квартплату – и откуда он вообще узнал, что таковые существуют? В довершение проблемы Александр Дмитриевич уже пару раз случайно заставлял сына, подсматривающего в дверной «глазок» за соседской дверью напротив.

Из-за этой девицы Стас, похоже, совсем забыл свою по-

другу Олю, милую интеллигентную девочку, тоже бывшую одноклассницу, живущую через подъезд в их же доме, которую без малейшего опасения можно было представить в роли невестки. И отношения у них вполне теплые, хотя слишком ровные для серьезного чувства, по крайней мере со стороны Стаса. И похоже, что они не думали переступить грань физической близости, у Оли в глазах еще светился застенчивый вопрос – верный признак, отличающий девушку от женщины, для которой не осталось тайн. Очень жаль, если сын с ней расстанется... Александр Дмитриевичу нравилась тихая Оля, и он не терпел самоуверенных, напористых амазонок, особенно за рулем – никогда не угадаешь, каких выкрутасов от них ждать.

День

"И что за радость мне с того, что ты добрый и хороший? Объясни хотя бы вкратце, почему я должна дышать твоим перегаром? Не припомню, чтобы мне назначили такое наказание." – и не дожидаясь тяжелого ответного вздоха, Наталья нажала «отбой» на телефоне, в который раз подумав: "Дурак ты, Лёшечка..." Она на дух не переносила подвыпивших мужчин – не видела ни одного человека, который не поглупел бы на глазах после возлияний. Ее отец, когда-то отправившийся на поиски нового счастья, вообще, кроме бокала хорошего вина в праздник, ничего не пил. А такие разговоры с мужем, которого она выпроводила жить к матери, повторялись примерно раз в две-три недели уже полгода. Окончательно разводиться пока не предполагалось – время от времени в домашнем хозяйстве требовалась мужская сила, да и лень было суетиться.

Изредка Леша появлялся лично, покаянно напрашивался попить чайку и жалобно канючил, чтобы ему разрешили погостить хотя бы одну ночь, но у Наташи это вызывало только раздражение или смех, в зависимости от настроения. А дочка, выходя на кухню, тоже чуть насмешливо поглядывала на отца и весело, заговорщически – на маму, и под ее взглядом Наташа твердо отправляла мужа обратно, поскольку девочке нужен пример последовательной семейной политики.

Она никогда не испытывала к Леше ни малейшей страсти, зато и мучительные страдания тоже отсутствовали, так что ее замужество нельзя было назвать совсем неудачным. Они поженились как-то не всерьез, полущутя, когда Наташа горестно переживала равнодушие красивого парня, в которого она была отчаянно влюблена, и про которого нафантазировала себе невесть что... И которому посвятила свои первые стихи.

И сердце рванется при виде тебя, дыханье собьется при виде тебя,

Но ты улыбнешься, маня и губя, и вновь отвернешься, совсем не любя.

Лечу под откос – не поможет совет, я бьюсь над вопросом, хоть ясен ответ.

Длиннее твой список любовных побед – короче мой список оставшихся бед...

Тут и возник случайно Леша с своими трогательными ухаживаниями и сказал: "Возьми меня замуж, я хороший..." Тогда Наташа обрадовалась ему и отогрелась рядом душой, с ним было легко, они чему-то все время смеялись, возможно потому, что Леша очень артистично рассказывал анекдоты. Особенно запомнился такой: "Жил человек, полнейший неудачник, за что ни возьмется – все мимо... Однажды не выдержал он и в сердцах возопил к небу: "Господи, за что ты меня караешь? Скажи, что плохого я сделал?" Отодвинулась

вдруг тучка, и раздался сверху громовой голос: "Ну, не нравишься ты мне!"

Правда, смеялись они недолго, их брак оказался каким-то ненастоящим, без злого умысла поддельным, вроде морковной котлетки вместо ростбифа – пресно и безвкусно, а есть-то хочется... И понимаешь, что твой долгожданный заказ, при мысли о котором слюнки текут, все равно не принесут никогда. Остается утешаться, перефразируя поговорку "в чужой руке и синица – птица", чтобы не было соблазна кому-нибудь позавидовать.

А других вариантов на тот момент было не густо, если только пытаться сменить шило на мыло. И бытие многое в отношениях людей определяет. Вот, например сейчас – давно уже барахлит дверной звонок, и начал капать в ванной кран, а как только потечет струйкой, придется звать благоверного. Ну, и отблагодарить соответственно, для грядущих трудовых усилий. Вообще-то Леша нормальный мужик, действительно добрый, даже ласковый, дочку любит и о них в меру сил заботится, но вечный мальчик – младший сын в семье, и ее моложе на три года, наверно, оттого и держится непутевым подростком.

А еще всегдашние друзья на работе с отмечаниями окончанных заказов, особенно загородных, и прочими веселыми поводами. Правда, теперь заказов стало несравнимо меньше, и соратники принялись заливать грусть-печаль... Муж сначала подвизался по мебельному, а теперь по оконно-балкон-

но-верандному делу. Спору нет, руки у него приставлены, как надо, но лишь для конкретной, реальной работы: строительство и починка родительской дачи, ремонт в квартире, пригляд за машиной, а в жизни на Лешу положиться нельзя. Или пальцы у него слишком чуткие, артистичные? Не своим делом, видно занят – ему бы на рояле играть, а не тяжелой дрелью с перфоратором шуровать.

Вот Сашиним рукам она всецело доверила бы свою жизнь, с легкостью, не раздумывая – настолько они верные и надежные! Она поняла это мгновенно, когда он в первый раз протянул ей руку, выходя из автобуса. Нет, даже еще раньше, когда Саша оказался совсем рядом с ней в утренний "час пик". Как давно, оказывается, они знакомы – еще до появления в их районе метро... А однажды им посчастливилось – достались два местечка на задней площадке, и они взхлеб прошущукались всю дорогу до нужной остановки, как давно не видевшиеся близкие друзья, и все-таки не успели наговориться... Решили встретиться в ближайшие выходные и съездить куда-нибудь в тихое, душевное место – Кусково или Коломенское. С этого началась их любовь... "А в пруду зеркально-гладком отражен дворец-игрушка, соловьи самозабвенно уходящий славят май..."

Ничего, скоро Саша должен вернуться, и сразу пройдет ее грустное настроение, и все наладится! А пока есть интересные книги, можно раскроить к лету новое платье, а то ведь не успеешь оглянуться... Еще она давно хотела поискать в

Интернете и записать хорошую музыку, что-нибудь для себя зарифмовать, чтобы напевать между делом. И принимаясь за послеобеденную посуду, Наташа замурлыкала мелодию "Жизнь в розовом цвете", на припев которой недавно сочинила слова.

И... однажды я проснусь, как птичка весела,
и будет воскресенье...

Милый голос – как спала? —

и я сойду с ума от этого везенья!

Не приоткрывая глаз, мурлыкаю: "прекрас..."

"...но" стихнет в поцелуе...

И никого, кроме нас, в мире нет,
forte закончу последний куплет, и...

Будет день, когда проснусь,
и снова удивлюсь – не грежу ль наяву я?..

Вечер

Dance me to your beauty
with a burning violin
Dance me through the panic
'til I'm gathered safely in
Lift me like an olive branch
and be my homeward dove
Dance me to the end of love
Dance me to the end of love

Низкий, устало-чувственный голос Леонарда Коэна завораживающе уносил Александра Дмитриевича в давнее и глубинное... Даже не в юность – тогда они его песен почти не знали, а в какую-то сокровенную тайну души, неведомую самому, которую ни в пьяном бреде, ни под пыткой никогда не доверишь другому. И скрипка! Она переливчато вступала после каждого куплета, не повторяясь в вариациях, с упоительной возносящей тоской перебирая по жилочке всю душу... И манила куда-то, обещая несбыточное, и плакала сквозь смех. Ею невозможно было насладиться, как соловьиной трелью, когда с замиранием ждешь следующего восхитительного коленца и боишься, что чудо вот-вот оборвется...

Александр Дмитриевич случайно услышал едва знакомую

ему песню "Dance me to end of love" сегодня днем в универсаме, катя вслед за женой тележку, доверху набитую продуктами. Уловилось едва слышное звучание – даже не мелодия, а словно дорогое воспоминание, теплой волной прошедшее по сердцу – и он решил, что обязательно запишет ее в айфон, чтобы всегда держать при себе и слушать. И сейчас он лежал, зачарованный, плененный этой музыкой, в их заветной комнате с задернутыми мягкими шторами и уютным светом ночника, куда спешил каждую минуту, выкроенную в будничной житейской суете. Наташа тихонько встала, накинула на себя что-то очаровательно-легкое с абстрактным рисунком, словно взмахнула радужными крылышками райская птица, и упорхнула в ванну. А он все слушал, уплывая мыслями вдаль...

С красотой своей танцуй и скрипкой огневой.
Протанцуй меня сквозь ужас – и найду покой.
Как оливы ветвь, голубка, к дому возврати.
Танцуй нас до конца любви.
Танцуй нас до конца любви.

Ему с грустью подумалось о вечной обреченности людей. О том, не объяснимом словами счастье, про которое нам зачем-то поведали еще за гранью – до нашего рождения на свет, и о существовании которого мы упрямо и наивно помним сквозь все земные обманы. И разбиваем лбы о призрачные мечтанья, надеясь на счастливый жребий, когда кажется,

что удержишь его в горсти, или пытаюсь добыть невозможное своими убогими силами...

Но разве эта натужная суета имеет отношение к счастью? Тогда для чего и для кого все это мельтешение? Чтобы превратиться в ходячий кошелек для жены? Как давно он устал тащить этот воз... Ведь человеку нужно совсем немного для жизни и покоя в душе. Хотя, усаживаясь в свой серебристый Фольксваген или включая телевизор размером в полстены, он испытывал иногда приятное удовлетворение, но все же – не настоящую радость. Душа требовала совсем другого, чего-то высокого, нездешнего – точно не материального, но очень простого. Иногда до обидного простого.

Нам станцуй сегодня свадьбу, и всё – что вдали.
Потанцуй мне очень нежно, дольше танец дли...
То своей любви мы ниже, то над ней парим.
Танцуй нас до конца любви.
Танцуй нас до конца любви.

Вернулась Наташа, присев на край постели, начала одеваться, чуть слышно подпевая Коэну, и Александр Дмитриевич, как всегда, залюбовался ею. Ему нравилось все, что она делает, красивая и утонченная, когда причесываясь даже без зеркала, неуловимым привычным движением подхватывает заколкой струящиеся по плечам светлые волосы. Или запахнув на талии райское одеяние, с изысканностью дамы галантного века наливает чай в тонкие чашки с парой тан-

цующих журавлей, придерживая крышку чайника изящной рукой с жемчужным колечком. Или неторопливо одевается, словно античная нимфа у ручья, целомудренная и не ведающая смущения в своей чистоте. А вот раздевание любимой нимфы было его сладостной привилегией. Он никогда не пресыщался этой игрой-увертюрой их встреч, когда, шелкнув крошечным замочком, который не сразу и найдешь на ощупь, освобождал из атласно-кружевного плена по-девичьи нежную грудь, мгновенно отзывающуюся на поцелуй, к его почти юношескому нетерпеливому восторгу.

Прикоснись рукой
или перчаткою прильни
в танце до конца любви...

– Саш, выключай свой компьютер, иди ужинать. Слышишь? Давай быстрее, а то все остынет!

– Сейчас иду... чтоб тебя! – Александр Дмитриевич резко черкнул курсором по экрану, закрывая страницу с песней, и даже «мышью» стукнул об стол от досады, хотя бессловесная зверушка ни в чем не провинилась.

Когда от накопившегося раздражения дома становилось невмоготу, и уже не спасали мечтания о выдуманной Наташе, то под видом посещения матушки или другим благовидным предлогом, Александр Дмитриевич ехал к вполне реальной, безнадежно одинокой Ларисе. Раньше, в молодые годы совершая заходы «налево», он отправлялся по разным ад-

ресам, а теперь – к ней, своей давней, все понимающей, проверенной временем и непростыми обстоятельствами, подруге, с которой и музыкальные вкусы их редкостно совпадали. Когда-то он исподличался до пошлейшего вранья – мол, как только подрастет сын и окончит школу, тогда он будет свободен... В общем, заезженная классика жанра... И Лариса через несколько месяцев жгучей обиды даже этот грех ему простила, правда, теперь встречала довольно равнодушно.

Он и матушку, конечно, навещал, хотя не так часто, как той хотелось бы, но у нее нельзя было посидеть в полном отдохновении, сразу начинались суетливые хлопоты с ужином-чаепитием и опекунские разговоры о нем самом и великовозрастных внуках. Собственными проблемами со здоровьем матушка старалась его пореже беспокоить. Но Татьяна все равно обижалась на его отлучки, ревнуя к матери, с ехидной улыбочкой называла его маменькиным сынком, и беспардонно-унизительно проверяла поездки к ней по городскому телефону.

О своих родных в провинции она вспоминала лишь в дни рождения и под Новый год, и быстро пресекла их поползновения – видеть ее в роли заботливой наседки, крепко осевшей в столице и хлопочущей о судьбе младшей сестры. Однажды Александр Дмитриевич решил рвануть на волю и сбежал к матушке, но Татьяна очень крепко ему "надавила коленом на слезные железы": брошенный сын, сердечный приступ, потерянная совесть... В ход пошли загублен-

ная карма, неотвратимая расплата в старости и чуть ли не Страшный суд – в итоге через месяц, с истрепанными вконец нервами, он вернулся в семью.

Ночь

Наталья одобрительно улыбнулась своему отражению в слегка затуманенном паром зеркале – с фигурой женщинам в их семье повезло. Они пошли в родню дедушки, мамино-го отца, и в память о нем же, всем досталась прелестная чечевичная родинка на талии. Наташа сняла заколку и качнула головой, расправляя легкую волну светлых волос, целый день пробывших в заточении. Накинула халатик-кимоно, которое сшила из двух шелковистых платков-батик, расписанных акварельно-прозрачными цветами и веерами, полюбилась в зеркало – очень симпатичное получилось.

А ведь второй такой вовек уже не будет —
Чуть обернувшейся в вечернем зазеркалье,
С не идеальным носом и девчачьей грудью,
Ступнею, вечно узкой для любых сандалий...

Наташа выключила везде свет и заглянула к маме спросить – как ее давление? – и пожелать спокойной ночи. Из-под Олиной двери свет уже не пробивался, но непохоже, чтобы она спала так рано. В последнее время ходит очень грустная, неохотно сказала, что у них разладились отношения со Стасом, он вдруг стал избегать встреч с ней, ссылаясь на занятость учебой, но она чувствует, что врет. Что ж, надо человеку иногда и всплакнуть без посторонних глаз... Отгоревать

свою первую жизненную потерю...

Наташа мимоходом погладила белого, изрядно зацелованного мишку Джонни, почему-то обосновавшегося не в дочкиной, а в ее комнате, оставила тикающие часы подальше в угол – ведь завтра выходной, и поплотнее задернула шторы от пронзительно-фиолетовой рекламы SPA-салона, имевшей обыкновение прокрадываться узкой светящейся полосой к ней на подушку. Блаженно нырнув под одеяло, вытянулась и накрыла глаза ладонями... Она старалась не забывать про вечерний «пальминг» хотя бы на пять минут – у всех корректоров рано начинаются проблемы со зрением. Теперь наступало только ее заветное время – ее и Саши, мечтаний о нем... Уже скоро он приедет, и она наяву обнимет его. А возле кровати ее тапочки с голубыми помпонами будут ласково прижиматься к его клетчатым шлепанцам, и даже их зубные щетки на полочке в ванной трогательно склонятся друг к другу.

Ей вспомнился летний вечер, когда после заката они сидели вдвоем, тихо о чем-то разговаривали, а из магнитофона глуховато-волнующий буйновский полусшепот уговаривал в песне "Потанцуй со мной, я сегодня твой..." Вдруг Саша нежно привлек ее к себе на колени и трогательно поцеловал. Не дерзко – в губы, даже не в шею, а руку чуть ниже плеча... Это было так восхитительно, что на несколько мгновений перестав дышать, как на облаке, она воспарила в немыслимое счастье! А вместе с не испытанным прежде чувством,

мелькнул вопрос – что предвещал этот первый поцелуй, такое начало их романа? Наташа вывела для себя маленькую теорию, что первый поцелуй довольно точно предсказывает будущие отношения, все дальнейшее развитие сюжета.

В Саше она ощутила благородную рыцарскую почтительность, преклонение перед своей Дамой сердца. И не ошиблась! Он до тончайших нюансов знал все, что ей нравится, даже лучше, чем она сама, и никогда не спешил, терпеливо и любовно поднимая ее к высшей точке ожидания, с которой она взмывала ввысь, и откуда они летели уже вместе, в окутывающей их и все застилающей на своем пути лавине неземного блаженства...

А как они в первый раз поцеловались с Лешей, помнила довольно смутно, кажется, по-детски неловко и немного дурашливо, как все у них. Зато незабвенный, обожаемый красавец так запечатлел судьбоносный момент, что у нее закружилась голова, остановилось дыхание, и земля уплыла из-под ног, почти как в сентиментальных романах, и томительная, призывная страсть натянутой струной запела внутри. Такое с ней было лишь раз в жизни. Правда, красавец очень быстро уплыл. Но ничего, пережили... Наташа повернулась на бок, обхватила рукой подушку и приготовилась засыпать, но в памяти предательски всплыли его последние слова: "Может, тебе еще повезет, хотя честно сказать, среди нашего брата...", и мысли невольно вернулись к Оле.

Какая судьба ждет ее девочку, что за лотерейный билет

она вытащит в жизни? Увы, их семья не могла похвастаться счастливыми женскими судьбами. В основном надежды и потери.

Летним снегом мошкара вьется под фонарным светом.
Не случайность, не игра – поиск вечного ответа...
К солнцу, к радостной судьбе льнут полночные глупышки
В изнурительной борьбе...
К счастью, ночь длинна не слишком —
Те июньских три часа, для которых в мир родятся,
И слепя мечтой глаза, на обман сиянья мчатся...
Путь назначен был такой хрупким, плюшевым
созданиям?
Или дерзкий спор с судьбой?
Вопреки насмешке – к тайне!

Опять некстати взгрустнулось. Наташины мысли возникали одна из другой, словно выдвигалась антенна у транзистора, ловя все новые непредсказуемо-наплывающие звуки... Ничего, уже совсем скоро он вернется. В своих фантазиях о Саше она не раз пыталась придумать для него профессию – убедительное, конкретное занятие, но все не подходило ему то по характеру, то по ситуации, и Наташа махнула рукой, остановившись на чем-то неопределенно-техническом, с вынужденными командировками. Просто уезжает надолго и приезжает – работа такая. А она его ждет, вспоминает и мечтает...

Правда, за полгода изгнания мужа, со снисходительной иронией к самой себе, Наташа сыграла в переглядушки с редактором из соседнего отдела, который давно уже делал ей глазами недвусмысленные авансы. Он был внешне симпатичен, но недостаточно знаком, и вообще служебный роман мог сулить больше проблем, чем радостей. И когда поклонник ринулся на всех парах к намеченной цели, ей пришлось сделать такое недоуменное и насмешливое лицо, что он оскорбленно умолк на полуслове. Хорошо, что им не надо напрямую соприкасаться по работе, а то ее шутка могла бы иметь неприятные последствия.

Утро

"Что ни говори – почти настоящая весна! Жаль, что ночью снег выпал, теперь слякоть под ногами, но все равно уже конец марта. Вот и синица в палисаднике свистит не по-зимнему «синь-синь», а многократным заливистым "фюить, фюить, фюить, фюить...", и около кормушки на окне они уже не крутятся, разлетелись по весенним птичьим делам. Да, хорошо, что я сегодня перчатки взяла, а не варежки." Наталья торопливо вышла из дома, на ходу натягивая кожаную перчатку. "Вечно эта кнопка расстегивается, а я опять я забыла ее подправить осенью." Она попеременно смотрела то на капризную перчатку, то опасливо – себе под ноги, поскольку тротуара здесь не было, и приходилось лавировать между кисельно-снеговых луж, огибая беспорядочно припаркованные машины.

Вдруг у соседнего подъезда на нее сзади чуть не налетел вплотную промчавшийся джип в боевой раскраске. Наташа, испуганно ойкнув, метнулась в сторону – прямо на стоящую рядом машину, даже ногой о бампер ударилась и с размаху оперлась рукой о капот. И хозяин серебристого авто, противравший в тот момент ветровое стекло, тоже сильно дернулся от неожиданности, буркнув: "Совсем озверели!", и невольно почти прижался к Наташе, а их руки оказались рядом. Она почувствовала жаркую волнующую неловкость, как в ранней

юности и молча оттолкнулась от машины. Мельком глянув вниз, на сапоги – не очень ли их забрызгало? – заспешила дальше к метро. Буквально через несколько шагов обнаружила, что нет второй перчатки, но от необъяснимого смущения не могла заставить себя вернуться. "Так глупо вышло... Но какая знакомая у него рука, прямо-таки родная! А лица, жаль, не увидела.»

День

"Как же мне лучше написать?" – Александр Дмитриевич, в отсутствие шефа, сочинял объявление о подобранной около машины серой перчатке. Он даже не сразу ее заметил на снеговой жиже с бензиновыми разводами, только уже садясь за руль и отряхивая ботинки. Бережно поднял, как подстреленную птичку, сразу поняв – чья она, тщательно промокнул бумажными платочками и положил сохнуть рядом, на правое сиденье. Всю дорогу до работы, на светофорах он искоса поглядывал на потерянную бедняжку, мечтая разыскать ее торопливо исчезнувшую хозяйку.

Он не успел разглядеть лица той женщины, она сильно наклонила голову, и перед глазами мелькнул только капюшон легкого пальто. Но врезалась в сознание благородная рука с тонким жемчужным колечком, оставившая на мокром капоте скользящий след. Именно такую руку он представлял себе в мечтах о Наташе. Интересно, кем она работает? Ему, технарю, почему-то хотелось, чтобы профессия незнакомки была связана с книгами – может быть, редактор в издательстве или художник-оформитель, непременно талантливый, или переводчица. Так быстро убежала, торопилась... Она, конечно, живет в нашем доме, раз выходя, еще перчатки не успела надеть. А шла с той стороны, значит надо клеить объявление на первые три подъезда.

"Напишу так: найдена женская... и так далее, перчатка. Просьба обращаться в квартиру номер NN. Нет, с ума я что ли сошел – какая квартира? Татьяна меня сразу убьет! Надо по-другому – просьба звонить по телефону... мобильному, конечно. Хм, представляю себе картину – семейный ужин, звонит мой телефон, и "Добрый вечер! Ах, перчатка... Да-да, можем с Вами сейчас встретиться." И опять мне будет секир-башка. Пожалуй, напишу так: просьба позвонить по мобильному телефону с 9 до 18 часов. В рабочее время с разговором меня не застукают, а выйти из дома смогу, прогуливая собаку." Александр Дмитриевич с мальчишечьим трепетом и азартом набрал текст летящим курсивом и запустил принтер.

Вечер

Возвращаясь с работы, Наталья неторопливо шла вдоль дома, чуть постукивая каблукочками. Какой-то парень, обгоняя ее, заинтересованно оглянулся и помчался дальше. "Да, мальчик, скоро уже сорок пять..." – польщенно и грустно улыбнувшись, подумала она. На двери соседнего подъезда заметила белоснежный листок объявления. Не иначе, завтра воду отключат, надо маму предупредить! И на их подъезде белело такое же. Доставая из сумки домофонный брелок, Наташа начала читать, и ее обдало жаром... "Сегодня утром около дома найдена кожаная женская перчатка, серого цвета. Потерявшую просят позвонить по телефону №..... с 9 до 18 часов." Неужели это ОН, когда-то придуманный ею «Саша», у которого такие волнующе-знакомые руки, реально существует и живет в этом же доме и сейчас с трогательной заботой ищет ее?! Фантастика!

Но тут же проскользнул непонятный, еще не вполне осознанный холодок, остудивший голову – "звонить с 9 до 18 часов". Так строго? Противный холодок сполз куда-то под ложечку... Она не могла объяснить, вернее, признаться себе, почему так оскорбилась этим обычным уточнением времени. Но поднимаясь в лифте, несколько раз повторила: "с 9 до 18". Значит вот так, категорически... А иначе грозная жена «ата-та» ему сделает? Понятно. Собственный жизнен-

ный опыт у нее был небогатый, зато по работе приходилось читать много душещипательных романов и психологических детективов, и она чутко улавливала малейшие нюансы людского поведения, непроизвольно выработав свой, почти детективный метод. "Что ж, ладно... И не претендую."

Дома, даже не переодевшись, Наталья вытащила из тумбочки закройные ножницы, погладила свою осиротевшую перчатку – на тыльной стороне был сквозной узор из мелких дырочек, очень ей нравившийся. Почувствовала, как глаза наполняются обидными слезами и грустно вздохнув, одним махом резанула перчатку пополам. «Космос любит символические жесты» – эту запомнившуюся фразу она прочитала в какой-то книге. "Вот так. Чтобы больше не мучиться глупыми фантазиями. И незачем сильно огорчаться, мало ли кто на кого похож." Прощальным жестом бросила половинки бывшей перчатки на кресло и пошла мыть руки. В коридоре щелкнул дверной замок, это дочка наконец-то вернулась от подружки.

– Привет, Олюнь! Как дела?

– Привет. Нормально...

А у самой голос унылый, лицо тоскливое, как у потерянной собаки, и еще что-то в нем неправильное. Да, глаза не подкрашены, зачем-то днем умылась, и немного припухшие... Понятно. Видно, ходила изливать душу Ане и плакала у нее, а потом умылась.

– Это хорошо, что нормально. Только не стоит слиш-

ком доверительно рассказывать подругам о своих неприятностях. На десять минут полегчает, а потом на годы можешь пожалеть, что откровенничала. Если уж сильно припечет, лучше мне поплачься – за пределы квартиры это не выйдет. А вдруг и что-нибудь толковое посоветую, наше поколение еще не впало в маразм и помнит сердечные дела – как оно в молодости бывало. Вот правильно, что смеешься!

– Да я вспомнила, какую картину сегодня видела. Возвращаюсь из института, смотрю – Сан Дмитрич, отец Стаса, клеит на наш подъезд объявление "Найдена женская перчатка." Ничего себе, думаю, с работы что ль для этого отпросился? Он ведь обычно поздно домой приезжает. Поэтому и смешно показалось, что ты про маразм вашего поколения сказала.

– Объявление клеил? Интере-е-сно! А хочешь, я фокус покажу? Тебе еще смешнее станет. – Наташа подтолкнула дочку к себе в комнату, взяла двумя пальцами, как мышат, половинки разрезанной перчатки и покачала перед Олей.

– Ой, мам! Зачем ты? Если б я раньше знала...

– Нет, все равно ей никогда не встретиться со своей парой. Именно с 9 до 18 часов я обычно занята.

Во взгляде дочери мелькнула настороженная догадка.

– Мам, ты что, с Александром Дмитриевичем... знакома?

– Так он Александр? Нет, откуда же...

Оля вопросительно смотрела, ничего не понимая.

– Я бы могла к ним сходить, взять...

– Нет, Олюшка, не будем мы за ними гоняться – я за пер-

чаткой, а ты за Стасом. Пойдем-ка лучше на кухню! Бабушка нам сегодня «шарлотку» испекла, чувствуешь запах? И мясо какое-то вкусное.

– А представь, если нашу перчатку бросить им в почтовый ящик?

– Представила, но объясняться пришлось бы тебе. И вообще, много чести им будет.

Улыбнувшись, Наталья развернула Олю за плечи и повела ужинать. Входя на кухню, обе уже смеялись, переглядываясь.

– Мамуль, вот и мы пришли. Чем порадуешь? Пахнет у тебя оч-чень соблазнительно!

Ночь

– Поэтому тебя и позвала. Ты особо-то не мечтай, просто Оле сейчас очень важно чувствовать семейную поддержку.

– А тебе-то я еще нужен? Хотя немножко...

– Хотя немножко, конечно, нужен. Ничто человеческое мне... Леш, а я ведь будильник забыла поставить! Пошарь на тумбочке.

– Что-то не нахожу... Ладно, сейчас встану, заодно и компоту принесу. Хи-хи... кажется, я в твой тапочек пытаюсь влезть. А что ты так смеешься?

– Ну, можно иногда человеку просто повеселиться? Наплакаться с тобой еще успею... Ой, щекотно же!

Земная прививка. Рассказ

«И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.» (Книга Бытия, гл. 2, 15)

Йохху медленно, с трудом возвращался из провального забытья, так непохожего на обычный сон. И очнулся не от жарких лучей, светивших в лицо, а от щекотания на груди, кто-то осторожно трогал его бороду. Потом появились звуки... Странно, как гулко и совсем рядом плещется прибор. И вдруг с удивлением осознал, что около него шепчут и бормочут несколько голосов, что было немислимо, но еще поразительнее – он не понимал ни слова! Где же он оказался? И ничего не мог вспомнить. Йохху с усилием приоткрыл веки, чуть шевельнул занемевшими пальцами, ощутил под собой песок, значит, он и вправду лежит на берегу. Голоса вокруг сразу радостно оживились.

Он посмотрел вверх, покосился в стороны – над ним склонялись незнакомые, очень загорелые черноволосые адамы, и несколько пар любопытных глаз ощупывали его с макушки до пят. Кто-то настойчиво теребил за руку, другой пытался приподнять ему голову, напевно звуча у самого уха. Запыхавшись, подбежал очень маленький адам, плюхнулся рядом с Йохху, взрыв коленками песок, и протянул воду в какой-то

неведомой скорлупе – ни вкуса, ни запаха, и хрустит в пальцах. Но вода была вполне похожа на обычную воду, а во рту так пересохло, что, приподнявшись на локте, Йохху жадно выпил все до капли и благодарно покивал.

Он заметил, что все прислушиваются к одному адаму с редкой бородашкой вроде мха, и лоя его взгляд, хотел спросить – кто они? И что произошло с ним самим, почему он лежит у края большой воды? Но тот лишь беззубо улыбнулся, прошепелявил непонятное, и все тоже заулыбались, помогли Йохху встать, и окружив, повели по берегу куда-то вглубь, к густым зарослям. Один адам шел перед ним совсем вплотную – закрыть что ли его старался? – и Йохху то наступал ему на пятки, то натыкался грудью на затылок – настолько он был выше всех остальных.

Но больше всего встревожило Йохху, что как ни оглядывался он по пути, как ни задирает голову, выворачивая шею, нигде наверху не находил второго глаза Всевидящего Который Повсюду. Да и этот единственный, от которого разлетались слепящие лучи, будто подменили – таким непривычным был свет. Куда же он попал?! На их берегу один глаз Всевидящего цветом напоминал плоды с дольками, которые так заманчиво пахнут. А другой был ни на что не похож, сплошное нестерпимое сияние – смотреть нельзя! И большая вода здесь тусклее, чем на их берегу. И все зачем-то говорят голосом. Шумят и горланят, как крылатницы над водой, даже голова заболела, а понять их невозможно... Где он

оказался? Что же с ним случилось?

Наконец, пройдя сквозь густые заросли, странные спасители привели Йохху на широкую поляну, где они, по-видимому, жили. Тут везде стояли какие-то... даже непонятно, как это назвать? Сплетенные из толстых ветвей и жесткой травы, вроде перевернутых птичьих гнезд, только очень большие. В середине поляны на земле сидели евы и что-то толкли и терли на плоских камнях. Некоторые совсем безобразные, ссохшиеся и мрачно глядящие исподлобья – на их берегу таких не встретишь. Но другие ничуть не хуже, чем евы, которых он привык видеть – свежие, гладкие и веселые, они все чему-то смеялись в ладошку. Только на одну, с огромным животом, было неприятно смотреть. Зачем же она так объелась? Теперь вот еле ходит... Все евы были замотаны во что-то пестрое, мягкое на вид – неужели здесь такие листья? Волосы у них туго перекручены сзади, а на шее, на руках и ногах навешены и поблескивают... Йохху снова не знал, как это назвать.

Еще издали заметив пришедших, отовсюду сбежались мелкие вертлявые адамчики, и в который раз Йохху удивился, ведь на их берегу таких никогда не было. Он изумленно оборачивался, разглядывая эту невидаль, а те тарасились на него. Да еще подпрыгивали, визжа на все голоса, и показывали на него пальцами. Что смешного они в нем нашли? Даже внутри противно заскребло. С ними еще был неприглядный зверь, который злобно насккивал и хрипло пугал: хаф-хаф!

Ох, где же я? Всевидящий, помоги, забери меня отсюда!

Йохху слегка обернули так же, как других адамов, чем-то пестрым, приятным на ощупь, но это были вовсе не листья, очень странно... Зачем им такое? Они ему что-то втолковывали и при этом часто повторяли одно слово, показывая руками на густую бороду. Йохху решил, что наверно, его так называли – Бородатый. А может, им такую же бороду захотелось? Еще бы, у них-то и лицо, и тело совсем голые. Потом ему дали поесть, сунули в руку незнакомые плоды, он осторожно попробовал – оказались сочные, сладкие. А сами адамы уселись тут же на земле и громко заговорили вразнобой, в чем-то друг друга убеждая.

Йохху не спеша жевал, облизывая сок с пальцев, и приглядывался к ним. Сейчас, когда его оставили в покое, он понемногу и уже не только по лицам, начал понимать, о чем они говорят, тем более что решалось главное – как с ним поступить. Перехватив чей-то взгляд, он даже смог уловить значение отдельных слов! Именно так, обходясь без голоса, все общались на их родном берегу. Просто молча посмотришь в глаза и подумаешь о чем-то, а другой уже знает – что. Вслух они только смеялись или издали звали по имени.

Про Йохху адамы, похоже, совсем забыли. Они кончили спорить и теперь над чем-то хохотали, сгибаясь пополам, хлопали друг друга по плечам, и было ясно, что сейчас потешаются вовсе не над ним. Когда Йохху потихоньку поднялся, никто даже не заметил, и он решил пойти оглядеться вокруг.

Неподалеку, на траве перед гнездом сидела ева и тихонько качала на коленях небольшого зверька. Йохху стало любопытно, он подошел ближе, присел на корточки, и оказалось, что она держит древесного прыгунца. Такого крохотного и еще без шерсти он никогда не видел! Открыв рот от удивления, а потом заулыбавшись от уха до уха, Йохху даже не рукой, а двумя только пальцами хотел осторожно погладить малыша, но ева вдруг испуганно взвизгнула, хлестко ударила его по руке, вскочила и убежала, унося запищавшего зверька. До чего же странные они здесь... Он ведь не думал его отнимать.

В полном недоумении Йохху побрел к евам, что сидели в середине поляны. Они по-прежнему делали что-то свое, непонятное. При его приближении стали настороженно коситься, особенно те мрачные и ссохшиеся, но он снова заулыбался и взглядом просил, чтобы его не отталкивали, он им не помешает. Тогда их лица смягчились – кажется, ему было позволено остаться рядом. И тут Йохху увидел невообразимое! Он даже не заметил, как – в огороженном камушками круге внезапно вспыхнуло и заискрилось что-то неуловимое для глаз, но живое, яркое, рвущееся вверх и каждое мгновенье изменяющееся! Он задохнулся от радостного изумления, весь потянулся навстречу и наклонился, чтобы дотронуться... Ой, как больно! А-а... за что?! К нему подскочила ближняя ева, с силой отпихнула назад, а другая заколотила ладонями по бороде и по груди, сбивая жгучие ис-

кры. Ошалевший Йохху плюхнулся на землю, разглядывая остатки своей бороды и дую на пальцы. Откуда-то взявшиеся вокруг адамы загоготали, корчась от смеха и взмахивая руками. Кто-то даже валялся на земле и дрыгал ногами. На себя бы посмотрел – ноги кривые, как у прыгунцов, а туда же... Вот еще один примчался, защелкал перед лицом чем-то острым, блестящим, на колени посыпались клочья волос. О, моя борода... И снова кругом хохот. Разве они не видели, что я ничего плохого не сделал, оно само набросилось на меня и ожгло? Всевидящий, если ты видишь, как мне плохо – сжался надо мной!

* * *

Но в конце концов закончился этот трудный день, и вечером в сумерках Йохху поманили к одному из больших гнезд, куда уже забирались другие адамы и евы. Их гнезда были приподняты над землей на кусках стволов деревьев, и влезать надо было по скрепленным между собой толстым стеблям. Все привычно стали укладываться на разложенной внутри траве, а Йохху показали место у самого влаза. Потом опустили сплетенную из травы завесу, и вскоре засопели. А Йохху, хоть и был измучен за день, еще ворочался в непривычной тесноте, хотел спрыгнуть вниз и спать на земле, уже высунул голову, но вдруг совсем близко послышалось рычание. И это явно был не прежний хаф-хаф, а кто-то гораздо

больше и страшнее. Но ведь он не заберется к ним наверх? Вон как спокойно все спят, значит, опасности нет.

Поразмыслив так, Йохху почти успокоился, приноровившись, улегся поудобнее и тоже начал засыпать. Как вдруг в ушах возник тревожный нарастающий гул, он передернулся всем телом... И вспомнил! Голос Всевидящего Который Повсюду звучал непривычно ласково: " Я отправляю тебя на Землю к людям, почти таким же простым, как ты, чтобы легче было привыкнуть. Поживи среди них, присмотришься вдумчиво и постарайся научиться полезному. Верю, что дурное не придет в твою голову. Но если тебе захочется чего-то необычного, помни – я все позволяю. А теперь спи."

И еще одно воспоминание, всплывшее в памяти, отчасти прояснило непостижимое, что случилось с ним. В тот раз голос Всевидящего был печален и строг:

– Я ли не воссоздал рай в этом новом мире, даровав еще одну возможность людям? Ум ваш изначально сотворен настолько совершенным, что не было нужды его изменять. Но я избавил вас от самых тяжких искушений – гордыни, зависти и кровожадности. Поэтому здесь не существует для вас запретов, как для Адама и Евы. Я дал способность без слов понимать друг друга, чтобы не сеялась отныне вражда между людьми.

– А люди, это кто? Где они, какие?

– Это все вы здесь.

– А что за возможность? Я ничего не понял...

– И не поймешь, как видно. Но скажу тебе – я был горд своими новыми созданиями. И как же вы огорчили меня безразличием и ленью! Неужели все мои старания напрасны? Но не буду вкладывать в вас знания и умения, вы должны сами достичь всего. Иначе вы не люди, а твари бессловесные и бездумные. И значит, я ошибся во второй раз.

Вот значит, куда он попал – к людям. Йохху тяжело вздохнул... Не очень-то они приятные, все толкают его, насмеются. И до чего же их много! Шумно, беспокойно, все время кто-то мелькает перед глазами, а маленькие лезут под ноги, боишься наступить. И все одинаковые, на одно лицо – с трудом различаешь. Зачем Всевидящий поселил здесь так много этих людей? Неужели мы ему совсем надоели? Тут в глубине хижины кто-то заворочался, поднялся, и наткнувшись сзади на Йохху, сердито буркнул... Перешагнул через него, отодвинув завесу, пожурчал наружу и полез обратно, снова пнув его. Йохху потер спину и грустно вздохнул. Легко сказать – к таким привыкнуть...

А как хорошо на их родном берегу – безмятежно, просторно, тихо... Слышно только плеск воды и певучих крылатниц. Там кроме них с Ойей живут и другие – их столько, сколько пальцев на обеих руках, адамов и ев поровну. Но все в отдалении, на своей поляне, никто никому не мешает. И все очень непохожие, особенные. У них с Ойей волосы светлые, а у других темные или совсем черные – и как спутанная морская трава, и волнистые, и совсем гладкие. Глаза у всех

тоже разные – есть светлые и темные, большие круглые и узкие раскосые. Было у них излюбленное место, где все они почти каждый день встречались – озеро у небольшого горного водопада. Йохху не очень любил купаться в большой соленой воде, особенно когда накатывают высокие волны, гораздо приятнее плескаться в прозрачном озере. Еще больше ему нравилось, подольше задержав дыхание, поднырнуть под сверкающие, звонкие струи и оказаться за пеленой воды, падающей со скалы.

А потом сидеть на теплых камнях, изредка молча переговариваясь с кем-нибудь, и сушить бороду, расправив ее на груди. Рядом, тоже распустив под солнцем мокрые волосы, их евы собирались в кружок и весело чему-то смеялись или собирали цветы, чтобы украшать ими голову. А кудрявая Элеля, как всегда, выводила голосом приятные звуки. Эти купания у водопада остались самым радостным воспоминанием Йохху... А ведь Ойя сейчас его повсюду ищет, скучно одной. И кто теперь будет доставать ей орехи с высоких веток? Неужели Всевидящий про него забыл? Хотя в ночной вышине среди ярких искр что-то светится, как лимонная долька, лежащая на спинке. Может, это полуприкрытый глаз Всевидящего за ним наблюдает? Но тогда помог бы немножко, хотя бы утешил. Или уже совсем его покинул? Чем он, Йохху, перед ним провинился? Случалось, конечно, что Всевидящий упрекал его то за одно, то за другое, а однажды спросил:

– Йохху, почему бы тебе не научиться плавать.

– А зачем?

– Просто для удовольствия. Еще и рыбы наловишь – блескунов, как вы называете.

– А что с ними делать? Они такие скользкие, в руках не удержишь.

– Если научишься высекать огонь, их можно поджарить, будет очень вкусно.

– Да ну... Зачем из-за еды мучиться? Мне и так все вкусно.

Иногда они с Ойей что-то считали, растопыривая и загибая пальцы, тогда Всевидящий выговаривал им:

– Вы бы хоть придумали, как числа называть.

– А зачем? – нехотя отзывались они. Ведь и так все понятно. Если надо показать, что чего-нибудь очень много, надо просто широко развести руками.

А как-то раз Йохху бродил по лугу и жевал семена высокой травы. Всевидящий посмотрел на него и сказал:

– Ты мог бы вскопать землю и вырастить много таких зерен из колосков.

– А зачем? Нам и так всего хватает, кругом разные плоды растут.

Как же разгневался на него Всевидящий! Скрыл оба глаза во мраке, дунул холодным ветром, посек колючим дождем, и на другой день тоже не показывался. А что Йохху такого сказал? Ведь у них и правда всего вдоволь: кроме всевозмож-

ных плодов есть орехи – мелкие и большие, даже с вкусным соком внутри, а еще птичьи яйца.

Конечно, если все припомнить, Всевидящему есть за что его упрекнуть, но чтобы так наказывать... Ох, лишь бы вернуться назад! Я все-все буду делать – научусь плавать, за чем-то ловить блескунов, копать землю и выращивать эти зерна, только спаси меня от этих людей, Всевидящий! Забери отсюда!

* * *

Уже несколько раз перекувырнулась в ночном небе лимонная долька луны – теперь Йохху знал, как ее называют. Он вообще многое узнал и почти притерпелся к жизни на чужом берегу. Но как же ему было тяжело... Поговорить ни с кем невозможно, хотя он запомнил самые нужные слова на их языке и привыкал говорить голосом. Редкий день проходил без насмешек над ним, попреков и тычков, но ведь чего только не приходилось ему делать! Йохху трудился для всех поочередно – вытаскивал на берег лодки, сети с уловом и тащил рыбу в деревню, собирал сухие ветки в лесу, рубил дрова, носил воду и большие корзины с кокосами, вскапывал землю и помогал чинить хижины. Бывало, что старые евы страшно ругались, споря – у кого он сегодня будет работать.

Когда ему в первый раз дали нож, чтобы заострить колья, он тут же сильно порезал руку и очень испугался, как много

яркого сока из нее вытекло. Сказали, что это «кровь». Раньше он лишь однажды укололся о длинную колючку и сильно ударился ногой о камень, тогда и увидел несколько капель. Еще его научили его плавать, хотя и с трудом, почти не бояться огня, открывать орехи ножом и есть мясо. Йохху пробовал даже нырять, но пока безуспешно. Он пережил тягостное время нескончаемых дождей, когда ручей, из которого они носили воду, разлился сплошным потоком, подступив к самым хижинам, и все кругом пропиталось и набухло сыростью. Стало понятно, зачем жилища приподняты над землей. Йохху не раз порывался уйти неведомо куда... Но сначала опасался, что Всевидящий еще больше разгневется, а потом не решался остаться один и вроде начал привыкать. Кто знает, что может подстергать в другом месте? А где искать свой берег, он не знал.

Было и хорошее. Йохху очень понравился всем малышам, кто уже сам бегал по деревне. Интересно, откуда берутся такие крошки? Увидев его, они радостно вопили и гроздьями повисали на нем, прося повертеть, и взяв по двое за руки, он быстро крутил их визжащих вокруг себя. Часто приносил им из леса что-нибудь вкусное или интересное, но никогда не ловил для них ни жуков, ни красивых бабочек. Ему отдали старую полуразвалившуюся хижину. Йохху, как сумел, укрепил ее, подправил и был очень доволен, что теперь может спать один, а не в чужой тесноте.

Он стал жилистым и выносливым, руки окрепли, а подош-

вы и ладони закрубели. Сейчас Йохху с усмешкой вспоминал, каким мягкотелым был раньше. А еще у него появился свой Гав-Гав. В деревне жили три таких зверя, два сытых и злобных – хриплый Хаф-Хаф и пронзительный Гау-Гау. А третий был тощий, жалкий, и его голоса не было слышно. Этот и прибился как-то невзначай к Йохху. Куда он ни пойдет, Гав-Гав следом тащится, чуть Йохху обернется – тот радостно хвостом завилает. Ну, что ж, сказал Йохху – вдвоем веселее, оставайся со мной, и сделал ему настил из веток под хижиной. Так и жили вместе. Йохху иногда утаивал для своего Гав-Гав кусочки мяса, он подкормился, похорошел и даже начал робко подавать голос, вроде дом сторожил.

Но однажды случилось немыслимое. Настолько ужасное, что Йохху невольно возроптал на Всевидящего – как он мог такое допустить? Однажды утром Йохху увидел, что несколько довольных адамов вытаскивают из лодки на берег какую-то тяжесть. Когда подошел ближе, увидел большой «живой орех», беспомощно перебирающий своими чешуйчатými лапами. Йохху всеми силами – руками, глазами и вскриками упрасивал отпустить пойманный «орех» обратно в воду. Посмотрели – и хватит, ему же очень плохо! Но адамы лишь отталкивали его, посмеиваясь, и не давали подойти. А потом...

Йохху стонал, вспоминая, что было потом. «Живой орех» начали разбивать, вгоняя внутрь – в живое! – острый камень. Не помня себя, Йохху кинулся и отчаянно вцепился в руку

мучителя, чтобы вырвать камень. Но один из стоящих рядом ударил его кулаком в лицо, а двое других сшибли с ног. Держась за разбитый бок и утирая рукой кровь из носа, он похромал прочь, не оглядываясь. Но вслед послышался хрясткий звук, который не забыть... Продравшись сквозь заросли, Йохху забрался в самую густоту леса, забился головой под куст и долго лежал там, глотая неведомую соленую воду, что текла и текла из глаз... Его отыскивали, хотели повести назад, он упирался, никого из здешних видеть не мог. Но бок сильно болел, очень хотелось пить, и все равно он уйдет от них, только чуть придет в себя.

Когда вернулись назад, все уже сидели, и причмокивая, хлебали из глиняных мисок. Йохху тоже налили мясной похлебки, он вяло начал есть, не глядя ни на кого, но оказалось очень вкусно, он выскреб миску до дна. И тут снова раздался смех – ему весело объяснили, что он ел тот самый «живой орех». Йохху не успел отползти в сторону. Живот чуть не вывернулся наружу через горло, в глазах потемнело... Кто-то завизжал, кто-то страшно заругался, он уже ничего не слышал.

Когда очнулся, почти стемнело, рядом никого не было. Йохху, пошатываясь, поднялся, снова побрел в лес и забился в глушь. Он даже не вспомнил про ночные опасности – ни ползучиц, ни пятнистую тень, уткнулся в землю и безутешно плакал, пока не забылся сном. И никто его не тронул, ни в эту ночь, ни в следующую. Он два дня еще скрывался от

всех, привычно питаюсь фруктами и орехами. Если б можно было никогда не возвращаться к тем людям! Однажды он видел, как унесли в лес старого, сгорбленного адама, и больше его не было видно. Сказали, что старик «умер» и никогда не вернется. Может, и с ним сделали то же, что с «живым орехом»? А когда-нибудь и самого Йохху они опустят в яму и забросают прелыми листьями и землей. Он мучительно думал и все не мог поверить... Неужели такое возможно, что и его, так не похожего на этих людей, никогда больше не будет?

Трудно сказать, сколько еще раз перекувырнулась лунная долька в ночном небе, Йохху давно перестал считать. И не все ли равно? Теперь он ничуть не сомневался, что никакой это не глаз Всевидящего, а просто луна, которая светит сама по себе и к нему безразлична. Когда она бывала круглой, то наступали странные, томительные вечера, и лишившись покоя, Йохху часто лежал без сна в своем одиноком гнезде. Подолгу смотрел в неведомую высь, на россыпь мерцающих небесных светлячков, пока они постепенно не превращались в знакомое переливчатое сияние... Тогда сон уносил его к милому незабвенному берегу – и сон был, как явь. В одну из таких ночей Йохху послышались необычные звуки, будто какая-то ева вполголоса разговаривала с его Гав-Гав, а тот лишь слегка ворчал. Потом внизу что-то заскреблось, отодвинулся край завесы...

Луна светила ярко, и Йохху тут же узнал молоденькую еву, всегда украдкой улыбающуюся ему, когда они оказывались

рядом. Она быстро скользнула внутрь хижины, завеса скрыла лунный свет, и в полумраке ева вдруг приникла к Йохху всем телом и ласково зашептала в ухо. Он ничего не понимал и растерялся. Может, у них так принято и что-то означает? Ладно, не стану ее обижать и отталкивать. Когда меня учили плавать, тоже ведь хватали за разные места. А ева прижималась все жарче и настойчивее... Йохху недоумевал, чего она добивается, и как ему быть – позволительно ли все это? В какой-то миг замер, тревожно прислушиваясь, ему почудился укоряющий голос Всевидящего. Но девушка так горячо просила о чем-то, прижимаясь ртом к его лицу и груди, а ее ищущие руки оплетали его, словно лианы, что Йохху уже не думал противиться непонятному натиску. И вдруг... что-то непостижимое произошло, он не узнавал своего тела – в нем вскипела неукротимая жадная, горячая сила! Начисто забыв о Всевидящем, он притиснул к себе еву и – йохху! – как под бурлящую завесу водопада, нырнул в неведомое, жгучее, желанное...

* * *

На другой день его поджидали трое. Это были те самые адамы, которые замучили «живой орех», а теперь снова решили избить его, уводя подальше от деревни. Йохху догадался по грубой брани и жестам, что причина их злости в ночном приходе евы, кто-то увидел ее возле хижины. Но ведь он

ничем не обидел ее, они могут сами спросить. Так и объяснил этим троим, что ничего плохого ей не сделал, наоборот, только то, что ей самой нравилось. Она была очень довольна и обещала приходить к нему еще. После таких подробностей самый злющий адам впал в дикое неистовство и набросился на Йохху с кулаками, а двое других встали наготове. Правда они не поняли, что перед ними уже не вчерашний, всегда уступчивый недотепа. Ждали, что Йохху испугается и сникнет, но он со всей силы и высоты роста треснул напавшего по голове.

Теперь против него остались двое. Ему еще ни разу не случалось драться, он ведь никогда не был мальчишкой, Йохху помнил себя только взрослым. Раньше на своем берегу он просто не ведал страха. Здесь довольно скоро узнал, но привык со страхом бороться. И сейчас, придушив его в горле звериным рыком, Йохху остервенело бился, не жалея ни крови, ни распухшего глаза, ни костяшек пальцев. За себя, за еву, за «живой орех»!

Ему никто не поможет – бесполезно хныкать. О Всевидящем даже мысли не промелькнуло, Йохху обречен навсегда остаться здесь, и должен выстоять сам. Но именно сейчас, когда он был один против троих – ударенный очухался и снова полез в драку – Йохху захлестнула дикая, яростная сила, разом освободившая от прежней безропотности. Да, перевес на их стороне, его неминуемо одолеют и бросят истерзанного здесь на песке, но легко он им не дастся. И Йохху был уже не

один. Обычно пугливый Гав-Гав, откуда-то появившись, кинулся ему на выручку и сзади кусал нападавших за ноги, истошно лая. Шум услышали проходившие поблизости люди и растащили окровавленных противников. Йохху смог сам дохромать до деревни, а того треснутого им, даже пришлось нести, это зрелище мрачно радовало и придавало ему силы идти.

* * *

На свадьбу Йохху с женой подарили циновку, топорик и глиняные миски с узором. А главное – отвели землю под огород. Йохху никто больше не смел тронуть, он ни от кого не зависел, только изредка его почтительно просили в чем-нибудь помочь. Он внимательно разглядел на берегу, как были сделаны лодки, и сумел построить себе почти такую же. Вышла неказистая, но на воде держала, а рыбы здесь было очень много – только лови. Жизнь потекла спокойная, и даже сны про далекий берег перестали печалить. А какие настали ночи! Ради этих ночей не жаль днем крепко потрудиться. Лишь иногда он думал: значит, и с Ойей ему могло быть так же хорошо? Как обидно, что они не знали... Зато жена рассказала ему, откуда здесь берутся дети – оказывается, они появляются, если у евы вырастет большой живот. И улыбаясь, шепнула, что скоро и у них будет кроха. Йохху очень обрадовался, ему давно хотелось своего малыша, они такие

милые и занятные!

* * *

Однажды деревня зашумела, засуетилась... Из хижины в хижину неслись оклики, и все заторопились к морю, неся в руках связки ракушек и кораллы. Йохху стало очень любопытно, ведь жизнь была однообразна, и тоже пошел за всеми. Солнце так слепило глаза, что сначала он не заметил причину волнения, глядя на столпившихся и чего-то ждущих на берегу, а когда посмотрел на море, то изумился, как в самый первый день. Возле деревянных мостков, далеко уходящих в воду, тихо покачивалось на волнах нечто невообразимое! Огромная белая лодка... Нет, это нельзя было назвать лодкой – такое чудесное видение, что дух захватило!

А по мосткам шла к ним нездешняя, совершенно удивительная ева, и с ней тоже нездешний молодой адам. Были еще двое других, но эти обычного вида, как из их деревни. Йохху по давней привычке назвал ее про себя евой, хотя конечно, она «женщина», чудесная белая женщина. Волосы у нее были светлые-светлые, как банан внутри, а глаза – цвета морской воды. Ноги до верха совсем голые, а ступни чем-то тонко оплетены, надо же! Когда она подошла ближе, Йохху уловил сладкий и дурманящий запах, как от ночных цветов.

Все окружили ее и загалдели, протягивая кораллы, небольшие ракушки в связках и крупные раковины, пере-

ливчатые внутри. Белая женщина рассматривала их, вертела в руках с яркими длинными ногтями, отстраняя одни, требуя дать другие и наконец выбрала несколько штук. Потом дала тянущимся к ней непонятные бумажки. Кому повезло, те их жадно хватали, толкаясь локтями. Интересно, что это может быть, настолько им нужное? Двое провожатых оттеснили толпу, и загадочная пара повернула обратно к мосткам. И тут белая женщина обратила внимание на Йохху, который словно прирос к земле, не сводя с нее горящих глаз. Она приплыла сюда по большой воде, значит, может знать про Ойю!

Но как же спросить у нее, не встречался ли им тот берег, где живет его ева, у которой почти такие же светлые волосы? Он то умолял ее взглядом – она ведь должна понять без слов, раз так похожа на него! То с трудом пытался объяснить тем, другим, на здешнем языке, но никто не мог понять, чего он хочет? И не потому, что он плохо изъяснялся – живя рядом с женой, Йохху говорил уже почти свободно. Но какой ему нужен неведомый берег и что там за светлая ева? Все только пожимали плечами, а Йохху чуть не плакал от отчаяния, страстными жестами силясь объяснить... Белая женщина вдруг взяла его за руку и повела за собой к диковинной лодке. Значит, она все-таки поняла его и отвезет к Ойе! Молодой адам что-то сердито говорил ей, но женщина только фыркнула и отмахнулась.

И вот Йохху оказался внутри. Йох-ху!.. Ну и чудеса! Все было настолько невообразимым, что голова пошла кругом...

Как же назвать это великолепиие после их плетеных щелястых хижин? Стены вроде бы из дерева, но разве бывает такое гладкое дерево, что аж сияет? А еще повсюду искрятся непонятные штуковины – длинные, круглые, изогнутые, и настолько твердые на ощупь, как лезвие ножа! В деревне ножей было немного, их очень берегли, а здесь просто глаза разбегаются, сколько всего блестящего – куда ни глянь! И легкие завесы, и непонятные возвышения вдоль стен, и что-то почти черное, но отсвечивающее яркими бликами. И пахнет тут очень приятно.

Пока Йохху озирался, от удивления раскрыв рот, белая женщина с улыбкой разглядывала его со всех сторон, даже рукой по спине легонько провела. Очень волнующе... Тогда и он повнимательней на нее посмотрел, но тут же разочаровался. Вблизи она была довольно увядшая, ее совсем не хотелось прижать к себе и погладить. А голос у нее оказался хрипловатый, правда очень ласковый, но Йохху еще не вполне ей доверял. Белая женщина поманила его за собой, и они вошли в... как это у них называется?

Что? Нет-нет, я не хочу раздеваться, не трогай! Не надо, уйди! Уф-ф, наконец-то... Ой, кто это совсем голый? И еще один, и с другой стороны, и там... Кто это? Поднял руку – и они все подняли, топнул ногой – и те тоже. Не я ли это сам? Как бывало видно в их озере, когда смотришь на спокойную воду. Ага, все понятно. Ой, и вода вдруг сверху полилась! Отбежишь – перестанет, подойдешь – опять льется... Вроде

тихий смешок? Подглядывает она за ним что ли? Да и ладно. Зато как хорошо стоять под теплой водой! Не водопад, конечно, но приятно... А это что за звуки, вроде прямо из стен? Йох-ху!.. То ли запеть хочется во все горло и запрыгать, то ли мчаться скорей к жене! Да, пора возвращаться, все равно толку от них не добиться.

Йохху поискал взглядом, чем бы обернуться, увидел широкую пушистую ткань. Вполне подойдет, тем более что здесь совсем не жарко, как ни странно. Озираясь, он пошел назад – вроде оттуда они пришли? – и услышал почти рядом сердитые голоса. Женщина и ее адам ссорились, она даже прикрикнула на него. Адам со злым лицом выскочил из-за угла прямо на Йохху, хотел что-то сказать, сердито ткнул пальцем ему в грудь, но махнул рукой и ушел.

А белая женщина встретила его, как ни в чем ни бывало, лишь немного раскраснелась. Она сладко заулыбалась и усадила Йохху на небольшое возвышение, такое мягкое на ощупь, как густой мох. А на другом возвышении перед ними была разложена всякая непривычная еда, и не в мисках, конечно, а в тонких красивых... кто их знает, как это называется. Йохху почувствовал, что проголодался и решил еще ненадолго остаться. Они поели вдвоем, молодой адам так и не появился. Все было необычно и очень вкусно, но маловато. Пили терпкий сок из каких-то хрупких и насквозь просвечивающих – даже слов нет! Откуда-то сверху полились приятные звуки, но теперь уже тихие, обволакивающие...

Йохху совсем разомлел, да еще женщина подседа близко-близко, скользнула пальцами по колену, положила голову ему на плечо, и снова волнующе пахнуло ночными цветами. Потом в руке у нее оказались две маленькие тростинки, а в другой что-то щелкнуло, вспыхнул крошечный огонек и концы тростинок затлели. Женщина взяла в рот одну их них и с удовольствием вдохнула дымок, а другую протянула Йохху. Он покрутил ее в пальцах – тростинка ли? Легко мнется в пальцах. Понюхал – приятно, и тоже потянул в себя дымок, потом еще... Откинул назад голову, глаза сами собой закрылись, и перед ним поплыло, закружилось давнее переливчатое сияние...

* * *

Йохху проснулся на теплом песке. Не открывая глаз, слушал мягко накатывающие волны, пытаюсь вспомнить и вернуть что-то притягательное, неуловимое...

– С возвращением, Йохху! – почти забытый голос Всевидящего резко вдавил его в землю, словно грубой ногой наступили на горло. "Зачем?" невольно мелькнуло в голове, и Йохху обреченно вздохнул, весь мучительно сжавшись заранее. Он не успел придушить мысль.

– Опять ты за свое? Глаза б не глядели! Может, скажешь, что не нужно было тебя с Земли возвращать?

– Да я же ничего...

Вроде стихло? Разгневался Всевидящий и отвернулся. Ладно, что пока обошлось без урагана. Йохху сел, обхватив колени, и долго-долго смотрел на бескрайнее море... Почти такое же, как там, только чуть ярче. Обернулся на торопливые шаги – увязая в песке, к нему бежала Ойя, нетерпеливо протягивая руки и сияя удивлением и восторженной радостью. Йохху ласково обнял ее за плечи и погладил по родным светлым волосам. И она счастливо разглядывала его, тербила вопросами, и смеясь – ойя! – трогала коротко подстриженную бороду. Тащила к водопаду – пойдём скорей, как все наши обрадуются! Йохху блаженно улыбался, и что-то сбивчиво отвечая, не сводил восхищенных глаз со своей евы – какая она, оказывается, красивая! Раньше ведь не знал, зато теперь... Он искоса, с привычной опаской взглянул на небо и тут же сам себе усмехнулся.

– Чему ты смеешься?

– Идем со мной!

Йохху за руку быстро повел Ойю к густым прибрежным зарослям. Найдя укромную тенистую полянку подальше от излюбленных всеми мест, он наломал молодых стеблей бамбука, а ей велел нарвать тонких лиан и мягкой травы. Ловко соорудил прямо на земле маленькую хижину, и Ойя тоже помогала, как умела, а когда все было готово, даже захлопала в ладоши, так ей понравился их зеленый домик.

– Но зачем это, Йохху?

– Сейчас узнаешь...

Посмотрев наверх, остался очень доволен – небо едва виделось в переплетении густых деревьев. Хитро улыбнулся, и пригнувшись, за руку потянул Ойю внутрь хижины.

Баллада луны. Новелла

Глава 1. Герцогиня

Эту загадочную историю до сих пор еще помнят в здешних краях. И передают из поколения в поколение не без доли тщеславия, как в иных местах гордость жителей составляют привидение древнего замка, легендарный лесной разбойник или пещера зловещей колдуньи. И каждый норовит рассказать ее на свой лад, расцвечивая всяческими домыслами и приплетая невероятные подробности, ведь никто так и не узнал никогда – что же произошло на самом деле? И лишь луна – вечная наперсница людских тайн – явив однажды в ясную ночь полнолуния свой сияющий лик и находясь в благорасположении к почтительно внимающим слушателям, могла бы поведать всю правду о той таинственной истории.

Жил в стародавние времена, в неприступном замке на высоком холме, грозный и могущественный герцог Конрад Неустрашимый. Велики были его богатые владения, и много подвластных ему рыцарей-вассалов, а разного податного люда – и вовсе без числа... Пять лет прошло с того дня, как покинул земной мир его отец – столь же славный, непобедимый воин, завещав все земли и власть единственному наследнику. В первые годы не раз пришлось Конраду на поле

битвы доказывать кое-кому из своих вассалов и дерзких воинственных соседей, что и храбростью в сражении, и крутым нравом, он – достойный сын старого герцога и потомок викингов! Но вскоре все непокорные смирились под его властной рукой, и тогда же получил он в народе гордое прозвание Неустрашимого.

И вот уже Конраду и его приближенным не осталось иных развлечений, кроме псовой охоты и рыцарских турниров, где могли они помериться недюжинной силой да покрасоваться на лучших конях в нарядных доспехах с фамильными гербами. А самый главный турнир в году герцог устраивал в память о своем отце, в день его летних именин. Отовсюду съезжались тогда рыцари-участники и званые гости с семьями, даже простым горожанам был свободный доступ на зрительские скамьи.

В том году, с которого начинается повесть, в финал турнира, как обычно, вышел сам герцог и недавно посвященный юный рыцарь, лишь второй раз принимающий участие в турнирах, но уже вызвавший всеобщее одобрение публики отчаянной смелостью и ловкостью, с какой он владел оружием. Даже герцог, опытный воин, с некоторым для себя удивлением, не без труда одержал над ним победу. Гордо проезжая затем вдоль рукоплещущих трибун, Конрад вдруг заметил редкой красоты девушку, сидевшую в ложе рядом с седовласым рыцарем, владельцем замка на самой границе его земель, неизменно сохранявшим верность еще его отцу.

Чудесная красавица ласково улыбалась и приветливо помахала нежной рукою, но вовсе не герцогу, а мимо – его побежденному сопернику. "Невеста его или сестра? Головной убор у нее девичий. Сестра, должно быть." – повернув коня, Конрад вновь оказался напротив прелестной девушки и на конце копья протянул ей свой шарф, цветов герцогского герба, в знак избрания ее Прекрасной Дамой сегодняшнего турнира. В то же мгновение рядом с ней возникли два паж, держа подушку алого бархата, на которой лежал драгоценный венец – приз победителю. Отец что-то подбадривающе сказал дочери, и от смущения едва смея поднять прелестные, как фиалки, глаза – она увенчала надменную голову герцога.

После турнира по обыкновению была устроена богатая трапеза для всех участников и знатных гостей. По правую руку от себя, во главе стола Конрад усадил избранную им Прекрасную Даму, а слева – ее отца и брата. И чем приветливее герцог обращался к ним, особенно к отцу, и чем пристальней, разгоряченный недавним поединком и вином, он смотрел на очаровательную девушку, тем сильнее тревога и почти осязаемое предчувствие беды терзали ее неискушенное сердце. Она с трудом проглотила лишь два маленьких кусочка жареного фазана, хотя ничего не ела с раннего утра. И бургундское вино, в колеблющемся свете факелов, казалось ей похожим на темную кровь. А грубые ножи, которыми гости отрезали мясо, будто вынутыми из-за пояса безжалостного душегуба. И первый раз в жизни она с искренней

горечью пожалела о том, что была красива – так пугающе были огненные всполохи, плясавшие в серых глазах грозного хозяина.

А ночью Агнес – так звали девушку, тщательно заперев на засов отведенную ей мрачную комнату и даже не распустив шнуровку, лишь отстегнув тяжелый, с чеканными пластинами, пояс и сняв нарядную парчевую юбку, все никак не могла уснуть, тревожно вздрагивая натянутой тетивой. Особенно ее пугал старый шкаф черного дерева – чудилось, что за ним непременно должна быть потайная дверь в соседнюю комнату, которая вот-вот скрипнет, отворяясь... Но у нее не хватало решимости подойти и посмотреть, чтобы успокоить себя. Так и лежала она в оцепенении, укрывшись с головой жестким шерстяным покрывалом и поджав заледеневшие ноги на краю широкой кровати. А когда догорела последняя свеча, Агнес показалось, что ей не дожить до утра в здравом рассудке...

Лишь на заре, когда слабо забрезживший свет из окна чуть оттеснил по углам страшные ночные видения, она чуть задремала ненадолго. Внезапно ее разбудил стук в дверь. Вскочив и еще не опомнившись спросонья, Агнес похолодела от ужаса. Робко подойдя к двери, едва слышно отозвалась стучавшему, это оказалась служанка, которая передала, что отец немедленно требует ее к себе. Когда она вошла к нему в комнату, нетерпеливо ожидавший отец с порога радостно объявил, что герцог только что оказал им великую честь, по-

желав взять Агнес себе в жены. У девушки потемнело в глазах, все омертвело внутри, и даже голос изменил ей. А отец, ничего не замечая, ходил по комнате, возбужденно потирая руки.

"Ты только подумай – какая неслыханная удача! Скоро ты станешь герцогиней! Уж теперь соседу-барону придется со мной считаться! Больше не отважится наглеч охотиться в лесу герцогского тестя. Ха-ха!.."

"Пощадите, отец!" – дрожащим голосом воскликнула Агнес, упав перед ним на колени, ловя его руку и пытаясь поцеловать – "Умоляю, сжальтесь надо мной! Не выдавайте за герцога, он мне страшен!"

"Не болтай глупостей! Дело уже решенное – я дал герцогу согласие. Да и кто бы посмел ему отказать? А про свои страхи можешь всласть наговориться с матерью, когда домой вернемся. Это же ваше любимое женское занятие – нитки да страхи перебирать!"

И только тут, при словах о матери, Агнес отчаянно и беспомощно разрыдалась, задохнувшись от горячих слез и не в силах подняться с пола. Она слишком хорошо знала своего отца, чтобы еще на что-то надеяться.

* * *

Уже второй год прекрасная Агнесса была женой герцога Конрада Неустрашимого. Дойдя в рассказе до этого места,

луна, верно, потупилась печально или даже умолкла на время, нахмурясь за набежавшим облачком, так грустно ей было вспоминать о виденном по ночам. А при свете солнца любая знатная девушка могла от души позавидовать юной герцогине – такие, невиданные доселе, богатые наряды и драгоценности дарил ей муж, и с таким искренним почтением относились к ней все придворные рыцари. А горожане, коим посчастливилось видеть герцогиню в соборе на воскресной мессе, в один голос говорили о ней с одобрением и восхищением "Чисто ангел небесный!" – столь кротким и ласковым был взор ее чудесных фиалковых глаз.

Но герцог, очень гордившийся своей красавицей-женой, в последнее время был всерьез обеспокоен. Его тревожила неспособность Агнес родить ему наследника, да и вообще родить. Он приказал доставить в замок из города самую лучшую повитуху, велел ей хорошенько осмотреть супругу и сказать определенно – по ее разумению, ожидать ли ему ребенка? Повитуха со всею возможной тщательностью оглядев и расспросив Агнес, нашла ее совершенно здоровой и доложила, что не видит причин, из-за которых ее светлость не могла бы родить наследника.

"Так в чем же дело?" – грозно спросил герцог. "Это случается иногда, Ваша светлость... Никто не возьмется объяснить – почему, но порой супруги по десять лет детишек дожидаются. "Десять лет?! Да ты шутить что ли со мной вздумала?" – рявкнул возмущенный герцог. "Не гневайтесь,

Ваша светлость! Дозвольте словцо молвить... Бывает, что очень помогает в подобном деле отправиться на богомолье в святые места. А в наших краях истинными чудесами прославлен монастырь Святой Анны. К кому же и обратиться женщине с заветнейшей просьбой, как не к матери Пречистой нашей Девы, коей лишь на склоне дней, по слезному ее молению, разрешил Господь неплодное чрево и даровал благословенное дитя." "Ну, что ж, тетка, послушаю тебя, пожалуй... Больно складно ты говоришь! Хорошо, пусть герцогиня съездит на богомолье, вреда, думаю, не будет."

В скором времени герцог самолично решил проводить жену в замок ее отца, откуда уже совсем недалеко было до знаменитого монастыря. Он намеревался пару дней погостить у тестя и возвратиться домой, а потом Агнес с матерью пусть отправляются в монастырь поклоны класть. Ему все эти молебства да стояния на службе часами – хуже постного обеда. К тому же, выражение обреченной покорности на лице жены стало надоедать герцогу, и захотелось ему пожить по-прежнему весело, по-холостяцки! Агнес же несказанно обрадовалась, что после долгой разлуки она наконец-то увидится с матушкой и любимым братом, и поспешила собраться в дорогу.

В замке родителей Агнес герцогская чета застала новых людей. Это был итальянский зодчий, приглашенный отцом для перестройки надвратной башни, и его сын и помощник – молодой человек весьма приятной наружности. Хотя, судя

по всему, обыкновенно за трапезой они сидели, как гости, за общим столом, но в присутствии герцога им отвели скромное место в конце стола, и в разговоре они не участвовали, а может быть, еще плохо понимали здешний язык. Около каждого из обедавших лежала диковинка – маленький трезубец для мяса, и хозяин пояснил важному гостю, что это италийское новшество. И герцог, вначале насмешливо примерившись, скоро выразил желание завести у себя такие же, только из серебра и богато украшенные.

Через три дня Конрад отправился домой. Как ни уговаривал его тесть погостить еще, как ни старался угождать в любой мелочи, но ничего интересного, кроме небогатой охоты в своем лесу, не мог ему предложить и безмерно этим огорчился. Но когда герцог со свитой уехал, все сразу почувствовали себя вольнее и развеселились, будто оставленные без строгого присмотра дети. И неожиданно оказалось, что и зодчий, а особенно его сын Алессандро, уже неплохо говорят по-здешнему. Больше года они вели перестройку старинной башни, которую затеял отец Агнес, радуясь своему новому возвышению. Ведь прежде его заботила только надежность крепостных стен, зато теперь он вполне мог позволить себе щегольнуть перед ненавистным соседом-бароном. И не только за исполнение прямых обязанностей ценили зодчих хозяева замка – отец и сын были непревзойденными рассказчиками, особенно, когда речь заходила об их удивительной родине Италии. Множество увлекательных сказаний из ее древ-

ней истории поведали они своим восхищенным слушателям.

А с появлением в замке прекрасной молодой герцогини, Алессандро просто превзошел себя в красноречии! К тому же он замечательно рисовал и с непритворным удовольствием придумывал для дам всевозможные узоры для вышивок, и таких они с матерью никогда прежде не видели. А сколько он знал чудесных романтических баллад! И обладая приятным голосом, теплыми вечерами на террасе услаждал их слух, сопровождая свое пение мелодичной игрой на лютне и вкратце пересказывая содержание. Словом, не было, кажется, такой способности, в коей не преуспел бы Алессандро, разве что во владении тяжелым двуручным мечом – навыке, присущем лишь благородному рыцарскому сословию, и к охоте он был совсем равнодушен. А еще радовало Агнес, что брат стал с ним почти неразлучен, взялся учить итальянский язык, интересовался зодчеством, много времени проводя на башне, и даже неумело пытался рисовать, чем неизменно вызывал усмешки отца. И как знать, не родись Артур рыцарем, вынужденным подчиняться строгим законам чести и сыновнему долгу, возможно, он отправился бы потом вместе с новым другом в далекую, прекрасную Италию.

Через неделю Агнес с матерью в сопровождении небольшой свиты отправилась на богомолье в монастырь Св. Анны. Много было переговорено между ними в дороге, и не без слёз... Да еще неожиданное волнение от встречи с Алессандро мешало Агнес погрузиться в состояние молитвенной

сосредоточенности. Но когда они подъехали к монастырю, вид его суровых башен и древнего собора тотчас устыдил ее мирские суетные мысли, и трепетное смирение тихо наполнило душу. Какими ничтожными показались ей здесь, под устремленными ввысь сводами собора, свои приземленные чувства и недостойные грешные мысли!.. От самого сердца исторглись в раскаянии светлые слезы, и с прежней детской верою преклонив колени перед резным старинным Распятием, кротко умоляла она милосердного Господа простить ее и ниспослать в утешение долгожданное дитя.

И по возвращении из монастыря Агнес старалась подольше сохранить это благодатное умиротворение, отогнать невольные свои мечтания, в которых ощущался несомненный и непростительный грех. Теперь она все чаще оставалась у себя или уходила в покои к матери, и они вместе вышивали по чудесным узорам Алессандро. А он, встревоженный стремлением к уединению и необъяснимым молчанием Агнес, в те редкие минуты, когда они встречались за столом, украдкой ловил ее взгляд, но тщетно...

Однажды в послеполуденный час Агнес сидела в саду на скамье под кустом отцветающего жасмина, и провожая изредка взглядом облетающие лепестки, с тихой грустью смотрела на строящуюся башню – ведь он был где-то там... Близкие шаги по гравию вывели ее из задумчивости – Алессандро неожиданно предстал перед ней и ожег темными, как ночь, глазами. Без слов опустившись на колени, он горячими

бесчисленными поцелуями стал покрывать ее руки, уроненные в складки платья. Агнес вся затрепетала, едва дыша от восторга и ужаса, в висках бились волны... А он, умоляюще взглянув на нее, вдруг страстно заговорил на своем языке, и она, не зная почти ни слова, всем существом, всей истосковавшейся душою поняла его отчаянное признание в любви и поверила мгновенно, без рассуждений! Алессандро прижался пылающим лбом к ее дрожащим коленям, и не выпуская нежных рук, уже существовавших отдельно от Агнес и всецело теперь принадлежащих ему, вздохнул с такой несказанной мукой, что сердце ее сжалось до боли. "О, не просите у меня ответа, Сандро! Если в глубине души я могла бы дать волю чувствам, то в словах я не вольна." Но взгляд ее дивных глаз все сказал за Агнес, такая бесконечная любовь и нежность сияла в них, заслоняя тревогу.

Что отвечал своей кроткой возлюбленной Алессандро, долго ли не разнимали они сплетенных рук, и не коснулась ли губами Агнес его чуть вьющихся волос – об этом и луна никогда не рассказывала. Возможно, из сочувствия к двум, не ко времени нашедшим друг друга, сердцам. А может быть, в жизни существуют тайны, непроницаемые даже для всевидящей луны? Когда судьбой даруются несколько волшебных мгновений – и душа, как по воде, может пройти над всеми жизненными препятствиями, условностями и невозможностями! И потом долгие годы те драгоценные воспоминания, ласковыми и сильными крыльями, поддерживают человека,

изнуренного тяжелой бессмысленной участью, без радости и надежды.

А на другой день, зловещим вестником выбив дробь по брусчатке двора, примчался гонец от герцога с требованием, чтобы Агнес, не замешкав, возвратилась домой. Словно узник, приговоренный наутро к казни, она стала собираться в дорогу. Жизнь – единственная ее жизнь! – вчера проскользнула мимо, едва коснувшись... А чужая, такая грубая и безжалостная, навеки придавила сердце, как могильной плитой. В спальню вошла мать и положила на постель несколько рисунков Алессандро. Увидев их, Агнес не могла сдержать слез и молча уткнулась в родное плечо, вздрагивая хрупким телом. Обняв дочь, мать ласково гладила и целовала ее светло-каштановые волосы и тихо шептала бесполезные слова утешения, чтобы передать Агнес свою любовь и тепло. А про себя думала горько: "Бедная моя девочка! Если б я могла хоть чем-нибудь помочь тебе! Под несчастливой звездой ты у меня родилась. И даже имя дали тебе пророческое – агнец жертвенный..."

Утром следующего дня проплакавшая всю ночь Агнес простилась с родителями. Артур сопровождал сестру до половины пути, где ее ожидала небольшая свита герцога. Перекрестив напоследок брата, Агнес с глазами, полными слез, поцеловала и нежно прижала его ладонь к своей лихорадочно горевшей щеке. Она знала наверняка – первое, к чему прикоснется Алессандро, будет рука брата, хранящая части-

цу ее вечной любви.

Глава 2. Повитуха

Каким же мрачным, бездушным и холодным показался по возвращении от родителей герцогский замок... Разве величие или богатство мужа, ничего не говорящие ее лишенному тщеславия сердцу, могли заменить прелесть недавних вечеров рядом с милым Сандро? Как нарочитое оскорбление, звучали для нее ежевечерние громкие возгласы и развязный хохот подвыпивших придворных герцога, гулко раздавшиеся под сводами парадного зала. Лишь одно в этом было хорошо – муж, скоро утолив после разлуки свой пыл, все реже докучал Агнес, бражничая внизу до глубокой ночи. И днем никто не нарушал ее покоя – она вышивала в тихом уединении, без утайки проливая слезы и покрывая нежными поцелуями рисунки Сандро. И подолгу молилась потом перед Распятием...

И однажды она поняла, что кажется, недостойная прощена... Что грешные мольбы ее услышаны – Господь посылает ей долгожданное дитя! Еще не вполне доверяя своим ощущениям, ведь ей не с кем было поделиться и посоветоваться, она робко сказала о чудесной новости мужу. И на радостях герцог кутил со всем двором целую неделю. Правда, Агнес было уже не до веселья – так замучили ее обморочная слабость и непроходящая дурнота. Герцог срочно велел призвать давешнюю повитуху. Она тут же приготовила мудре-

ный отвар из принесенных с собою трав, и Агнес стало гораздо лучше. И до того ей понравилась эта расторопная и умелая повитуха, так чудесно успокаивали душу ее ласковые затайливые разговоры, что Агнес решилась попросить мужа взять эту женщину в замок. Герцог позволил и, памятуя мудрый совет о богомолье, определил повитуху на службу, вроде пажа, назначив ей щедрое содержание.

С ее появлением грустная жизнь Агнес, как по волшебству, переменилась. Она уже не плакала часами над вышивками, не молилась о своих грехах, и не мучилась тревожными опасениями. Повитуха умела несколькими словами развеять все ее недобрые предчувствия, ободряюще уверить, что несомненно все будет хорошо и у герцогини родится прелестный ребеночек – всем людям на радость! Бывая в городе в разных домах, она видела и слышала множество любопытных и поучительных житейских историй и так увлекательно их рассказывала, что слушая ее, Агнес непрестанно удивлялась, и смеялась, и плакала. Вдруг оказалось, что к своим семнадцати годам, она почти не знала жизни. Но зато теперь ей некогда было предаваться тоскливым мыслям и скучать. Хлопотунья-повитуха окружила ее всевозможными заботами, и для Агнес, отвыкшей в замке герцога от нежности и теплого отношения, это было необычайно трогательно. Да и повитуха всей душой привязалась к юной госпоже, и глядя на Агнес, нередко вспоминала свою давно умершую дочурку, ведь ей сейчас было бы столько же лет.

С первого дня она убрала подальше пяльца с вышивками и все иголки. "В таком положении, Ваша светлость, шить никак нельзя! Уж давно известно, что это плохая примета." Она принесла от птицелова замечательного щегла, и он радовал теперь Агнес своими веселыми песенками. А главное, повитуха присмотрела в городе сразу двух очень хороших кормилиц для ребенка – на выбор. Кроме того, они во всех мельчайших подробностях обсуждали приданое для малыша и его будущее имя. "Знаешь, Паулина, если родится девочка, мне бы очень хотелось назвать ее Розалиндой, Розы. А если мальчик, то... Впрочем, мальчику имя, конечно, выберет герцог – это ведь, как титул." По совету мудрой повитухи Агнес покинула супружескую опочивальню и обосновалась на пустующей "женской половине" замка, где когда-то появился на свет и сам герцог. Он даже на это новшество, криво усмехнувшись, согласился: "Ладно, делайте – как знаете." Тут было гораздо уютней и теплее, чем в сумеречных покоях герцога. А Паулина устроилась рядом с постелью Агнес, в глубокой нише, отделенной от спальни тяжелым ковровым гобеленом – чтобы неотлучно быть от нее поблизости.

Так в неизбежных, но приятных хлопотах на новом месте и нескончаемых женских разговорах прошла осень. Потом долгая, вьюжная зима... И вот на исходе весенней ночи, промучившись не больше, чем ожидала повитуха, Агнес благополучно родила дочку. Паулина возблагодарила Господа и вместе со служанкой принялась хлопотать над младенцем.

А вечером у Агнес внезапно начался сильный жар. Повитуха так и ахнула – горячка! Но все же было хорошо! И она почти сразу догадалась, в чем дело – это Агнес украдкой велела служанке поменять ей сорочку, когда за Паулиной прислали пажа от герцога, и ей пришлось ненадолго отлучиться. А уж как она предостерегала герцогиню, что ей ни в коем случае нельзя раскрываться! Ведь у рожениц смерть еще долго за плечами стоит... На ее памяти, да и мать ей рассказывала, были случаи, что женщины поплатились жизнью за перемену белья. Но бедняжка Агнес, верно, подумала, что герцог захочет увидеть ребенка и придет, а она такая неприбранная. Повитуха-то знала, что новорожденные девочки редко интересуют отцов, вот и герцог выслушал ее весьма мрачно и смотреть на дочь не собирался, ведь он так надеялся на сына. А теперь и вовсе жди беды! В сердцах она отхлестала по щекам молоденькую служанку за дурь ее и слушание, но битьем дела не поправишь. Паулина засустила в своем уголке, быстро смешивая лечебные травы. Чайник уже закипал на каминной решетке.

Всю ночь и следующий день, сидя у изголовья постели, она поила госпожу травяным отваром, чтобы сбить горячечный жар, и обтирала раствором уксуса, но ее страдания не становились легче. Хуже того – она впала в беспамятство, и

начался бред... Даже герцог, забеспокоившись о жене, приходил несколько раз, и присев на кровать, подолгу смотрел на метавшуюся Агнес и хмурился. И вдруг случилось нечто ужасное. Герцог сидел возле бредившей Агнес, когда она совершенно отчетливо простонала: "Сандро!"

Повитуха, бывшая рядом, в первый миг застыла в недоумении, а потом ей стало страшно – так дико исказилось лицо герцога. Оцепенев, она невольно попятилась и вжалась в стену, не в силах отвести взгляда. Герцог приник ухом к самым губам жены, и прислушиваясь, замер в ожидании... Агнес тихо бормотала что-то неразборчивое, а потом, мучительно запрокинув голову, опять позвала с тоскою: "Сандро!" Лишь тогда Паулина опомнилась и тенью скрылась за гобеленом. Герцог опустил глаза, и даже под бородой было видно, как яростно ходили его желваки. Он тяжело поднялся и молча вышел.

И еще одна бессонная ночь подходила к концу. Повитуха, почти не отходя, лишь изредка забываясь ненадолго, прислонившись к спинке стула, сидела возле Агнес и уже теряла надежду ей помочь. Она готовила в своей каморке травяной отвар и слышала шаги герцога, но никак не ожидала увидеть того, что вдруг предстало ее глазам, когда с кружкой она выглянула из-за ковра. С перекошенным от ненависти лицом, он зловеще наклонился над колыбелью и уже занес подушку над спящей девочкой, явно намереваясь ее удушить! Паулина, не сдержавшись, громко ахнула. Герцог тут же отпрянул

и пробормотал:

– Вот показалось, что голове ей слишком низко. Хотел подушку подложить, да не знаю, как взяться... Помоги-ка!

– Ах, Ваша светлость, младенцев нельзя класть на подушку – спинка сгорбится.

– Да? Я не знал.

Резко повернувшись и даже не взглянув на мучительно стонавшую Агнес, он вышел из спальни. А испуганной Паулине вдруг спешно понадобилось забежать в маленький чуланчик в дальнем конце коридора. Когда она уже оправляла юбки, то услышала совсем рядом на лестнице, хотя и приглушенные, но вполне различимые мужские голоса – это были герцог и его верный слуга и оруженосец Йохан."... велю сейчас привезти лекаря из города, раз сама ничего не может, а ты поедешь с ней. Чуть мост минуете, кольнешь ее потихому и прикопай где-нибудь в лесу. Проще бы скинуть в ров, но могут сверху заметить – пойдут слухи. И запрягай скорее, а то светать начнет!

Услышав такие слова, Паулина обмерла и чуть не осела в поганое ведро. Это же о ней говорят! Ведь это ее герцог сейчас приказал убить за то, что она видела и знает! Да и за услышанное раньше вряд ли оставили бы в живых – как она не сообразила? Внезапно всю спину и ноги до самых пят обдало холодным потом... Но известно, что всякая повитуха, по роду ее занятий, должна обладать бестрепетным сердцем и быстрым умом. Убедившись, что шаги на лестнице стих-

ли, она на цыпочках мимо комнаты кормилицы, неслышно проскользнула в спальню. Несчастной Агнес теперь едва ли кто поможет, головой-то вовсе с подушки съехала и все бредит... Ох, горе! Паулина торопливо перекрестила ее, запахнулась в теплую накидку с капюшоном, схватила мешочек со снадобьями, а деньги она всегда держала при себе в потайных карманах широкой юбки. Рука дернулась было к любимым агатовым четкам Агнес, но их нельзя будет ни сохранить на память, ни продать в крайней нужде – слишком приметная вещь.

И она уже метнулась к двери, как взгляд, обежавший напоследок спальню, на мгновение задержался на колыбели. Малышка была сыта – кормилица только недавно принесла ее, и сладко спала. Необъяснимое чувство толкнуло в сердце, и подчинясь ему, повитуха вдруг прижала к себе девочку, закрыв накидкой, а в карман поспешно сунула пару тонких пеленок – первое, что попало на глаза, и так же быстро прошмыгнула обратно в чуланчик. Она знала, что там была дверца на черную лестницу, по которой служанки утром уносили ведро и поднимали воду. Держа на одной руке ребенка, повитуха с трудом протиснулась через узкую дверцу – просто чудо, что девочка не заплакала, и впотьмах спустившись по винтовой лестнице – когда жить захочешь, еще и не то сделаешь! – оказалась на хозяйственном дворе.

Уже рассветало, хотя было пасмурно и накрапывал мелкий дождик. На ее удачу, во дворе никого из слуг замка она

не увидела, зато стояли две крытые повозки, и заспанный паренек впрягал в них лошадей. Повитуха в отчаянии бросилась к нему, и хватая за руку, умоляла подвезти до ближайшей деревни. Ей и притворяться нужды не было – так была ее дрожь, зубы стучали от страха, а по щекам неудержимо катились слезы. Парень даже опешил и скорее позвал отца или просто старшего из них. Тот человек оказался очень сострадательным, молча кивнул и посадил Паулину в повозку. Она торопливо забилась в дальний уголок и закрылась большими кусками выделанной кожи, лежавшими там внавалку. Мужчина заглянул внутрь: "Только смотри, мать, за ребенком – товар нам не попорти!"

Через короткое время тронулись в путь. Старший сидел на козлах – они разговорились. Это оказались кожевники, приехавшие сюда торговать из другого города. Накануне, долго выбирая и торгуясь, их допоздна задержал управитель, да еще пошел сильный дождь, и они побоялись, что по размокшей дороге им не добраться к ночи до постоянного двора, и упросили остаться до утра в замке. Управитель позволил с условием, чтобы лишь только рассветет и откроют ворота для крестьян, привозящих продукты на кухню, они быстро уехали и не мешались под ногами – герцог чужих в замке не терпит.

Пока он говорил, повитуха, слушая одним ухом, лихо-радочно придумывала свою историю. Она должна быть настолько жалостливой и правдоподобной, чтобы кожевник, не

затребовав платы – ведь одета она чисто и не бедно – довел ее до какой-нибудь дальней деревни, где она укрылась бы на первое время, а там видно будет. Нельзя и виду подать, что у нее есть деньги, слишком опасно судьбу искушать – вдруг введешь людей во грех, а дорога-то не ближняя... Хотя она неплохо в человеческой природе разбиралась и видела, что этим вполне можно довериться, но все-таки бабьи слезы и причитания были надежней. Что-что, а уж рассказывать – да так, чтобы слушатели себя забывали, повитуха умела! Правда, врать по-настоящему ей прежде редко доводилось, разве что успокоить будущих рожениц, но то дело самое обыкновенное, утешительное – иначе и нельзя. Ну помогай, Господи!

И слушая горестную повесть Паулины, никто бы не усомнился в ее правдивости – ни в едином слове! Там была и умершая на днях родами единственная дочь. И бессердечный зять – служилый человек герцога, так ждавший появления наследника, что от злости выгнал из дому тещу с этой вот новорожденной девочкой. Кормилицу ей теперь надо где-то сыскать. И дочку, ирод, схоронить не дал, и голову им негде преклонить... Окончив свой печальный рассказ, не раз прерывавшийся всхлипами и тяжкими вздохами, Паулина прижала мокрый платок к заплаканным глазам, и ее оставили в покое – пусть вздремнет немного и отдохнет, пока доедут. Правда, одну деревню они уже миновали, но повитуха уклончиво попросилась ехать дальше. Еще когда они толь-

ко отъехали от замка, ей послышался стук копыт по мосту, постепенно затихший в отдалении – значит, ее хватились и поскакали в сторону города. А если обшарив ее скромное вдовье жилище, слуги герцога вспомнят, что заметили чужие повозки и погонятся следом по этой дороге? И повитуха глаз не смыкала от страха, опасливо поглядывая в уходящую даль и зорко осматривая незнакомые места, по которым они проезжали.

К тому же девочка проснулась и запищала тихонько, а скоро и вовсе голодная раскричится – беда! И тщетно стараясь укачать малышку, шепча ей ласковые слова, повитуха все думала про несчастную Агнес – как она, жива ли еще? – и горестные мысли разрывали ей сердце. "Мать я не уберегла – вечный мой неизбывный грех! – так ребенка должна выходить, хоть костями лягу!" А в скором времени малышка уже кричала изо всех силенок. Подоткнув под нее складки юбки – животу стало тепло и влажно, повитуха прижимала ее к себе, беспокойно глядя вокруг.

Неожиданно в стороне от дороги, почти у кромки леса, показалось одиноко стоявшее жильё с хозяйственными постройками. Когда подъехали ближе, то увидели приземистый светлый домик среди фруктовых деревьев, подернутых прозрачной весенней зеленью, и чуть дальше на холме – белых пасущихся овец. А у крылечка сидела женщина, и по ее позе, по нежной сосредоточенности, повитуха прежде, чем разглядела – сердцем поняла, и оно не могла обмануться! – что это

мать кормила грудью ребенка. Радостно вскрикнув, Паулина попросила возницу остановиться и высадить ее здесь, иначе ребенок совсем зайдет в крике. От всей души она поблагодарила добрых людей за помощь, и спотыкаясь затекшими ногами, кинулась к домику.

Подбежав, с причитаньями неуклюже плюхнулась на колени перед молодой женщиной, умоляя ее покормить девочку. " Дочка моя померла вчера. А зять из дому выгнал с ребенком – так разозлился, что не сына родила. И куда идти мне теперь, не знаю... Помогите, ради Христа, приютите хоть на пару дней, внучку мою спасите!" Молодая женщина сначала только растерянно и испуганно смотрела на плачущую повитуху, но потом отняла от груди своего уже засыпавшего младенца, и положив его рядом на лавку, взяла на руки девочку. На рыдающий голос Паулины из дома вышел крепкий старик, повязанный фартуком, она со слезами и его стала умолять помочь им. Он молча выслушал ее горестный рассказ и ответил просто:

– И вовсе у нас живи, коли с хозяйством сможешь управиться.

– Смогу, родимый, все смогу!

– Вот и ладно. Руки нам теперь очень нужны, а то, видишь, сноха пару дней, как родила – едва стоит еще... Взяли было девочку из деревни, да неумехой оказалась. Сыновья-то мои оба при овцах, а скоро и стрижку начинать! Сам вот кухарю... А ты, небось, тоже есть хочешь?

– Да не откажусь...

– Ну, пошли в дом. Звать-то тебя как?

– Ханна.

И осталась повитуха с девочкой жить у пастухов. Вскоре детей окрестили вместе в ближней деревне, как брата и сестру, а муж с женой приняли сиротку, как родную. Назвавшаяся Ханной, Паулина упросила их не говорить девочке об ее умершей матери, а сама она будет считаться ей тетушкой. Да еще, исполнив пожелание бедной Агнес, дала малышке имя Розалинда, Розы.

* * *

Шли дни за днями, незаметно складываясь в годы... Подрастала всеобщая любимица, веселая малышка Розы и все больше походила на свою красавицу-мать. А названные родители не могли надивиться на дочурку – так разительно отличалась она от грубоватых деревенских ребятишек. Поэтому Паулина всегда уводила ее подальше от чужих глаз, когда приезжали к ним покупатели за овечьим сыром или шерстью, и не позволяла ездить с отцом на рынок в город. Но зато каждую осень, на два-три дня они отправлялись с товаром на ярмарку в дальний городок за рекой, и для Розы с братишкой это был настоящий праздник! Они с пеленок были очень дружны, играли по целым дням в саду возле дома, а став постарше, надолго уходили с отцом на пастбище или

собирали в лесу ягоды, грибы и орехи.

Тетушка Ханна варила из ягод отменное варенье и пекла замечательно вкусные пирожки с грибами и малиной. Еще она учила Розы рукоделию, и та становилась очень хорошей мастерицей, на ярмарках нарасхват покупали ее вышивки. Она была необычайной выдумщицей, придумывала разные узоры, и даже косички своей появившейся спустя пару лет младшей сестренке, заплетала по-особенному, вплетая в них разноцветные нити.

И глядя на ее утонченную красоту, на удивительные, цвета фиалок глаза, и слушая, как мелодично напевает она простые деревенские песни, Паулина тихо радовалась, благодаря Небеса. Но в самой глубине сердца чувствовала скрытую, неизбежную тревогу... "Неужели им до сих пор грозит опасность? И долго ли она сможет удерживать Розу вдали от людей? К ним уже и сваты из деревни пару раз наведывались, но Роза только отвечала шутками на эти предложения. А ведь ей скоро пятнадцать, весь век в девках не просидишь, и от людей не спрячешься. Что-то дальше будет? Ох, грехи наши тяжкие..."

Глава 3. Пастушка

После смерти Агнес герцог Конрад сделался мрачен и свиреп. В первом порыве ярости он приказал хоть из-под земли найти исчезнувшую повитуху, обещав солидную награду, и готовил ей лютую погибель, объявив, что она коварством извела герцогиню с новорожденным младенцем. Крошечный гробик, не открывая, закопали, как и положено, за церковной оградой, ведь ребенка окрестить не успели. Молоденькую служанку, которая была при герцогине в последние дни, с тех пор никто не видел. Кормилица знала не больше других: только, что ребенок внезапно умер, и ее отпустили домой. А люди в замке, а потом и в городе, всякое говорили, но тишком и опасливо оглядываясь...

И странное дело, пребывая в жестокой скорби, герцог еще до похорон спешно повелел доставить из замка тестя итальянского зодчего и его помощника. Но гонцы вернулись с известием, что мастера, окончив работы, недавно уехали на родину. Герцог впал в такое неистовое бешенство, что даже верный Йохан старался лишний раз ему на глаза не показываться, слишком многие попали тогда под его скорую на расправу руку.

Отцу и брату Агнес было строжайше запрещено покидать пределы их вотчины. Горделивый тесть не смог вынести немислимого унижения и через несколько дней скончался

от удара. Мать Агнес, которой единственной из семьи было дозволено проститься с дочерью, следом похоронила и супруга. Брат Артур метался раненым зверем в бессильном отчаянии... То видя безмерное горе матери, он пытался хоть немного утешить ее страдания, но со свойственной ему чуткостью понимал, что они неизбывны вовеки. То безуспешно изыскивал способы отмщения герцогу, даже ценою собственной жизни! В глубине души он был твердо уверен – это герцог, сущее чудовище, убил их добрую милую Агнес. Но потом Артур спохватывался, что не смеет погибнуть и оставить мать одну на свете.

А сам Конрад постоянно был в мрачном расположении духа, все осточерчело ему. Ни турниры, ни охота больше не горячили кровь, и кутил он теперь безо всякого куража – просто напивался каждый вечер по-привычке. Только лет через пять он вновь надумал жениться. На сей раз его выбор пал на молодую вдову сопредельного правителя – Брунгильду, и правду сказать, лишь те земли были причиной для нового брака. Одна власть неизменно, по-прежнему влекла герцога, и едва окончился годичный траур, состоялось их пышное венчание, но радости это шумное, на всю округу, событие никому не принесло. Сын Брунгильды восьмилетний Генрих, бывший предметом обожания старого отца, чувствовал себя совершенно потерянно в чужом замке, и со жгучей детской обидой видел, что суровый отчим едва терпит его. Но матушка ему сказала: "Мальчик мой, пойми – так надо!", и

он молча глотал слезы...

Сама новая герцогиня никаких чудес от замужества и не ожидала – ее заботила только судьба единственного сына, ведь владения ее покойного мужа, зажатые между северным герцогством и южным графством, были столь малы, что постоянно подвергались опасности завоевания. Правда, имея неограниченное влияние на любящего супруга и очень умно маневрируя среди подводных камней соседских отношений, Брунгильда – где лаской, а где хитростью – умела сохранить независимость их земель и даже приобрести покровительственное расположение как графа, так и герцога Конрада, соперничавших между собой. Особенно старалась она, не уронив при этом чести мужа, но тонко намекая на угрозу от графа, привлечь к себе герцога, который сам явно был не прочь округлить свои владения в их сторону. Но овдовев, она поняла, что ей уже не сдержать поползновений Конрада, и самое разумное – скрепя сердце, принять его предложение, обеспечив тем будущее сына.

А герцог, опять страстно возмечтавший о наследнике, через короткое время понял, что и теперь надежды его тщетны. И с новой силой возненавидел покойную Агнес, свою нынешнюю жену и ее мальчишку. Но чуть поостыв, он стал припоминать, что вроде бы ни разу не замечал, чтобы округлилась хоть одна из хорошеньких служанок, приставленных управителем убирать его покои. Хотя девушки сменялись довольно часто, поскольку одни и те же ему скоро надоеда-

ли. Но похоже, дело не в женах... Выходит, это его судьба жестоко наказывает бездетностью за неведомые грехи. По-сокрушавшись так, герцог неожиданно для всех приблизил к себе пасынка Генриха, стал часто брать его на охоту, подарил смирную лошадь и окружил полезными наставниками. Вскоре мальчик, унаследовавший спокойную рассудительность матери и внявший ее мудрым советам, даже пришлось отчиму по душе. Герцог принародно объявил его сыном и законным наследником всех обширных владений. И минуло еще десять лет.

* * *

Рози с младшей сестрой собирали землянику на опушке невядалеке от дома, когда совсем близко раздался многоголосьный пронзительный лай, и из роши вылетела большая свора пятнистых длинноухих собак. Сестры почти не испугались, ведь они с детства привыкли к своим пастушеским собакам-сторожам, но удивились необычайно. Затем послышались перекликающие мужские голоса, приглушенный мягкой землей топот коней, и вслед за собаками из-за деревьев показалось несколько охотников. Рози сразу вспомнила – однажды по дороге на ярмарку отец указал ей на похожих всадников и сказал, что они – охотники. Но то было далеко за речкой, а в их краях сроду никто не охотился, места тут слишком холмистые, только для овец и пригодные.

Выехавший вперед статный молодой человек, и судя по всему – главный среди них, помедлил, не отводя восхищенного взгляда от Розы, а потом ласково обратился к ней:

– Как тебя зовут, милая девушка?

– Розалинда, мой господин.

"Эта очаровательная Розалинда – и здесь, при отаре?.. Удивительно!" – подумал Генрих.

– Розалинда? Какое неожиданное имя для пастушки! – он улыбнулся, явно любуясь ею.

– А как бы Вы назвали, Ваша светлость?

– Ну, может быть, Грета или Ханна...

– Ханной зовут мою тетушку. Это она окрестила меня Розалиндой. – весело засмеявшись, ответила Роза.

Когда Паулина услышала звонкий лай охотничьих собак, она в испуге хотела кинуться искать Розы, чтобы увести в дом, но как на грех, ее уже несколько дней мучила упорная ломота в пояснице. И пока она, кряхтя да причитая, поднялась с лавки и доковыляла до порога, а уж Розы, нимало не смущаясь, беззаботно разговаривала с молодым, богато одетым всадником. А чуть поодаль остановились полукругом верховые охотники и егеря, у ног которых лежали, высунув языки, запыхавшиеся собаки. Сестренка, глядя во все глаза и даже приоткрыв от удивления рот, незаметно стояла в стороне. У Паулины душа мгновенно ушла в пятки. Этот всадник не мог быть никто иной, как юный герцог – наследник ужасного Конрада. Женщина попятилась обратно в дом... Хотя

прошло много лет и она сильно постарела, но до сих пор страшно боялась, что кто-то неминуемо сможет ее узнать, и тогда не сносить ей головы! А Рози уже проворно спустилась в погреб, вынесла кувшин молока и подала напиться герцогу. Он выпил, не сводя с нее глаз, учтиво поблагодарил и вдобавок ласково сказал что-то, наклонившись к ней с седла, отчего Рози зарумянилась, довольная. Потом все ускакали.

А через три дня Генрих вновь привел охотников к их дому. Так получилось, что герцог Конрад недавно подвернул ногу – его конь неловко перескочил через поваленное дерево, и всадник не смог удержаться в седле. Благодаря этому случаю, Генрих впервые сам возглавил охоту. Но ему наскучило скакать все по одним и тем же, давно привычным местам, и несмотря на уговоры старшего егеря, захотелось посмотреть – что в дальнем лесу за холмами? С добычей там, и правда, не слишком повезло – поднятый олень ушел от погони – ведь ни егеря, ни собаки не знали тех мест – и пришлось им довольствоваться молодым кабаном. Но зато, когда лаем перепугав чьих-то пасущихся овец, собаки выскочили к домику на опушке леса, Генрих задохнулся от счастья – столь необыкновенна была встреченная ими девушка! Прекрасная и несравненная Розалинда!

А поговорив с ней он понял, что никакие силы в мире не заставят его отказаться от чудесной пастушки – ни сам герцог, ни любимая матушка. Но она, к великой его радости, ничуть не возражала против выбора сына и даже обещала

как-нибудь уговорить мужа. Ведь она, как сегодня, помнила тот горестный день, когда саму ее, не спрашивая, выдали за пятидесятилетнего старика. Пусть лучше сын выберет жену по сердцу, чем герцог женит его на дочери кого-то из своих кичливых рыцарей. К тому же она не хотела отказать себе в удовольствии немного поквитаться с Конрадом за его всегдашнюю высокомерность.

И вот под предлогом новой охоты на оленя, Генрих при­мчался объяснить с возлюбленной Розалиндой. Попросив ее в придачу к молоку отрезать ему еще краюху хлеба, он вошел следом за ней в дом, и вскоре они появились на пороге, зардевшись, нежно держась за руки, и глаза у обоих сияли от счастья! Все окружающие с почтением им поклонились. А через неделю прибыл небольшой обоз с подарками для невесты и всей ее родни, а также швеей и башмачником, чтобы снять мерки и предложить Розалинде драгоценные заморские ткани для подвенечного наряда. Восторженно влюбленный Генрих очень торопился со свадьбой до Успенского поста.

Еще после первого появления охотников тетушка со слезами умоляла Розу опомниться и скорее забыть про молодого герцога, приводя с десятков причин, убедительно нанизанных одна на другую в ее бессонные, тревожные ночи... Главное, что Роза совсем не пара такому важному наследнику, она будет во всем и от всех зависима – с ее-то нравом! – и неизбежно несчастлива. Но в ответ Розы лишь гордо и по-

что надменно вскидывала свою изящную голову. Да неужели тетушка не понимает, что именно теперь она и встретила единственно достойную пару! И едва всерьез не поссорилась с ней, впервые в жизни. "Ишь, как лошадка норовистая – всех переупрямит! И чья это кровь в ней играет? Уж на что мать ее чистый ангел была, а и в ней свой тихий омут отыскался." – так, глядя на Розу, размышляла Паулина, но все не успокаивалась и не отставала:

– Но, если кто спросит – сколько тебе лет? – умоляю, прибавь год! Скажи, что уже шестнадцать. Обещай сделать, как я прошу, побереги себя и всех нас!

И даже любимый брат, с кем Роза много лет была неразлей-вода, почему-то насупился и не спешил разделить с сестрой ее радость. Но вот наступил канун свадьбы, когда Роза вместе с родителями отправилась в замок герцога. Это она настояла, что не будет никаких посаженных – разве она безвестная сирота? Проводив их, Паулина совсем слегла от переживаний. Она, лечившая все пастушье семейство и людей из деревни, которые нередко просили ее помочь, не в силах была совладать со своим судорожно колотящимся от ужаса сердцем и припадками такого смертного удушья, что губы ее синели и закатывались глаза...

Наконец, муж с женой возвратились из города, совершенно потрясенные великолепием свадьбы и теми почестями, с какими старый герцог принимал в замке свою невестку. Даже с ними, простыми пастухами, он был сама доброта и

приветливость! Лишь тогда, под их бесконечные рассказы, когтистый страх начал отпускать измученную Паулину, и ее больное сердце потихоньку успокоилось.

* * *

В тот миг, когда Конрад Неустрашимый увидел Розалинду, и на него неожиданно взглянула фиалковыми глазами давно умершая Агнес, он невольно вздрогнул, и странный жуткий озноб пробежал по его вмиг похолодевшему телу... Почти такое же изумление отразилось на лице старого управителя – он даже ахнул, не сдержавшись – и тех придворных, кто знал прежнюю герцогиню. А увидев маленькую, с гречишное зернышко, родинку на нежной шее, которую ему так нравилось целовать, Конрад словно в тумане подался вперед – будто в спину толкнули! Эта появившаяся ниоткуда девушка была совершенно такая, какой герцог всегда хотел видеть свою Агнес – гордой, смелой и веселой, даже чуть-чуть насмешливой! И он вконец потерял голову... В сознании что-то помутилось, и мгновенно Конрадом овладела поистине безумная страсть к прекрасной невестке.

Он сразу понял – кто она, и это открытие удивительным образом не только не остановило, но лишь подстегнуло его дикое влечение. И в воображении он соперничал вовсе не с молокососом Генрихом, а с тем неведомым, кто единственный за всю жизнь – и то лишь неслыханной подлостью! –

смог одержать над ним верх. Герцогу уже не было дела до скрывшейся когда-то повитухи – жива она еще или нет, он был ей благодарен, что уберегла младенца. Теперь одна все затмевающая мысль властвовала над ним, вернее, пьянило одно лишь неистовое кипящее желание – быть рядом с обожаемой, восхитительной Розалиндой! Уподобаясь детям, чтобы почаще видеть ее, он придумывал всевозможные хитрости, порой совершенно несуразные и настолько очевидные для всех, что придворные начали усмехаться, пока еще втихомолку, но прежде такого нельзя было даже вообразить.

А как невыносимо страдала от неприличности своего положения герцогиня Брунгильда! Нередко, находясь на людях, она прятала руки в складках платья и сжимала их так, что кольца, изукрашенные зернью, впивались ей в пальцы, и этой болью пыталась заглушить жгучий стыд. Хорошо, что Генрих, кажется, ничего странного пока не замечал. И верно, прекрасная Розалинда и буквально носивший ее на руках юный супруг, упоенные своим безмятежным счастьем, почти не видели происходившего вокруг них. Но однажды разговаривая за обедом, Роза вскользь, взглядом, еще предназначенным мужу, рассеянно-ласково взглянула на герцога, и роковая молния пронзила его душу и без того распаленную страстью. Он решил избавиться от Генриха – избавиться навсегда! А заодно и от постылой Брунгильды. Жаль, что близкой войны сейчас нет, чтобы послать на гибель пасынка. Но зато всегда есть охота! И его верный Йохан еще в силе и

по-прежнему сообразителен.

* * *

В тот день охотники возвращались раньше обыкновенного и непривычно молчаливые, слышен был лишь стук копыт по брусчатке. Эта ли странность или материнское предчувствие толкнуло Брунгильду к окну, она обеспокоенно посмотрела вниз – по двору несли на руках бесчувственного Генриха с окровавленной головой. Зажав рвущийся из груди крик, герцогиня бросилась к лестнице – жив ли? Оказалось, что он на всем скаку вылетел из седла. Возможно, конь его вдруг заупрямился, хотя Генрих на него раньше не жаловался, а сам был превосходным наездником. Когда его перенесли в комнату, уложили на постель, а лекарь промыл и перевязал глубокую рану и вправил выбитое плечо, Брунгильда села возле сына, глотая слезы и глядя дрожащей рукой его спутанные светлые волосы... Она не позволила Розе видеть мужа, смягченно описав его состояние и всячески успокаивая, ведь она уже знала от Генриха, что невестка ждет ребенка, и сильное волнение может ей повредить.

Вскоре к Брунгильде тихонько подошел ее верный слуга, привезенный еще из замка покойного мужа и с детства представленный к сыну. Оглянувшись по сторонам, он прошептал ей, что тайком осмотрел коня Генриха, его подковы, седло и сбрую. И у него нет сомнения, что подруга была нароч-

но кем-то подрезана. У Брунгильды при этом известии сердце едва не вырвалось из груди – несомненно, это Конрад, его рук дело!

На третий день, до крайности измученная неизвестностью и предполагая самое худшее, Рози настояла, чтобы ей наконец позволили увидеть мужа. И все оказалось примерно так, как представлялось в ее отчаянии – Генрих лежал по-прежнему без памяти. Брунгильда, с темными кругами вокруг глаз, бессонно сидела рядом, денно и ночью оберегая сына, ведь герцог в любой момент мог снова подослать убийцу. Но она уже выбилась из сил и позволила невестке сменить себя, оставив у дверей и верного слугу. Глядя на безжизненное лицо мужа с запавшими глазами, Рози казалось, что несчастье уже непоправимо. Только тетушка Ханна, возможно, еще сумела бы ему помочь. И как горько она пожалела, что плохо вникала в тонкости лечения травами, которым заботливая тетушка старалась ее обучить. Правда, они с ней уговорились, что, если надо подать тайную весточку, Рози пошлет домой два засушенных цветка – фиалку и незабудку, перевязанные накрест белой ниткой, и по этому условному знаку тетушка поймет, что посланец в самом деле от Розы. Но зная, как тщательно она осматривала больного, расспрашивая о всех признаках недуга, чтобы выбрать нужные для лечения травы – а их у нее был целый чуланчик! – Розы понимала, что ни один гонец герцога не сумеет толком объяснить, что за рана у Генриха, к тому же им нельзя доверять. И

обе они, к несчастью, не знали грамоты. Значит, надо срочно отправляться самой!

Ехать по тряской, уже подмерзающей в ноябре лесной дороге было слишком опасно для будущего ребенка, но главной заботой для Розы было одно – спасти любимого мужа. Герцог Конрад всячески отговаривал ее, ведь ради сына может съездить и Брунгильда, правда? Но отменяя возражения герцога, Роза твердо стояла на своем и объявила, что поедет непременно сама, не доверяя столь важное поручение ни одному гонцу. Герцог настойчиво ее переубеждал и все больше горячился, упрямо сверкая глазами. Их спор прекратила Брунгильда, неотрывно смотревшая на Конрада. Поддержав невестку, она сказала: "Идем, дорогая, я помогу тебе собраться в дорогу, надо спешить!" – и приказала слугам выстлать внутри карету волчьими шкурами, чтобы смягчить толчки на ухабах. А герцог странно промолчал, потупившись, как будто вспомнил нечто важное, и словно не замечая суеты на дворе, даже не вышел проводить Розы. Вскоре, хотя надвигалась ночь, она в сопровождении четырех вооруженных верховых слуг с факелами, помчалась к тетушке.

Проехали уже половину пути среди непроглядного леса, когда послышались быстро приближающиеся звуки погони. Или это не погоня? Судя по стуку копыт, всадников было всего двое. Из темноты послышался грозный окрик герцога: "Стой!" Голос тотчас узнали, кучер осадил коней, все остановились. Подлетевший в сопровождении Йохана герцог то-

ропливо слез с коня и бросился к карете. Распахнув дверцу, он вскочил внутрь и в дрожащем отсвете факелов увидел Розалинду, закутанную в меховую накидку. Она неподвижно сидела в углу кареты и очевидно, дремала, низко опустив голову. Вот он, вождеденный миг! Сейчас он захлопнет дверцу, крикнет кучеру – пошел! – и... "Рози, душа моя!" – задохнувшись от страстного нетерпения, воскликнул Конрад, и сдернув с руки перчатку, отвел мех от ее лица. На него в упор сверкнули – яростно горящие гневом и пронзающие клинками – стальные глаза Брунгильды! Герцог изумленно отшатнулся назад, прохрипел что-то несвязное... Попятился из кареты, и неверно ступив на подножку, грянулся навзничь о землю.

Подбежали спешившиеся слуги, Йохан приподнял голову герцога. Иссиня-багровое лицо его было перекошено, глаза бессмысленно застыли, а из угла рта струйкой текла по бороде черная кровь. Все с ужасом перекрестились. Выглянувшая из кареты Брунгильда, сжав губы, пристально посмотрела на мертвого мужа. Увидев ее, Йохан застыл в немом недоумении и даже головой тряхнул, пытаясь сообразить, что произошло? Герцогиня велела ему, взяв еще одного слугу, перевезти тело господина в замок, а сама заспешила дальше, к дому пастухов, торопя кучера – гони, гони! Приоткрыла на ходу дверцу и брезгливо, как жабу, носком башмачка столкнула под колеса оброненную герцогом перчатку.

Генрих открыл глаза... Белоснежно сиял за окном зимний день, и солнце веселым золотом разливалось по комнате. Он зажмурился. Солнечный луч щекотно тронул веки, Генрих слабо улыбнулся и снова чуть приоткрыл глаза. Что с ним? Возле постели, уронив на колени начатое вязание, дремала на стуле незнакомая старушка, а впрочем... Смутно показалось, что это лицо он где-то видел. Но почему он среди дня лежит, да еще в чужой комнате? Неуверенно попытался пошевелиться... Ох, как же больно в голове! И словно услышав его стихий стон, старушка вдруг встрепенулась, удивленно всплеснула руками и радостно зачастила:

– Очнулся! Очнулся, вот радость-то! Лежите, лежите, Ваша светлость, Вам нельзя еще двигаться. Но теперь уж точно скоро подниметесь, непременно!

– Кто ты? Вроде видел я тебя...

– Так как же! Я – Ханна, тетушка госпожи Розалинды.

– Скажи, что со мной случилось?

– С лошади на охоте упали. Да месяц, почитай, без памяти были... Я уж и не чаяла Вас выходить, но Господь милостив, уберег свет-наш герцога! А вот и матушка ваша сюда идет, то-то обрадуется! Очнулся, очнулся он, Ваша светлость! А ведь мы все глаза проплакали, ночей не спавши, каждый вздох ловили-оберегали да молились непрестанно...

Но теперь-то быстро на поправку пойдете, к Рождеству на ногах уж будете! А там и голова совсем подживет – сможете без опаски корону надеть!

Генрих недоумевающе взглянул на подошедшую мать. Кивнув, она сдержанно сказала: "Да, герцог Конрад безвременно покинул нас." Но в растерянных глазах Генриха все еще стоял вопрос... Мать улыбнулась ему: "Потом, потом..." И под неумолчное приговаривание счастливой сиделки, Брунгильда обняла сына за исхудавшие плечи, и нежными поцелуями покрывая бледное лицо с юношеским пушком на подбородке, горячо шептала: "Мальчик мой родной! Слава Богу, жив!"

– А что ж я сижу тут? Розы, Розы-то надо сказать! – спохватилась старушка – Ох, извелась голубка наша, а тревожиться ей никак нельзя. Скорей побегу к ней!"

И Генрих постепенно начал вспоминать...

* * *

После смерти герцога Конрада в собор к воскресной мессе стала приезжать мать покойной герцогини Агнессы. И когда хрупкая седая женщина медленно шла по проходу к своему месту, многие кланялись ей, почтительно отступая. Однажды, на праздничном молебне по случаю крестин новорожденного герцога, она появилась в сопровождении монаха в чужестранном облачении. Еще не старого, но с измучен-

ным лицом и неожиданно короткими темными глазами, которые он опускал, встречая чей-то любопытствующий взгляд. Проводив мать Агнес на ее обычное место, он тихо отошел и неподвижно встал в тень у боковой стены, почти слившись с ней и склонив голову, медленно перебирал затертые кипарисовые четки...

Но вот радостными переливами взметнулись под высокие гулкие своды, сразу заполнив весь собор, звуки органа. Перед алтарем появился епископ в окружении причта, и началась торжественная служба. Взоры прихожан обратились на счастливую герцогскую чету – сегодня утром был крещен столь долгожданный наследник! А когда герцог Генрих с супругой после благословения епископа повернулись к присутствующим в храме, и неизвестный монах внезапно увидел фиалковые глаза Розалинды – словно чудом воскресшей Агнес! – по телу его пробежал заметный трепет, и нервные худые пальцы судорожно стиснули четки. Он еще ниже надвинул свой монашеский капюшон, закрывая лицо и неудержимо катившиеся по нему слезы...

Уронив на грудь голову, монах опустился на колени в изножии надгробной плиты, и благоговейно поцеловав простой темно-серый камень, молитвенно сложил худые руки. Потом раскинув их, он крестом припал к земле и надолго замер в полной неподвижности, лишь плечи временами чуть вздрагивали. А над ним, над благоухающим шиповником, густо разросшимся в ограде усыпальницы, на крыльях май-

ского ветерка летел, приветствуя новорожденного герцога, звонкий церковный благовест и волнами разливался вокруг, радостно подхваченный всеми городскими колоколами...

Лилии

Приютившись в тихом заливе, раскинула на берегу озера свои нехитрые пожитки рыбацкая деревушка. Низкие белёные домики, развешенные для просушки сети, перевернутые вверх днищем лодки, да с полдюжины коз, пасущихся на ближнем взгорке. Озеро было бескрайним, как море, по временам ветер поднимал на нем настоящую волну, и никто из рыбаков за всю жизнь ни разу не видел противоположного берега. Рассказывали, что в давние времена трое смельчаков отважились переплыть его под парусом, но обратно не вернулись, так и сгнули. Возможно, своей дерзостью они нанесли обиду Духу Озера, и он погубил их? Исстари рыбаки с великим почтением относились к Духу своего озера и очень боялись его прогневать. Из каждого, даже скудного улова, часть рыбы всегда отпускали обратно – в благодарность за удачу.

Радовало ли это Духа Озера, никто доподлинно не знал, но уже многие поколения деревушки озеро исправно кормило, и дедовский обычай рыбаками соблюдался свято. А уж в последний год были такие богатые уловы, что все только диву давались и строили разные догадки: отчего произошла благодать и долго ли еще продлится? Но если б рыбаки узнали тому причину, то изумились еще больше или вовсе даже не поверили.

И немудрено! Их таинственный и могущественный Дух Озера потому покровительствовал деревне, что безнадежно влюбился в дочку самого неудачливого рыбака. Вернее, непутевого, с чудинкой. И отец, и дед его были такими же, всё – не как у людей. Даже домик их стоял на отшибе, будто показывая, что не хочет иметь с остальными ничего общего. А вид у него был такой, что невозможно было пройти мимо, не остановившись и глядя во все глаза. Все дома просто белили мелом, и в лучшем случае, хозяйки окаймляли окошки голубой синькой. А незадачливый рыбак, той же синькой навел рисунки каких-то сказочных, диковинных птиц, да как искусно сделал! С тех пор каждый год, когда приходило время обновлять стены, вся деревня собиралась поглазеть – какая еще затея придет ему в голову? Его суровая жена досадливо кривилась и уходила в дом, затворив дверь, а сын и младшая дочка охотно помогали отцу.

Особенно дочка в него пошла, тоже с чудинкой. Больше всего она любила в погожие вечера сидеть на низком крылечке и подолгу мечтать, глядя на закаты... Ее бесконечно завораживало это ежевечернее чудо, когда солнце расплавленным золотом медленно опускалось в серебристую прохладу озера, и мерцающая дорожка по воде бежала прямо к их дому. Она все пыталась представить – что же там, дальше, за неведомой таинственной гранью, где сходятся озеро и небо? Когда огненное полукружье солнца, остывая, исчезало в озере, и на небо можно было смотреть, не отрываясь, начина-

лось самое интересное. И ей казалось – нет, она точно знала! – что в целом мире не бывает двух одинаковых закатов. Каждый удивительно неповторим в своей переменчивости, в бесконечной игре лучей, облаков, солнечных отсветов, бликов на воде.

А какие цвета! Ласковый, золотистый – словно тончайшая вуаль, улетевшая от небесной красавицы, и мятежный пурпурный – как пылающий вдали пожар. Сумрачный, темно-синий, будто раскинувшая крылья величавая птица. И сладко-малиновый, как варенье, в нежной туманной дымке. И фиолетовый с неожиданным зеленым отблеском, будто выглянувший в просвет загадочный глаз. А в вечерних облаках ей виделись сказочные горы, воздвигшиеся прямо из озера, или песчаные волны, как в пустыне – без конца и края... Или пушистые овечьи отары, бредущие по холмам... А то казалось, будто второе – небесное озеро, в окружении сказочного леса островерхих елей воспарило над настоящим.

Обо всех чудесах, которые есть в далеких землях, она с детства слышала от отца. А им, еще мальчишкам, о них часто рассказывал старый хромой рыбак – тот, что еще в молодости убежал из деревни, нанялся матросом на корабль и долго странствовал по свету. И девочка страстно мечтала увидеть все эти удивительные страны, она ведь нигде не была, кроме торговой площади соседнего городка.

И еще о многом ей мечталось, а по совести сказать – лишь об одном... И как ни гнала она от себя грешные мысли, каж-

дый вечер, после отвлекающих дневных забот, они неизменно подкарауливали ее на закате. И она была рада, когда отец выходил на крыльцо покурить трубку и садился рядом. То шутиливо прижавшись плечом, и тогда смешил ее чем-нибудь забавным, увиденным или услышанным за день, а он был замечательный рассказчик и когда-то с удовольствием сочинял детям сказки на ночь. То бывал не весел, и едва коснувшись дочкиной руки, молча дымил рядом своей трубочкой и задумчиво провожал взглядом медленно гаснущий в озере закат. И лицо его постепенно светлело, он, вздохнув, поднимался, ласково гладил дочку по голове и шел спать. И она каждый раз удивлялась, какие у отца не огрубевшие, чуткие руки – ведь рыбаки ходили на промысел в основном на весах.

* * *

В один из таких летних вечеров, осматривая свои владения, и заметил девушку Дух Озера. Легким туманом приблизившись к берегу, он загляделся на нее и все не мог налюбовался, пока, зябко поежившись от прохлады, она не скрылась за дверью. А туман любовно приник к ступеньке крыльца, еще хранящей девичье тепло, и блаженно таял... На другой вечер он снова появился, и на третий – и вот уже целый год, не ведая покоя, Дух Озера грезил удивительной девушкой. У нее были волосы, словно струящийся золотистый песок, и

зеленовато-голубые глаза, как почти у всех жителей деревни, будто в них от долгого соседства навсегда отразился цвет озерной воды. Но глаза его возлюбленной казались необыкновенными своим тихим радостным светом и ни на кого не похожими. Когда тоненькая и гибкая, как травинка на ветру, она пробежала, по-детски расшалившись, вдоль самой кромки воды, Дух Озера нежно целовал легкой волной следы ее маленьких ног.

А поздней осенью он отчаянно затосковал... К счастью, его озеро не замерзло, но подули холодные ветры, и теперь ему очень редко удавалось видеть на закате девушку, а ведь то были единственно сладостные для него минуты. Серебристым туманом поднявшись из озера, он в отчаянии припадал к низкому крылечку ее дома и только на рассвете исчезал, оставляя на ступеньках крыльца капли холодной росы – свои безутешные слезы...

Но весной! Весной к нему снова вернулось счастье! И чтобы видеть девушку поближе, Дух Озера чуть углубил небольшую заводь вблизи ее дома и вырастил в воде чудесные белые лилии. Когда раскрылись первые нежные цветы, восторгам его любимой не было конца! Ей не терпелось сорвать хоть один цветок, чтобы первый раз в жизни разглядеть эту невиданную красоту, но мать строго-настрога запретила плыть в заводь, там могло быть опасное дно. И вообще ее обеспокоило странное приближение воды к дому, за многие годы здесь ничего подобного не случалось. Тогда девуш-

ка попросила брата сорвать ей цветок с маленькой лодки, но он лишь рассеянно отмахнулся от сестриного каприза. Она так опечалилась, что даже немного обиделась на брата, хотя они с детства были дружны и заботливы друг к другу. Еще мог бы достать для нее лилии – она в этом уверена – лучший друг ее брата. Но при всех она не смела его попросить. И тогда, не в силах видеть ее огорчение, Дух Озера сам принес ей желанный подарок – несколько прекрасных лилий на расвете положил на их крылечко. Как ему удалось это сделать, останется великой тайной... В такое трудно поверить, но каких только чудес не совершалось на свете во имя любви!

Когда утром девушка увидела цветы, сердце на мгновение замерло, а потом восторженно забилося – неужели это... он? Прижав к груди лилии, она ищущими глазами быстро обежала весь берег, и щеки ее мгновенно запылали. Конечно, это он! Ведь так посмотрел на нее позавчера, когда женщины чинили на берегу сети, а мужчины смолили поблизости лодки. От его взгляда по душе прокатилась трепетная волна неизъяснимого блаженства – невозможно забыть! Ей даже пришлось наклониться, якобы ища что-то оброненное на песке, лишь бы другие не увидели ее лица. Ей непозволительно таять под его взглядом и тем более смотреть в его сторону при каждом удобном случае. Ей даже думать о нем нельзя. Но можно ли приказать своему истосковавшемуся сердцу?

Рыбаки уже вернулись, выбрав поставленные с вечера се-

ти, и теперь перекладывали улов в большие корзины, за которыми каждое утро присылал повозку торговец рыбой из ближнего городка. Им помогали женщины и дети постарше, в общем, на берегу в это время собирались почти все жители деревни, но девушка видела только его. Если бы строгая мать, заметив обожание в ее глазах, обо всем догадалась, то просто, без лишних разговоров оттаскала бы дочь за волосы, да потом еще прибавила – для пушей убедительности. Но сейчас мать хлопотала в кухне, поджидая мужа и сына, сама она никогда не возилась с уловом на берегу. Ее мать была не из рыбацкой семьи с озера, отец когда-то привез ее из города, безоглядно влюбившись. Только не похоже, чтобы и мать его любила. Но неизвестно, почему вышла за него замуж, родители об этом никогда не вспоминали. Отец на расспросы дочери лишь уклончиво отшучивался, а к матери вовсе не подступиться.

Быстро оглянувшись на дверь, как была, с белыми цветами в руках, девушка побежала к лодкам. Где-то там и ее отец с братом, надо скорей показать им лилии, это диво-дивное! Но не их искали ее глаза, а высокую фигуру молодого рыбака, который сильными, ловкими руками сворачивал мокрые сети, и светлые волосы падали ему на лоб. С разбегу огибая лодку, она нечаянно – может, нога скользнула на песке, или он вдруг повернулся – едва не ткнулась лицом в его загорелую грудь и задохнулась от неожиданности, и в голове закружилось. А когда, растерянно отступив, подняла на него сму-

ценные обожающие глаза, он с таким недоумением посмотрел на нее, и особенно на цветы, что земля качнулась под ногами... Он видимо решил, что, так запыхавшись, девушка несла цветы ему! И губы его уже насмешливо дрогнули, но по счастью, не успели произнести слов, убивших бы ее на месте. Он вдруг резко обернулся, будто что-то острое кольнуло его в спину, и девушка испуганно взглянула туда же.

На пороге ближнего дома, грозно подбоченясь, стояла молодая женщина – жена рыбака, и пристально смотрела на них. А рядом – ребенок на еще неокрепших ножках, цепко ухватившийся за материнскую юбку. Если бы зыбкий песок поглотил ее в тот миг, она возблагодарила б милосердную судьбу за избавление от немислимого позора. О чем-то ласково спросил подошедший отец. Она не поняла его слов, но кивнула согласно. И не поднимая головы, измученно побрела к дому по воде... Утренняя вода холодила ноги, и это странно утешало ее, не так сильно горело сердце.

* * *

Девушка больше не сидела вечерами на крыльце, закаты еще долго вызывали у нее жгучие слезы. И до тихой тоски пока было далеко... Она избегала смотреть в сторону завода, где по-прежнему царствовали изящные белые лилии, и не задавалась вопросом – кто же принес их в тот злосчастный день? Не все ли равно... А потом наступила осень. Но

хорошо, что не туманная и зябкая, как в прошлом году, дочь рыбака не любила печальных туманов над озером. Ей почти всегда зябко, как плотно ни вяжи шерстяные чулки. И вообще, мало что радует и занимает. Даже с подругами она видится лишь изредка, когда в погожие дни женщины на берегу чинят сети. Правда, теперь к ним в дом часто заходит друг брата. Глаза у него добрые и немного грустные, как у отца. Хороший такой парень...

Восточная притча

Давным-давно, когда, не знаю точно,
в шахерзадно-алладиновых краях,
влиятельный правитель жил восточный —
султан, эмир, а может, падишах.
Всегда визирь был рядом с падишахом —
советник в мире и оплот его в бою —
служил с любовью, и не зная страха,
и верность доказал не раз свою.
Был в трудный час спокоен неизменно,
а довод в утешение – один:
"Не огорчайся, о благословенный!
Все к лучшему случилось, господин!"

Однажды падишаху все заботы
милейшей показались ерундой —
двух пальцев он лишился на охоте,
не справившись с тугою тетивой.
Скрипел зубами в ярости и боли,
но слов иных визирь не находил,
и руку затянув платком, промолвил:
"Все – к лучшему, поверь, мой господин!"
Взревел властитель раненой тигрицей,
ногою пнул, взвил на дыбы коня:
"Смеяться? Заточить его в темницу!"

Все к лучшему там будет для тебя!"

Прошло пять лет...

И жизнь катилась плавно:

в тюрьме – визирь, на троне – падишах.

Вновь едет на охоту, где облавой
могучий барс был выслежен в горах.

Петлял он долго и за перевалом
исчез бесследно, будто растворись...

Усталая охота сразу встала,

все озирались, местности дивясь.

Завел их в край чужой азарт погони,

вернуться бы домой до темноты!

Но захромали утомившиеся кони,

и спешили все, а вокруг – кусты.

Из-за которых... с копьями и визгом,
напало племя страшных дикарей.

Отбиться не успели – слишком близко,

и кроме луков – несколько ножей.

Скрутив, их притащили на поляну,

там привязали к вкопанным столбам

и начали, на первый взгляд, престранно

готовить приношение богам...

Разглядывали всех поочередно,

рабынь так выбирают и коней.

Молился каждый, чтоб сочли негодным,

к чему – невесть, и было тем страшней.

Последним обступили падишаха —

по платью отличим он был от всех.

Что ждет его – кинжал, огонь иль плаха,
как основной трофеей их и успех?
Вдруг вскрикнул кто-то и с негодованьем
на руку падишаха указал,
а вождь брезгливо отдал приказанье —
веревки стерегущий развязал,
и выгнали взащей со становища,
один он уцелел в тот страшный день!
С трудом вернулся – без коня, без пищи,
но это было меньшей из потерь...

И поспешил он тотчас же в темницу,
где друга запер, гнева не сдержав,
чтобы поведать все и повиниться —
ведь, как всегда, тот оказался прав!
Визирь же, всю историю услышав,
ответил так, как он умел один:
"Да наградит тебя Аллах Всевышний —
все к лучшему ты сделал, господин!"
"Но ведь пять лет! Вина мне сердце гложет..." —
раскаивался горько падишах.
"Не будь тюрьмы, охотился б я тоже,
а у меня все десять пальцев на руках..."
Каков мудрец! А может совпаденьем
все объяснить – попробуй разберись...
Но счастлив верно, тот, в чьи убежденья
вписалась чудом собственная жизнь.

Канатная плясунья. Новелла

Глава 1

– А вы, девоньки, все шушукаетесь – женихов перебираете? Да о принцах заморских, небось, мечтаете? Только глупости это все, лукавые соблазны, вроде как на молодого бабина заглядываться. Принц, если даже в кого из простых и влюбится, он ведь не своею волей живет. А как ему папаша повелит, потому как о царстве-государстве прежде думать надо или об своем деле. Он милой златые горы посулит, с три короба всего наобещает, а разве чем ради любви пожертвует? То-то... Вот послушайте-ка одну историю... Про любовь, а как же! Знаю я вас – про другое вы и слушать не станете. Тогда усаживайтесь поближе да поудобней, а то и рукоделье свое возьмите. История моя не сказать, чтоб очень длинная, но и не короткая – на карман подсолнушков, пожалуй, будет.

Приключилось это все в далекой стране, в теплых краях, где лето чуть не круглый год бывает. Птицы на все лады заливаются, цветы растут диковинные, фрукты всякие поспевают и даже виноград – пальчики оближешь! И может, от яркого солнца или еще какой благодати, народ в том краю жил нараспашку, говорливый да веселый. Каждый воскресный день на всех торговых площадях – праздник и шумное гулянье.

Выставляли посреди рядов еще прилавки с игрушками и сладостями, разные балаганчики, качели-карусели для детворы. Все от мала до велика спешили на площадь, и до самой ночи она мельтешила и гомонила народом...

Вот и в городок, о котором рассказ, однажды приехал странствующий цирк – запряженная парой лошадей большая расписная повозка. Соскочили с козел два прытких кудрявых молодца и одним махом раскатали выцветший ковер. Спрыгнул еще мальчонка лет восьми, стал расправлять потертые углы и с любопытством оглядываться. Следом вылез высокий седоватый человек, видно – главный у них, и начал с громкими шутками-прибаутками ходить по кругу, завлекая народ на представление. А зеваки уж и сами подтянулись, ребятня с криками бежала со всех сторон, ожидая невиданного развлечения.

Тут из повозки показался до того здоровенный мужчина – все в голос ахнули от удивления! Кряжистый такой, с вислыми усами, а рубахи на нем вовсе не было – он мышцами, знай себе, поигрывает – и кожаным поясом перетянут. Занавеску отодвинул и вытянул из повозки чугунные гири – по два пуда, не меньше! – и еще толстую, железную цепь и свернутый канат. Потом приставил деревянную лесенку и свел на землю такую пышную кралю, что толпа снова ахнула, а среди мужеской части даже присвистнули, теперь от любования. Какой-то наглец заулюлюкал, но от крепкой затрещины стих – чай, ты не в кабаке!

Тем временем в середине круга, вроде сам собой появился маленький столик, платком накрытый, и пышная красotka стала из-под него вынимать и подавать их главному всякие занятные штуки: блестящие кольца, свистульки на все лады, ленты и шарики. Принялся он их ловко вверх подбрасывать и ловить на лету, не глядя. Они у него из руки в руку перепархивали, да так быстро мелькали, что глазам невозможно уследить... Взял длинную красную лента, а она вдруг разлетелась на кусочки. Потом смял их все в кулаке, и глядь – превратилась в целую. Потом, как из воздуха, этот фокусник выхватил колоду карт, и тут пошла настоящая потеха! Он медленно обходил по толпу зевак, творя чудеса перед самым их носом. Вши-ик! – в миг распустит всю колоду, то вокруг широким веером, то волнистой змеей. Вытаскивал – и ведь не разу не ошибся! – названную кем-нибудь карту. А то достанет ее у одного из-за пазухи, у другого из-под воротника, даже из-за уха! При этом балагурил, не переставая, и никого не пропустил – на всех острое словцо нашлось. Народ просто умирал со смеху! И монеты щедро сыпали, когда мальчик пошел с блюдом по кругу.

Потом на середину снова выплыла пышная краля с двумя белыми собачками. "Прошу любить и жаловать нашу очаровательную Розали!" – возгласил главный Фокусник. Собачки умели разные трюки: через обруч прыгали и друг через дружку, на задних лапках кружились, и вместе складно так повизгивали. А мальчик играл им на дудочке. Забавные та-

кие собачки. Детишки смеялись и тянули к ним ручонки, матери едва удерживали. Все хлопали в ладоши. Тогда Фокусник попросил публику сдать немного назад – сделать круг пошире, и на ковер выкатились колесом те двое кудрявых молодцов. И чего только они не вытворяли! Лихо пополам складывались – затылком чуть не до пяток доставали, через голову кувыркались, и на руках ходили, и веретеном крутились... Непонятно, как совсем не переломились и шеи себе не свернули! Народу они тоже очень понравились, все громко хлопали в ладоши и одобрительно гудели.

Потом в центре стал тот дюжий силач с гирями и давай разминать руки и ноги, выказывая себя со всех сторон. А мальчонка, пригнувшись под тяжестью, пронес по кругу цепь, чтобы все, кто сомневается, могли потрогать и убедиться, что она вправду железная. Фокусник их представил так: "Прошу приветствовать – наш силач Лукки и малыш Жанно! Силача мы с вами, пожалуй, отпустим – он, как видно уже притомился, зато малыш только во вкус входит!" И мальчик, поклонившись, отбежал к повозке. Зрители хохотнули, оценив шутку, но тут же стихли и замерли в ожидании... Да, такой силищи никто из них, отродясь не то, что не видел, но и представить не мог. Все разинули рты... Ноги у малыша Жанно были, как намертво врытые столбы, а бугры на руках так мощно выпирали, будто сами гирями сделались. Он с плеча на плечо перекидывал чугунные гири – и через широченную спину, и по груди перекатит, и подбросит, и вертит

по-всякому. А в конце уперся половчее, набычился да поднапружился – и как клещами, разорвал железную цепь своими ручищами! Вся толпа громко выдохнула – как один, и бурно забила в ладоши. Жанно степенно поклонился зрителям и обернулся к повозке.

Откинулась занавеска, и на руки к силачу спорхнула... Птица не птица – цветок не цветок? Девушка в лазоревом платье, почти еще девочка и тонкая – что твоя тростиночка! Русые локоны по плечам выются, улыбается так светло и нежно – чисто ангел небесный, а платьишко едва колени ей прикрывает. Народ совершенно обомлел... Кто расплылся по-дурачки, и чуть не облизывался, как вороватый кот на сметану. Кто прям-таки оцепенел, по-рачьи вытаращился и глазами молча ее пожирает. Девицы смущенно хихикнули и впились в циркачку придирчивыми взглядами, но не нашли и малейшего изъяна. А некоторые из жен пытались вытащить своих мужей из толпы и увести, да куда там – приросли к месту! А силач, держа ее на одной руке, бережно опустил на ковер. Над толпой пролетело "а-ах!..", как ветер по полю... Когда все угомонились, Фокусник ласково поглядел на нее, по волосам погладил и сказал: "Прошу вас любить и жаловать нашу несравненную Мариэллу!"

За это время двое тех кудрявых, что всяко выкрутасничали, уже натянули тонкий канат, одним концом привязав его к задку повозки, а другим – к коновязи, где распряженные лошади стояли. Силач крепко похлопал по канату, подергал,

проверяя – надежно ли закреплен? Подставил девушке ладони, одним махом ее подхватил, как пушинку, и она легко прыгнула на канат. Раскрыла большой яркий веер, взмахнула им, покачалась вверх-вниз... Чуть переступила, примеряясь... и побежала по канату. На ней были... вроде носков из тонкой кожи, шнурками перехвачены. А сами ножки точеные, сахарные! Добежала до коновязи, гриву у лошади потрепала – та ей радостно закивала. В мгновение ока крутнулась вокруг себя – воздушное платье юлой обвилось, а рукавчики, словно крылышки у мотылька, взметнулись. И пошла павой, мелко-дробно перебирая, словно чечетку задорную отбивала! Хоть канат и не слишком высоко был натянут, а все же за плясунью становилось боязно. Все затаили дыхание...

* * *

Стоял в толпе и один парень, ничем вроде не примечательный. Только глаза были грустные-грустные... И серые, чуть в синеву, среди других, темных – наособицу. Парень подошел, уже когда Фокусник колдовал с картами, но изда- лека плохо было видно. Он помаленьку стал подвигаться по кругу вбок, на каждом шаге будто ныряя. И похоже, ему надо было не только все увидеть – слишком упорно пробирался он сквозь толпу. Когда вышла краля с собачками, он уж добрался до самой коновязи. Тут круг зрителей размыкался,

и стало понятно, почему он шел так чудно, припадая – одна нога у него была согнута дугой. Парень пристроился с краю поудобней, достал из холщовой заплечной сумки тонкую дощечку и кусок грубой бумаги. Почти под мордой у лошади стал быстро чиркать заточенным угольком, взглядывая исподлобья на циркачей. И глаза уже не были грустными, даже повеселели, особенно когда он смотрел на забавных собачек и мальчика с дудочкой. А вот тех двоих, что колесом крутились, он и не пытался зарисовывать – так быстро они мелькали, не уследишь! Просто смотрел, дивясь их необычайной ловкости. Зато силача Жанно с гирями можно было не спеша изобразить во всех видах.

А потом один из кудрявых звонко ударил в бубен – словно пригоршня серебряных монет раскатилась. Второй загудел и засвистал на губной гармонике. И на канат вспорхнула несказанной красоты девушка. Сердце у бедного парня оборвалось и заколотилось где-то глубоко-глубоко... Он так и замер, прижав руки к груди... Весь в одни глаза превратился! Так и смотрел на нее с оборвавшимся сердцем, чуть не умер от счастья... Надобно сказать, что кроме своей сестры, он ни одной девушки близко не видел. Разве что соседскую дочь – уж до того неприглядную, да чей-нибудь затылок в церкви. И вдруг Мариэлла! Ножки точеные у самых его глаз. Когда она подбежала к лошади, а парень смотрел, как зачарованный, они взглядами и столкнулись... Его как в пламя огненное бросило... Но быстро опомнился, будто какая мысль

толкнула, и торопливо замелькал угольком по бумаге.

А девушка плавно скользила по канату на самых кончиках пальцев – словно по воде лебедушка! – и он успел до мельчайших черточек всю ее зарисовать. Вдруг она вскинула ногу – чуть не затылка коснулась, и тут же опустилась на колени. Вытянула другую ногу вдоль каната и отклонилась назад, веером ярким затрепетала. Все забыли дышать... Ни аха, ни звука – во все глаза глядели! А Мариэлла резво вскочила и пошла, весело постукивая одной ножкой о другую при каждом шаге. Быстрым прыжком повернулась и на ощупь, мелко-мелко засемила назад, взмахивая веером и безмятежно улыбаясь.

В неземном блаженстве парень не отводил взгляда от изумительной плясуньи. Может, Фокусник выкрал девочку в каком-нибудь городе, да еще у знатных родителей? Нет, глупости... Как простому трюкачу попасть в богатый дом, где на каждом шагу слуги, мамки и няньки? Какой только ерунды не приходит ему в голову... Но удивительно тонкое и нежное у Мариэллы лицо, и волосы необычайно светлые. Откуда в их краях такое диво? Хотя глаза у нее карие, но совсем не темные, а на солнце даже золотистые. Будь она бойкая, черноволосая и жгла вокруг глазами, он бы и не думал на нее любоваться. Не от всегдашнего смущения, а просто душа к таким не лежала. А Мариэлла – поистине небесное создание! Юбочка едва колени ей прикрывает, а мыслей дурных не появляется. Если бы у другой – стыдоба и только, а от нее

глаз не отвести – чистая красота!

В конце ее выступления силач Жанно опустился на одно колено и ухватился рукой за канат. Бубен рассыпал последнее серебро, гармоника пустила заливистую трель... Мариэлла одним легким прыжком обернулась к Жанно и по руке взбежала ему на плечо. Сияя улыбкой, она посылала на все стороны зрителям воздушные поцелуи. Что тут с народом сделалось – словами не передать! Толпа неистово вопила и так рукоплескала, отбивая ладони, будто со всех домов в округе с грохотом посыпалась черепица! А в довершении общего восторга, Мариэлла раскинула руки, и прямо с неба к ней слетели три белых голубя. Все разом стихло, точно по волшебству. И правда, всюду этот нехитрый фокус казался чудом. Потом уж спохватывались, что у циркачей и собачки ученые, и даже птицы. Но в первый момент зрители повсюду застывали, как замороженные. И парень тоже благоговейно замер. А звали его Габриэлем.

* * *

Потом снова вышла краля с мальчиком и собачками. Габриэль понял, что представление еще продолжится, а у него совсем закончилась бумага, да и та дрянная. Вот если бы купить хорошей у рыночного писца, чтобы нарисовать Мариэллу. И Габриэль торопливо захромал к тому месту, где обычно сидел человек, писавший на заказ письма и прошения.

Вот он! Писец сидел на низкой скамеечке, а столом ему служил высокий табурет. От нечего делать он лениво поглядывал вокруг и не спеша очинивал перо. Габриэль бросился к нему, как утопающий: "Будь добр, продай мне пару листов бумаги! А писать вовсе ничего не нужно." Писец окинул его хитрым взглядом. Глаза у парня полыхают, руки дрожат – видать, позарез нужно. Назвал свою цену, да с лихвой. Габриэль отступил на шаг: "Нет у меня таких денег, на один только хватит... – но тут же отчаянно зашептал ему – Вот, посмотри, я циркачей там рисую. Может, тебе тоже нарисовать? Уступи второй лист, а я потом деньги принесу, вот те крест!" Писец кивнул: ладно бери, да смотри – без обману! Габриэль побожился, и как на крыльях, своей утиной походкой радостно заковылял обратно.

Когда он вернулся, Жанно перекидывал гири, и Габриэль лишь немного поправил прежний рисунок, а хорошую бумагу тратить не стал. Тут к нему сбоку прижался какой-то человек, глянул с любопытством, подышал в ухо и спросил – а его он мог бы нарисовать? И дорого ли возьмет? Габриэль сперва растерялся и чуть было не согласился без платы. Но быстро спохватился и ответил – два листа бумаги или их цену. Человек, не торгуясь, достал из-за пояса деньги и принял важную позу. Габриэль прищурился на него и начал рисовать. Провел углем несколько линий – и вот уже появились кустистые брови, орлиный нос и оттопыренная губа. Портрет вышел очень осанистый, и заказчик ушел довольный. Не успел за-

кончить одного, как за ним уже толкался следующий, и еще кто-то сбоку выглядывал... Габриэль сказал, что бумаги у него больше нет, а кто хочет быть нарисованным, пускай сам приносит. Но тут снова выпорхнула Мариэлла, и Габриэль, забыв все на свете, рисовал только ее... Вот когда понадобились те хорошие листы!

Обходя круг с картами, Фокусник все косился в сторону коновязи, где около какого-то парня собралась кучка людей, все суетились и тянули головы, заглядывая ему под руку. Наконец поравнялся с ними и весело любопытствовал – чем же он так завлек зрителей, что и про его фокусы позабыли? Габриэль страшно смутился, но показал начатый рисунок. Перед ним как раз стоял вертлявый парень, изображая гордый вид на лице. Фокусник посмотрел и одобрительно засмеялся – ведь и правда, очень похож! А Мариэлле ты, конечно, уже нарисовал – покажешь мне? Залюбовался на рисунок, даже языком поцокал, очень похвалил! Потом что-то подумал про себя, потер щеку... Сощурился на Габриэля, да и говорит: "Послушай, ты не уходи сразу. Кликни меня – поговорить надо!" И уже отходя, обернулся к нему: "А как звать тебя?". "Габриэль".

Глава 2

В городе его называли Хромой Габриэль или просто Колченогий, без имени. И все понимали, о ком речь – больно уж приметное было увечье. Однажды, еще по глупому малолетству, он выбежал со двора и на улице стал разглядывать тележку водовоза, оставленную хозяином. Многим ведь мальчишкам это любопытно. Да еще сунулся что-то вблизи потрогать. А лошадь в это время возьми и переступи... Нога-то у него под колесо и попала. О лютой боли мальчонка так закричал, что сбежалось пол-улицы. А он сознания лишился, и долго-долго еще снился ему тот ужас... Вот так на всю жизнь Габриэль калекой и сделался. Колено совсем не сгибалось, а нога вывернулась дугой вбок. И ходил он, сильно припадая на одну сторону, и спина порой болела. Матушка его по сей день винила себя, что не уследила тогда за ним. Вообще, родители до сих пор относились к нему, не сказать, чтоб как к неразумному дитяте, а считали вроде не от мира сего. И, видно, до седых волос их не разубедить. А ему обида...

Ребячество в нем, конечно, было, но вовсе не от глупости, а от всяких затей, приходивших в голову. Вот смастерил матушке полочки с резными цветами, но это позже. А еще совсем мальчонкой придумал для сестренки куклу. Вырезал фигурку из дерева, нарисовал личико и приклеил волосы из пакли, очень красиво получилось. А как-то раз сделал из ве-

ревок для щенка упряжь, как у лошади. Потом приладил маленькую корзинку, и щенок возил в ней по двору сестрину куклу. И дармоедом, несмотря на увечность, Габриэль никогда не был. В их семье спокон века все становились бочарами. И отец его, и дед, и дальние прадеды этим промыслом занимались. Габриэль тоже умел делать почти всякую работу. Только гнуть крепкие обода для бочонков и вбивать тугие днища ему было не по силам. А в прочих навыках он не уступит ни отцу, ни старшему брату.

Да еще матери по хозяйству помогает. Брату и с женой надо побраниться, и детишек поучить уму-разуму, и с приятелями в кабачке поболтать да винца выпить. А Габриэль все при доме, некуда ему ходить. Соседские ребята, как беда его приключилась, не шибко хотели водить с ним дружбу. Куда они с таким калекой? Сами посудите, разве он им компания? Ни побегать, ни поозоровать, а уж когда все зажихались с девушками, то и подавно! Раньше у него в подружках была любимая сестра, но теперь она вышла замуж. У нее своих забот полон рот, скоро ребеночек появится, и родителей навещать недосуг.

Было у Габриэля и сокровенное мечтание – самое заветное, да только несбыточное... Больше всего на свете он любит рисовать. Еще мальчонкой играя на дворе, все царапал по земле прутиком. А однажды разрисовал углем табуретки в кухне. Матушка перепачкала об них всю юбку, но не заругала его, а только рассмеялась. И стала отдавать ему бумаж-

ные кулечки, куда бакалейщик в лавке заворачивал сахар. Это было почти счастье. На серой шершавой бумаге он прихотливо рисовал отточенным угольком и очень ее берег. А потом дорос и до белой кухонной стены, всю разукрасил диковинными зверями и птицами. Отец тогда страшно рассердился, что его недавние труды пошли насмарку. И матушке долго пришлось его уговаривать – не сердчай, мол, пусть бедный мальчик хоть немножко порадуетя... Отец потом, будто нехотя, разглядел все рисунки и одобрительно крикнул – ишь, чего сынок удумал... А ведь ловко получается!

* * *

Четыре года назад они всей семьей по обыкновению пошли в церковь на воскресную службу. И очень удивились, что внутри вся боковая стена закрыта лесами, видно ее решили обновлять. И в самом деле, старинные росписи давным-давно потускнели и уже кое-где начали осыпаться. Священник перед началом проповеди радостно известил прихожан, что наконец-то нашли подходящего иконописца, который приехал заново расписать их церковь. Габриэль шепотом упросил отца, чтобы он позволил ему остаться после службы и посмотреть поближе.

Когда все разошлись и церковь опустела, из боковой двери вышел незнакомый человек. Красивый, серьезный, не слишком приветливый. Габриэль почтительно ему поклонился.

нился. И вдруг заговорил сбивчиво, заливаясь жгучим румянцем... Сказал, что сколько себя помнит, все время что-нибудь рисует. Но ему не у кого поучиться. Не возьмет ли художник его к себе помощником и самым младшим учеником? Он сейчас быстро принесет свои рисунки, и если они понравятся... Он был бы так счастлив! Красивый человек покосился на ногу Габриэля и с сомнением ответил: "Что ж, приноси... Посмотрим, выйдет ли из тебя толк. Но сможешь ли целый день на ногах?"

Габриэль на это лишь самую малость смутился. К таким взглядам давно уже привык, головой в плечи не уходил, и ведь не в скороходы же нанимался. Он торопливо закивал: "Смогу. Я буду очень стараться! Все-все делать, что велите!" Ах, если бы художник взял его, сколькому он смог бы научиться! Это же невысказанное счастье – рисовать настоящими цветными красками, а не печным углем. Он так мечтает стать хорошим мастером и принести пользу их приходу! Может быть, тогда люди начнут принимать его всерьез, а не только любопытствовать и жалеть убогого.

Полгода пробыл он вторым учеником. Сначала на всякой подсобной, черновой работе – убрать, помыть кисти, растереть краски. Но со временем художник доверил ему кусочек росписи внизу стены – сколько Габриэлю хватало росту с вытянутой рукой, еще и старый ящик подставлял. И два раза даже похвалил его! Но вот Габриэль стал замечать, что наставник им не вполне доволен, но не понимал, в чем прови-

нился? Страдал молча, весь извелся... Каждый взгляд ловил, а художник как будто избегал его... Наконец, в один ужасный день решился спросить, и услышал беспощадный приговор. Такой калека, как он, никогда не сможет расписывать церкви, потому что не сумеет вскарабкаться на леса. Лучше уж ему сразу уйти. Он мог бы разрисовывать дамские веера и медальоны или еще какие домашние украшения. Но про большие фрески придется забыть. А ведь Габриэль ни разу не заикнулся, что ему трудно подолгу быть на ногах. Превозмогался и всегда с готовностью вскакивал по первому слову. И руки у него очень крепкие. Но вышвырнули, как негодного щенка, и не обернулись.

Было ему тогда пятнадцать лет, а он почувствовал себя изжившимся стариком. Криком кричала, безутешным стоном исходила душа... И все рвалось куда-то ретивое, как пойманная птица... Но крепче железной была его клетка. И мало-помалу смирился Габриэль со своей участью. Тихо томился, никому не жалуясь... Настырности в нем отродясь не было, да и что ему оставалось? Лишь однажды стал умолять отца, чтобы позволил ему уехать в большой город. А денег дать только на самое первое время, а потом он уж сам прокормится. Но отец не только не отпустил, но и не подумал с ним миндальничать. Как отрезал: "Нечего дурить! Я и наперед знаю – все то же будет, что тогда в церкви. Напрасно тебя послушал, а впредь потакать не стану. Ремесло в руках есть, и работай! Опамятуйся, куда ты из родного дома – бес-

приятно мыкаться?" И с тех пор не давал ему ни гроша. Не от скупости, а боялся, что сын уйдет из дома и где-нибудь сгинет. Хорошо, матушка изредка да тайком совала ему монетку на лакомство.

Однажды, собравшись с духом, Габриэль открылся на исповеди их приходскому священнику. Тот долго тот говорил с ним, но ничем горемычного не утешил. Как водится, вразумлял, что надобно смириться со своей долей, не упорствовать в гордыне и почитать отца. Что увечье послано ему Богом для испытания души и обережения от мирского тщеславия и греховных соблазнов. Безнадежно кивнув, Габриэль покорился судьбе и больше уж никаких чудес не ждал. А дни тянулись за днями – все безликие и пустые, как их бочонки.

Глава 3

Цирковое представление закончилось. Двое кудрявых с тарелкой и Фокусник пошли по кругу, собирая плату. Габриэль положил очень щедро, Фокусник даже вскинул бровь, приложил руку к сердцу и хитро подмигнул. Он, как обычно, сыпал прибаутками: девицам знатных женихов пожелает, парням – богатых невест, мужчинам – прибыльной торговли, их жен за красоту похвалит. А пожадничавших, да еще вставших в первый ряд, так хлестко высмеивал, что они пятились назад под общий хохот. Всех приглашал снова приходиться на второе представление, когда жара спадет, и скрылся в повозке.

Габриэль еще постоял в сторонке, выждал, пока все разойдутся. Наконец набрался смелости, и не зная – как позвать, с колоотящимся сердцем окликнул снизу: "Вы просили не уходить... я здесь." Фокусник выглянул и быстро спустился, что-то дожевывая: "Молодец! А у меня к тебе разговор. Ты, я вижу, парень серьезный, и рисуешь отменно. Не возьмешься ли заново разрисовать нашу повозку? Видишь, как облупилась. Ради такого дела я бы задержался тут на два-три дня, а о цене, думаю, мы столкнемся. Что скажешь?" Габриэль аж задохнулся от счастья и от страха. Сердце подпрыгнуло и забилось пойманной птичкой где-то в горле... "Да я не помню, когда краски в руках держал... Не знаю, смогу ли?" Фокус-

ник похлопал его по плечу, подбодрил: "Сможешь! Ты хорошенько подумай до вечера и приходи." Ему уже давно хотелось обновить их пострадавшую от дождей повозку. И он видел, что Габриэль от души расстареется, а не просто намаляет для заработка. И без всяких фокусов понимал, почему – ради Мариэллы. Это было ясно, как божий день.

* * *

К обеду Габриэль решил домой не ходить. Отныне он будет сам по себе. Всю нужную работу для отца справил, а остальное – что в мыслях и что в сердце, никого не касается. Купил поблизости хлеба и козьего сыру и отправился на окраину города. Было у него любимое местечко возле пролома в старой крепостной стене. Там журчала маленькая речушка и бежала потом извилисто через весь город. По воскресеньям он иногда приходил сюда, когда отец с братом отправлялись в трактир выпить по стаканчику с приятелями и обсудить скучные местные новости. А Габриэль устраивался в тени деревьев и думал о разном, глядя на текущую воду... Или на развалины каменной стены, увитой цепкими кустами дикой розы. Разглядывал красивый цветок или бабочку на травинке и горько сожалел, что не чем было нарисовать эту нежную красоту – не углем ведь. Еще представлял, как в древности жители их города отбивались тут от нападавших врагов – кровожадных сарацинов, смутно вспоминая расска-

зы своей бабушки. А теперь здесь никого не встретишь, только плещутся поодаль в речке озорные мальчишки, пасущие коз.

Габриэль скинул рубаху, умыл разгоряченное лицо и руки, подставил их солнцу... Напился прохладной воды и уселся на берегу перекусить хлебом и сыром. Потом блаженно растянулся на траве, прикрыв глаза... Натруженное колено очень устало и мозжило, зато в кармане позвякивало еще несколько заработанных монет. А в холщовой сумке – полдюжины листов бумаги, он забрал все, что оставалось у писца. И сегодня он снова увидит и будет рисовать прекрасную Мариэллу! Сквозь листву весело золотились солнечные блики. Точно так же смеялись золотистые искорки в ее карих глазах. Габриэль счастливо жмурился и улыбался. Конечно, он возьмется разрисовать им цирковую повозку. Поборет свою извечную робость и сделает. Да так, что все подолгу будут смотреть вслед! Для нее одной, на память...

Он все хорошо помнит, чему учил его художник в церкви. Как из-под кисти постепенно возникало чудо – Спаситель на небесном троне, лучезарная Пречистая Дева, ангелы в облаках и святые мужи вокруг. О, если бы перед ним была гладко оштукатуренная белая стена, а не дощатая, обтянутая грубым полотном... Только нужны краски, а где их достать? Ни в одной из городских церквей, кажется, ничего сейчас не расписывают. Может, все-таки отказаться, пока Фокусник не увидел, какой он никчемный человек? И вдруг не получится

нарисовать так, как задумал? Нет, лучше сразу отказаться, чем осрамиться перед Мариэллой. Хороша же будет о нем память...

Но целых три дня быть подле нее! Знать, что она совсем рядом – за тонкой стенкой повозки. Видеть ее, и может статься, даже говорить с ней! А она когда-нибудь ненароком вспомнит о нем, странствуя по дальним дорогам. Габриэль вдруг сел, обхватив здоровое колено. Мучительно сгорбился, уткнувшись в него подбородком. "А ведь я больше никогда ее не увижу. Как мне жить дальше? Без нее... и зачем? Сбивать изо дня-в день опостылевшие бочонки? Изо дня в день, до самой смерти. До самой смерти..." И ничком повалился на землю, и заплакал.

* * *

Перед вечерним представлением Габриэль загодя устроился на своем месте у коновязи и нетерпеливо ждал. Часто поглядывал на повозку – не колыхнется ли занавеска? Начал собираться праздный народ... Теперь детей почти не было, а подходили все больше гуляющие парочки. Занавеска не качнулась, даже не дрогнула, но пара любопытных глаз в дырочку пытливо изучала Габриэля. Давеча Мариэлла из-него оступилась, когда вдруг увидела те синие, почти бездонные глаза... Она еще ни разу с каната не падала и вовсе не знала страха. Это рано умершая мать всегда поддерживала и обе-

регала ее с небес. Но сегодня чуть не сорвалась... Хорошо, что рядом была перекладина коновязи и голова их лошади! Мариэлла чуть оперлась ногой, а рукой потрепала лошадиную гриву, и вроде никто ничего не заметил. А синеглазый парень опять стоит на том же месте. Бедный, как у него искалечена нога!

И вот окончилось представление, народ разошелся. А Габриэль все стоял и стоял неподвижно, уставясь в землю. И Фокусник его не торопил – искусный парень, видно, робкого десятка. И немудрено, когда судьба так не задалась. Уже втащили в повозку скатанный ковер и приторочили сзади плетеную клетку с голубями. Уже кудрявые запрягли лошадей. А Габриэль все ждал чего-то, стиснув руки, и беззвучно шевелил губами... Молился или сам с собою спорил? Вот промелькнула Мариэлла, переодевшись в белую блузу, черный шнурованный корсаж и полотняную синюю юбку. И стала похожа на всех других девушек, хотя он узнал бы ее из тысячи, даже со спины.

Тут Габриэль словно очнулся, неуклюже подошел к Фокуснику, и как в воду бросился: "Я распишу вам повозку, я постараюсь. Только не знаю, где можно найти краски?" Фокусник обрадовался: "Ну, это не беда. Завтра похожу по городу, поспрашиваю." Но парень еще что-то хотел сказать, только не решался. Наконец, опустив голову и запывав лицом, выдал: "Позвольте мне ехать с вами!" И умоляюще поднял глаза: "Я не буду вам в тягость, вот увидите! Все-все

буду делать, что потребуется. Если починить что или за лошадьми ходить. И везде буду рисовать на представлениях, кто попросит. Вот возьмите – это я за сегодня заработал и то еще не сразу начал. Только позвольте ехать с вами!"

Фокусник был в сильном замешательстве: "Ты хорошо подумал, чтоб так, в одночасье уйти? Мы же век на колесах, угла своего не имеем, и всякое случается. А родители у тебя живы?" Габриэль кивнул и снова потупился... А Фокусник все сомневался и сверлил его взглядом: "Не приведи Бог, если они тебя не простят! Всю жизнь будешь расхлебывать." Но Габриэль бормотнул глухо: "Все равно..." Фокусник вздохнул: "Что ж, договорились. А деньги у себя оставь, потом краски купим, может, еще и добавить придется. Значит, завтра как рассветет, приходи на постоянный двор – знаешь ведь, где? Пораньше тронемся, путь не близкий." На том и расстались.

* * *

Домой Габриэль возвращался, как пьяный – ног под собой не чужа... За ужином матушка беспокойно на него поглядывала и даже пощупала лоб: "Сынок, ты, часом, не захворал? Лицо какое-то странное и глаза блестят, не жар ли?" А он и правда был, как в чаду... "Нет, просто устал на солнце, лягу пораньше." Отец по обыкновению угрюмо заворчал: "И где тебя все носит? Целый день проболтался со своими ри-

сульками. Не вздумай мне разболеться – завтра за работу!" Отец у него не злой, просто он ничего, кроме их бочонков, в жизни не видел. Встав из-за стола, Габриэль поклонился родителям. Матушка благословила его на ночь и поцеловала в голову. Сердце больно защемило... Габриэль ткнулся ей в руку и чуть не заплакал. Он знал наверняка, что больше ее не увидит.

Пошел к себе в каморку, увязал в шерстяную куртку кое-какие пожитки. Горячо помолился, чтобы все удалось по задуманному, и склонился около свечи над прощальным рисунком. Грамоты в их семье не знали, а перед матушкой ему надо повиниться. Любовно нарисовал ее, как только что видел в кухне – в чепце, в фартуке, с засученными рукавами. И себя на коленях перед ней, с низко опущенной, покаянной головой. А наверху, как бы парящую вдаль и зовущую его, крохотную Мариэллу. Чуть подумал и несколькими черточками добавил позади матушки отца – пусть поважничает.

Но куда лучше положить рисунок? Надо так исхитриться, в таком месте оставить, где его наверняка вскоре заметят. Чтобы у матушки сердце не разорвалось, когда наутро хватятся – а его нигде нет. Но и не совсем рано, а то сразу кинутся искать. Габриэль приотворил дверь и послушал, прильнув к дверной щелке – кажется, все спят. Тихонько прокрался в кухню. Может, подсунуть под ларь с мукой? Нет, матушка тут же увидит – мука для лепешек нужна. Глиняные миски, кувшин с маслом, перевернутые горшки... Под один из

горшков? Но неизвестно, когда он понадобится, вдруг через неделю? Положу-ка лучше в корзинку с чесноком, что стоит в чулане – к обеду матушка непременно в нее заглянет. Но их повозка к тому времени будет уже далеко. Габриэль, не раздеваясь, прилег, но мог сомкнуть глаз. Почти до света метался, как в лихорадке... А когда чуть забрезжило, крадучись и стараясь не стукнуть засовом, отпер дверь и вышел. Никого не встретив, благополучно добрался со своим узелком до постоянного двора. Присел около знакомой повозки и стал ждать... Внутри было тихо, все еще спали. Скорей, скорей бы первый луч! Наконец вошло солнце, и они тронулись в путь...

Глава 4

Вот уже год, как Габриэль колесил по свету с циркачами. Больше всего он старался не доставлять им лишних забот и какого-нибудь ущерба. В первое время даже ел, как можно меньше. Но Фокусник это заметил и отчитал: "Не вздумай голодать! Что проку, если ты зачахнешь?" А прок от Габриэля был заметный, он своими рисунками зарабатывал деньги наравне с выступавшими на ковре. В пути, как и остерегал Фокусник, всякие непредвиденности случались. В одном городе властвовал очень строгий епископ, и им велели убраться подобру-поздорову. Было и такое, что пришлось уносить ноги от грабителей. На счастье, в повозке всегда припрятано два пистолета. Один надежный, проверенный, а второй так – пугач огородный, но вида внушительного. И лихие люди их не тронули.

А в общем, жили весело и скучать было некогда. Фокусник ничего Габриэлю не указывал, как расписывать повозку, а сказал – делай по своей мысли. В ближайшем городе он удачно сторговался с церковными мастерами. Габриэль на страх и риск выбрал краски и все, что требовалось. С наслаждением растирал их в пальцах, вдыхал полузабытый волшебный запах... Страх как волновался, начиная свою работу. Но после вошел во вкус – не остановишь. И он не оплошал – повозка удалась на славу! Мариэлла невесомо порхала по

канату с ангельской улыбкой. И остальные трюкачи, и даже собачки вышли, как живые. Фокусник был очень доволен, и вообще всем Габриэль пришлось по сердцу. Розали по-сестрински опекала его, а двое кудрявых всячески помогали, когда он рисовал. Одного из них звали Бланше, другого – Нико. Они все время подтрунивали друг над другом и задирались, как щенята, но часу не могли пробыть врозь. А Мариэллу все называли по-домашнему просто Мари, и Габриэлю тоже разрешили. И до того было трогательно произносить ее имя!

Они с ней в несколько дней подружились, будто вместе выросли. Мари принялась учить его грамоте, а Габриэль в благодарность рассказывал ей разные истории. И что когда-то слышал от бабушки, и что запомнил на церковных службах из Священного писания. Вообще, Мари не была набожна, как все они. Многие из библейских рассказов и притч были ей внове. Зато она бережно хранила молитвенник матери в память о ней, хотя почти не раскрывала. Но Габриэля всегда слушала с удовольствием. А он втайне мечтал подарить ей серебряное колечко. Даже утаил немного денег, но все не смел, не решался... Разве можно вот так, будто своей суженой? Да кто он перед ней – такой красавицей, такой желанной? Калека колченогий... Мари была очень ласкова, жалела его по доброте, но и только. Никогда в жизни не был он так счастлив, как возле нее. И никогда с такой болью не саднило в душе. Не прежней тупой тоской, а острой иглой в самое сердце.

После ужина они с Фокусником сидели на постоянном дворе около своей повозки. Фокусник покуривал трубку, а Габриэль просто так, рядышком, к табаку он еще не пристрастился. Все давно улеглись спать, а они тихонько разговаривали да поглядывали на южное небо... А звезд было видимо-невидимо, и чудо, каких ярких! Фокусник для ночлега обычно спрашивал две комнаты, одну – для Мари и Розали, вторую – себе и маленькому Лукки. Ради уважения от хозяина – чтоб не считал их за табор, и чтобы красавицы были под приглядом. А мужчины ночевали в повозке. Фокусник старался себя не ронять, и никогда не показывал фокусов просто для потехи постояльцев. Только если развязанные кошельки опережали просьбы.

А сейчас он досказывал очередную байку из их кочевой жизни. Габриэль любил его послушать – чего только занятного и поучительного не узнаешь! Ночь была теплая, бархатная. Не ночь – а дивная благодать... Сладко пахло цветами, без умолку звенели цекады... Изредка фыркали под навесом лошади и где-то среди ветвей посвистывала ночная птица. Фокусник взглянул на повозку, где легко порхала нарисованная Мари, обнял Габриэля, потрепал отечески по плечу: "Эх, тебе бы не с нами ездить, а поступить в подмастерье к хорошему художнику! А потом найти в большом городе стоящую

работу." Габриэль уронил руки на колени, ткнулся в них лицом и обреченно вздохнул. Фокусник утешительно погладил его по голове – допекли парня...

Не сдержал Габриэль слез... Стал мучительно вспоминать, как его прогнал от себя художник, из-за увечья прогнал. Возразить ему было нечего, но как же больно слышать! Какое выпало несказанное счастье, когда он принял его в ученики, и чем все закончилось... А он твердо уверен, что смог бы стать хорошим мастером. Фокусник молча вздыхал над горестной историей, попыхивая трубкой. В жизни никто с такой отзывчивостью Габриэля не слушал. Именно так, как просила истосковавшаяся душа... Отец сходу обрывал начатый разговор, а матушка начинала жалеть, не вникая. Где ей, с вечными горшками да сковородками, понять его маету? И вздохнув, он шел принести ей дров или брался за веник.

А Фокусник, чувствуется, искренне хотел бы ему помочь. "Никто своей судьбы не ведает, а другие – и подавно. Но стезю, ему назначенную, человек сердцем угадывает. И ты погоди отчаиваться, мы что-нибудь придумаем. Может еще выпадет тебе удача, не пропадать же с таким редким умением!" Габриэль не спорил и молча кивал... А про себя-то знал, что никуда от них вовеки не уйдет. Что одной он дышит отрадой, и одна у него стезя – быть рядом с Мари и всей душой служить ей. Всю жизнь ради нее положить, сколько сил достанет... И пока она с другим не пойдет под венец. Но таких слов он и под пыткой не осмелится произнести вслух.

Фокуснику тоже захотелось поговорить по душам: "И я ведь когда-то сбежал... Мало того, увез с собой девушку – будущую мать Мари. Элиза была дочерью хозяина цирка, а я в тех краях странствовал в молодости. Всегда мне было скучно на одном месте. Увидал их представление и решил в лепешку разбиться, чтобы в том цирке работать. Главное, увидел чудесную девушку, которая танцевала на канате – дивно танцевала! Влюбился в нее, как и представить себе не мог, хоть был уж не мальчик и разные встречал в жизни искушения. Но тут все на свете забыл! Хозяин, ее отец, велел показать – что я умею. Ему понравилось, и он позволил участвовать в нескольких представлениях, а там видно будет. Но вскоре меня до ненависти невзлюбил, заревновал ко мне свою дочь. Кто я такой? Перекати поле, без гроша за душой. А с Элизой мы лишь взглядами обменялись, и все было навеки решено!

Через короткое время ее отец вовсе отказал мне в работе, тем более что у них в цирке уже был свой чудесник. Элиза робко заикнулась, прося за меня, но он стал метать такие громы и молнии, что о согласии нечего было и думать. Одним словом – выгнал взашей. А она осмелилась бежать со мной, не раздумывая. Так горько плакала и говорила, что не переживет нашей разлуки. Я тоже любил ее без памяти и взял грех на душу, увез девушку от отца. Он нас обоих проклял вслед. По его злобе потом и вышло.

Сначала все было хорошо, по дороге мы обвенчались в

маленьком городке. Прибились к странствующему цирку и жили очень счастливо. Я работал, как одержимый для своей Элизы, старался подкопить на будущее. Она ведь ушла в чем была, только немножко карманных денег на булавки. Это одному мне ничего не нужно, а ради жены горы пытался свернуть. Однажды в большой праздник, когда повсюду веселье и по улицам гуляют ряженые, я счастливым случаем попал в вельможный дом. Там было много знатных гостей, столы ломились от угощений, а вина – море разлитое... И до того всем понравились мои фокусы, что разгулявшийся хозяин очень щедро меня наградил. Прямо сказать – сверх меры. Я сразу смог купить лошадь с повозкой и сговорил ехать с нами Розали и Жанно. А вскоре родилась наша дочурка Мари, вся в красавицу-мать. Она и научила ее танцевать на канате, еще успела... Двое других младенцев у нас потом умерли. А как-то раз Элиза сильно простыла на выступлении, к ночи слегла, и в неделю ее не стало."

Глава 5

В одном городе, на рыночной площади Габриэль увидел двух цыганок. На одной была необычайно яркая шаль. Алая, будто маков цвет или огненные всполохи по углям, или закат перед ливнем. Шелком вся переливалась... Вот бы такое платье для Мари! Ее любимый голубой цвет, и правда, очень под стать ее нежной красоте, но Габриэль вдруг подумал, что алый добавит куража танцу. Он будет вспыхивать ярким огоньком, видимым отовсюду. Никто мимо представления не пройдет – каждый остановится полюбоваться! И сборы их увеличатся. Тогда можно купить что-то нужное, хорошую флейту или добротную сбрую лошадям. Нет, прежде всего – нарядную накидку для Мари.

Как привязанный, Габриэль шел за цыганкой и все не решался окликнуть. Та, почувствовала его взгляд, живо обернулась и повела въедливой скороговоркой, как обыкновенно они зубы заговаривают: "Вижу, погадать хочешь, красавец? Посеребри мне ручку – все, как есть, расскажу. Все тебе поведаю – что было, что будет, что в душе таится, чем сердце успокоится." Габриэль перебил ее: "Не надо гадать. Ты мне лучше шаль свою продай." Цыганка удивленно протянула нараспев: "Ша-аль?.." А сама быстро оглядела его, прикидывая – сколько можно взять с этого чудака? Скосила глаза на калечную ногу, дернула бровью: "Верно, для милой

своей хлопчешь, угодить надеешься?" Габриэль уклончиво пробормотал, что для сестры. Цыганка усмехнулась, скинула с плеч шаль: "Ладно, бери. Спрошу недорого, но знай, что лишь цыганке она счастье принесет, а для других печалью может обернуться." Габриэль молча протянул деньги. Беря их, она чуть задержала его ладонь, глазами по ней чиркнула. Он сердито выдернул руку и быстро захромал прочь, а цыганка печально посмотрела ему вслед.

Розали с Мари быстро сшили платье в четыре руки, и даже бахрому на юбку ловко приладили – ах, как будет играть в танце! Чудесно вышло, вроде алые лепестки на ветерке играют! Они привыкли все делать в дороге – чинили одежду, убирали друг другу волосы, вязали чулки, занимались с собачками. Фокусник разминал руки с картами, заодно объясняя свои хитрости Нико. И развлекал всех рассказами – он был кладезь всевозможных историй. Бланше учил мальчика играть на дудочке, и смысленый Лукки мигом перенимал новые песенки. Молчун Жанно собирал разорванную цепь – был у него особый секрет. Или задумчиво подстригал усы, глядясь в начищенный песком чайник. Вся их жизнь проходила в дальних переездах из города в город. Лишь Великим постом начиналось вынужденное безделье, и они отдыхали в какой-нибудь уютной деревушке, где было и сытно, и дешево.

Однажды на представлении к толпе зрителей подошли три вооруженных стражника. Они всегда ходили для порядка по рыночной площади, и особенно усердно в том ряду, где были винные торговцы. Один из стражников увидел канатную плясунью и сперва так и прирос к месту. Потом начал пробираться ближе, ближе, и наконец встал впереди всех. Стоит и глядит на девушку в упор. А Мариэлла плавно скользила по канату, будто тонкая струночка пела! Будто алый весенний цветок тянулся к небу... Глаза и лицо у стражника стали наливаться кровью, а волосатые кулаки все сжимались и разжимались. Когда Мариэлла соскочила с каната и раскланялась, он вдруг качнулся к ней и грубо схватил за руку – а ну, крошка, пойдем с нами! – да крепко так стиснул, до синяков. Она, бедняжка, дернулась было и ласково так стала упрашивать господина стражника отпустить ее. А второй стражник загоготал во всю глотку и еще стал подзуживать первого. Третий, правда, хлопнул его по спине – мол, брось ее, пойдем! Но красномордый лишь огрызнулся через плечо.

Подбежал встревоженный Фокусник, засуетился рядом... Но как спасти дочку? Он что-то горячо зашептал стражнику, но тут и его красноречие не помогало, красномордый девушку не отпускал. Мариэлла билась птичкой в силках, отчаянно вырывалась, по щекам текли слезы... А на лице был

такой смертельный ужас, что народ всерьез заволновался. Женщины испуганно вскрикивали, мужчины громко зароптали. Фокусник, как мог, увещевал стражников и пытался подступиться к красномордому. Одной рукой тянул его за руку, чтобы отпустил Мари, другой торопливо вытаскивал из-за пояса свой кошелек. Но второй, гогочущий, со всей силы ткнул его кулаком в грудь и отшвырнул назад. Фокусник споткнулся о край ковра и неловко упал.

Все вокруг ахнули и оторопели, взвизгнул чей-то ребенок. Третий стражник начал отгонять людей назад и мрачно покрикивал: "Ну, что столпились, чего тут не видали? Живо все расходитесь!" Подбежал Жанно, быстро помог Фокуснику подняться и что-то виновато ему забормотал. Конечно, он смог бы голыми руками убить стражника, но честно сказать – испугался. Не столько за себя, хотя его тут же увели бы в тюрьму и казнили, а за жену Розали, за сынишку, да и весь цирк сразу выгнали бы из города. Но главное – Розали. Жизни не мыслил без нее и не решился пожертвовать собой даже ради беззащитной Мари.

А красномордый уж вовсе взбеленился, хрипит, дышит ей в лицо перегаром. Больно дернул на себя и потащил вон из круга. Она его зубами за руку – хват! – так он другой ладонью ударил ее по лицу. Фокусник кинулся на землю и обхватил стражника за ноги, не давая идти. Красномордый бешено заругался, забрыкался и затопал, скидывая помеху. Но свою добычу не выпустил. Розали тоже поспешила на выруч-

ку Мари, повисла на руке у стражника, умоляя оставить девочку, но все напрасно. А толпа угрожающе надвигалась... Тогда гогочущий заорал на всю площадь: "Вы что – бунтовать? Всех поубиваю!"

Вдруг сбоку к красномордому метнулся Габриэль – да, зверем метнулся! – и с размаху ткнул в горло маленьким ножиком. Был у него такой, почти игрушечный, каким мальчишки выстругивают палочки, но острый, как лучшая бритва. Всегда держал его при себе, чтобы очинять карандаши и разрезать бумагу, а носил в кожаном чехольчике на шнурке. Вот им со всей силы и ударил. Красномордый всхрипнул, из шеи кровь хлынула, и он грузно повалился навзничь. Хорошо, что кулак разжался, и тут же Мари выскользнула.

Но раньше, чем он рухнул, в грудь и спину Габриэля вонзились сразу два клинка! И он, сердешный, без единого стога тихо упал за мертвое. Мари от ужаса вскрикнула и прижалась к Розали, обе безутешно заплакали. Стражники переглянулись меж собой, потом зловеще обступили Фокусника: "Ты пойдешь с нами!". А он упал на колени рядом с мертвым Габриэлем, уронил голову ему на грудь и весь от рыданий затрясся. Стражники уставились на него и медлили... Он поднял к ним измученные глаза: "Вы друга своего потеряли, а я – сына любимого. Возьмите все деньги, только помилосердствуйте! Дочку мою сиротой не оставьте... за что ей?" – а сам протянул им кошелек и опять припал к убитому. Стражники переглянулись, деньги в руке на вес прикинули и забрали.

Гогочущий напоследок рявкнул: "Чтоб духу вашего в городе не было, не то костей не соберете!" И красномордого своего уволокли. Люди молча расходились, опустив головы... А Жанно перенес тело Габриэля в повозку, до отпевания.

В городской собор, что стоял на площади, Фокусник, понятное дело, не сунулся, а поспрашивал по окраинным улицам, по маленьким церковкам. Последними грошами надеялся поклониться священнику, чтобы упокоить Габриэля похристиански. Но никто не согласился отпевать чужака, да еще убийцу – слух про это быстро по городу разлетелся. Даже слушать не хотели, чуть ли не вон гнали. Так и схоронили его в неосвященной земле, вдалеке от города у подножия зеленой горы. Вытесали простой деревянный крест, на котором черной краской тонко вывели "Здесь лежит Хромой Габриэль, двадцати лет от роду, который погиб, спасая свою возлюбленную." Сами отходную молитву над ним прочитали. В общем, простились, как умели – оплакали от чистого сердца, с вечной к нему благодарностью.

И уж сколько лет прошло, а могилка до сих целая. И крест с надписью по-прежнему стоит, никто его не тронул. Откуда я знаю? Странные люди про то сказывали, а они видели своими глазами. Может, и не все доподлинно так было, но раз могилка есть – то и любовь его была. Которая больше жизни. И значит, нет никакого обману. А тебя, Лизавета, ничем не проймешь, бесчувственная какая-то уродилась. Вон Матреша, гляди, в три ручья плачет о нем, жалеючи. Так-то...

Ну, девоньки, покуда прощайте. У Авдотьи в кухне, поди, уж и самоварчик поспел. Благодаренье Богу, привечает еще барыня старую кормилицу, дозволяет мне зайти чайком уго- ститься.

Автопортретный эксперимент

Глава 1

Катаясь в мягкой шелковистой траве, они с упоением гладили и лизали друг друга... Вседругие не делали так из-за густой шерсти, а им с Ивэ нравилось ласкаться, особенно Инору – он даже урчал от удовольствия, зарываясь лицом в ее душистое тело, и все не мог надышаться... Но вседругие и вообще на них не похожи даже на вид, они редко ходят выпрямившись и не смеются никогда. Хотя Ма добреет, когда ей улыбнешься, но до сих пор может вlepить крепкую затрещину, если что не по ней. Не говоря уж о гневе Самого Главного, с которым и вовсе не поспоришь. Поэтому Инор из всей их большой семьи любил одну лишь чудесную Ивэ, особенно на этой укромной поляне. Такой, как здесь, он ее никогда и ни с кем больше не видел – и это была только его Ивэ и только их двоих восхитительная тайна! Потом она начала тихонько повизгивать, вся изогнувшись и откидываясь назад, волной разметав каштановые кудри. Этого сладостного момента Инор всегда дожидался терпеливо и нежно предвкушая...

А потом они долго лежали рядом в блаженной истоме и тихо дремали, прикрыв глаза. Солнечные блики, легко про-

сеиваясь сквозь кружево листвы, играли на их разгоряченных загорелых телах, и тонкой рукой с обкусанными ногтями Ивэ ласково обнимала его плечо. И как всегда, они не заметили подкравшегося к ним верзилу Токса. В кустах промелькнула темная всклокоченная голова, и жадным блеском сверкнули из-за веток глаза. От сильного пинка Инор, скорчившись, откатился в сторону и взвыл в голос, но никто из своих не мог его услышать и помочь – не зря они уходили сюда, подальше от всехдругих. А полусонная, растерявшаяся Ивэ даже и приподняться не успела, дикарь сразу прижал ее к земле, почти всю закрыв длинными спутанными волосами.

* * *

Тяжко вздохнув и неумело выругавшись про себя, Рон крутнул кресло и отвернулся от панорамного монитора к большому аквариуму – успокоительной живой картине. А что толку смотреть, если чуть не каждый день перед глазами возникает одно и то же невыносимое зрелище? Кому приятно видеть, как твоего двойника, а фактически – тебя самого подло лупцует здоровенный парень и наваливается на любимую девушку. На запах что ли приходит этот мерзкий Токс? А наши наивные голубки все блаженно дремлют и умнеть, похоже, не собираются. Ронни незаметно покосился на жену – зря он повернулся так резко, а впрочем... Положив руку на сенсорную панель, Эви мысленно передавала свой обяза-

тельный, и почти неизменный в последнее время, комментарий в журнал наблюдений. Но на экран даже не глядела, привычно сидя в пол-оборота и склонив голову – этот сценарий она успела выучить наизусть. Легко представить, как ей самой тошно от почти ежедневного унижительного зрелища.

Но до же чего хороша она там – изящная бронзовая фигурка на изумрудной траве! Рон со стыдом ловил себя на невольном и неизменно возбуждающем любовании ею... Когда-то давно Эви вызвалась вести эти записи, ей понравилось придавать им форму коротких и остроумных рассказов о жизни и приключениях трех забавных малышей, так и повелось с тех пор, став именно ее обязанностью. А теперь она и рада бы отказаться, но двойное чувство неловкости – женская стыдливость и обязательность в работе – удерживали ее от объяснения с профессором Скоттом. А у самого профессора во время этих безобразных сцен всегда находились уместные поводы отсутствовать – дела с другими сотрудниками или он просто отсиживался у себя в кабинете, за что Ронни был ему очень признателен.

Но с каждым месяцем им становилось все трудней сохранять объективность и невозмутимое спокойствие исследователей, да и просто хорошие отношения давних коллег, тем более что в этом помещении лаборатории их было всего трое. Профессор, конечно, изо всех сил деликатничал и даже иной раз пытался настроить всех на юмористический лад, но гнусность дикаря Токса наводила на тягостные раз-

мышления и вызывала такие непристойные аналогии, о которых и думать-то неловко. Двусмысленность ситуации была слишком очевидна, и напряженность день ото дня нарастала, грозя в скором времени лопнуть перетянутой струной.

Промурлыкал свою привычную мелодию таймер... Значит, время обеда, но у Рона в его подавленном состоянии даже весь аппетит пропал. Он досадливо повертел в руках баночку с капсулами любимого «барбекю» и резко отодвинул в сторону. Глотнул чуть-чуть энергетика. И снова печально вздохнув, положил в рот шарик виноградного желе, покатав задумчиво... Проверил показания климатических датчиков, потянулся в кресле и с удовольствием переключился на территорию орангутанов, а потом их соседей – носачей. Вот там все было, как изначально определено природой – бесхитростно и утешительно-отдохновенно... Длиннорукие орангутаны показывали чудеса воздушной акробатики, в бахроме развевающейся шерсти перелетая между деревьями. Задумчиво бродили после ныряния с деревьев и купания в озере меланхолические носачи.

Глава 2

Идея этого Эксперимента возникла пятнадцать лет назад. Профессору Скотту недавно предложили возглавить лабораторию, проводившую наблюдения над редкими видами обезьян, почти вымерших на Земле из-за уничтожения среды обитания и отправленных на планету Парадиз ради сохранения их видов, а также перспективных разработок для будущего переселения туда людей. В числе других он занимался двумя семействами черных горилл и однажды, глядя, как трогательно самка нянчит детеныша, подумал: если б волею случая, ей пришлось воспитывать ребенка человека – кто бы вырос в результате ее забот? А еще интересней ежедневно понаблюдать за этим процессом! Официально научные эксперименты такого рода запрещены, но разве кто-нибудь сможет узнать – что происходит в густых зарослях далекой планеты, на специальной охраняемой территории?

Тщательно все продумав и взвесив, он рискнул доверить замысел своим недавним студентам – Рону и Эви, быстро соблазнив их этой идеей, поскольку Эви была любознательна, азартна и польщена тем, что профессор именно ей предложил участвовать в необычном эксперименте. Хотя на самом деле ему для работы нужен был Рон – толковый парень, не претендующий на лидерство и обладающий редким для молодого человека чувством ответственности. Профессор дав-

но заметил, что Ронни не на шутку, но безответно увлечен Эви и он очень обрадовался возможности долгое время находиться рядом с ней. И конечно, их заинтересовала еще редкая в те годы возможность совершать путешествия на Парадиз для обследования физического состояния переселенных обезьян. Ведь одно дело – смотреть бесчисленные космические видеосъемки, и совсем другое – самим увидеть Землю и другие планеты из космоса! Хотя космический туризм уже начал обретать популярность, но недавним студентам такое путешествие было не по карману.

Но главное, чем профессор захватил их воображение, это совершенно головокружительный ответ на вопрос: а кто же станет тем ребенком, воспитанником диких горилл? Да они сами – вернее, их клонированные копии! Ведь метод уже давно отработан, не представляет ни малейшей проблемы и повсеместно используется для воспроизводства домашних животных. Правда от изначальной идеи клонирования людей пришлось отказаться еще в конце 20-го века, иначе населению Земли в ближайшем будущем не хватило бы ни воды, ни продуктов питания. И сегодня недремлющее око Глобальной Системы Мониторинга сразу обнаружило бы криминальное появление второго землянина с идентичным геномом, зафиксированным при рождении на вживленном в руку чипе. "Но ведь планета Парадиз находится довольно далеко... И мы с вами не болтуны – не правда ли?"

Взгляду стороннего человека карьера профессора Скотта

показалась бы вполне успешной. Он преподавал в университете, окруженный любовью студентов, и возглавлял новую лабораторию, регулярно публикуя научные отчеты и популярные статьи. Его имя было известно в биологическом сообществе, но ненасытное честолюбие требовало еще большего признания и удовлетворения. Он расфантазировался, как займет ведущее положение на Парадизе, пока там еще нет конкурентов. Он всерьез начал рассчитывать на некую громкую сенсацию и чуть ли не открытие нового направления в науке, которые со временем вызовут его дерзкий Эксперимент – именно так, с большой буквы! Правда, в чем это будет заключаться, и для себя пока не конкретизировал, а вслух, разумеется, ни с кем не говорил.

Пока Токс, Ивэ и Инор – так называли клонов, просто перевернув свои имена – были детьми, наблюдать в подробностях за их жизнью с Земли было очень увлекательно и умирительно, хотя порой и тревожно. Особенно в момент подселения трехмесячных младенцев к недавно родившим самкам в разных семьях. Тогда профессору и ассистентам пришлось посменно около года незаметно прожить на Парадизе, чтобы в случае опасности забрать детей. К счастью, все обошлось благополучно, и гориллы необычных малышей приняли – недаром профессор изучал их повадки много лет и сумел найти верные подходы.

Но за последние месяцы с обезьяньими воспитанниками произошли такие огорчительные перемены, что исследова-

тели совсем лишились покоя. Впрочем, ничего удивительного... Рано или поздно это должно было случиться – в общем, ребята повзрослели. И ранее не вполне очевидные, а лишь смутно угадываемые душевные качества – если можно применить к их подопечным такой термин – вдруг проявились в полной и беспощадной детской откровенности...

Глава 3

"Неужели я по своей натуре вот такой – непроходимый трус, тряпка и дурак?" – терзаемый бессонницей, Рон ворочался по ночам, стараясь не разбудить жену. Она уже давно стала избегать близости, а он мучительно переживал ее враждебное и брезгливое охлаждение. Не будь Рон так сосредоточен на своих гнетущих и неотвязных мыслях, он легко заметил бы, что Эви тоже подолгу лежала без сна, и тогда ответ на его первый вопрос стал бы вполне очевиден. Но без ответа по-прежнему оставался второй, и подступал к самому горлу – почему Ивэ снова и снова идет с Инором на поляну, зная, что ее там ждет? Допустим, уровень их интеллекта, как у трех-четырёхлетнего ребенка, но должно же, наконец, прийти в голову, что можно хотя бы спрятаться от Токса, если они не в силах отбиться? Не означает ли это, что глупышке Ивэ нравится и то... происходящее с ней после ласк Инора?"

Зарываясь головой в смятую горячую подушку, Рон скрипел зубами в бессильном отчаянии! Его мужское самолюбие было раздавлено, но порой и это уже не оскорбляло и не волновало... Одна мысль, распухая, билась в голове – чем все разрешится? Ясно, что долго так не могло продолжаться, и нередко виделось лишь одно реальное избавление – смерть. Правда еще непонятно – чья? Может быть, и его самого –

но кровь неизбежна, это ясно... А в душе неудержимо зрела ненависть к профессору, и мозг наливался ею, как жгучим ядом... И Рон решился. Он должен тайно полететь на Парадиз и убить «сынка» профессора – иначе он не называл Токса – разрушающего их с Эви, и без того странную и какую-то не вполне реальную жизнь.

* * *

"Выходит, если на меня кто-нибудь нападет при муже, он даже не попытается защитить? Особенно, если с риском для жизни. Трус! Увы, все так... Просто не было случая в этом убедиться, к моему счастью. Хоть бы этот дурак Инор какой-то камень нашел или крепкий сук отломил, чтобы постоять за себя! Ведь сам не догадается, и научить там некому. Да, вырождается земная интеллигенция... Вот и весь результат нашей цивилизации – хоть плачь, хоть смейся. Но если представить, что в конфликте еще и взрослые гориллы из двух семей участвовали бы – чем не "Ромео и Джульетта" из джунглей?" Эви горько усмехнулась.

А наш профессор? В смысле, Токс... ведь он – настоящее животное, гнусная тварь! При мысли о профессоре Эви бросало в жар. Когда она видела, как он вздергивает иронично изломанную бровь на холеном лице – ну, точь-в-точь косматый дикарь Токс, злорадно выглядывающий из кустов! – она мгновенно чувствовала затопляющее и долго не проходящее

чувство бешенства. Не зря в ее семье прочно жила давняя легенда об их предке, неистовом и лютом корсаре. Что ж, все возможно... И кому, как не им, биологам знать, что гены – не водица!

Лежа без сна далеко за полночь и прокручивая в уме тягостные мысли в поисках осуществимого выхода, Эви старалась не вспоминать, как первые два года в университете была по-настоящему влюблена в профессора Скотта, и поссорилась с лучшей подругой, чувствуя в ней свою удачливую соперницу. Она не ошибалась тогда – профессор не оценил ее внешность темпераментной южанки, предпочитая светловолосых и сдержанных в чувствах девушек. Он всегда старался избегать лирических проблем, хотя и в холодноватых северянках ему случалось ошибаться. А теперь Эви с грустью понимала, что ее девичья обида не исчезла бесследно, и на подсознательном уровне власть профессора над ней отчасти сохранилась.

Можно ли было представить, что жизнь коварно приготовила продолжение того сюжета из юности – но какое же немыслимо абсурдное и унижительное! Иногда ей до жгучей краски на щеках было неловко перед мужчинами за раннюю сексуальность Ивэ, в простоте своего неведения, с первобытной откровенностью наслаждающейся телесными радостями. На этот раз причина, видимо, кроется не столько в окружающих ее обезьяньих нравах, но и в полинезийских генах, обнаружившихся через несколько веков. Согласно той же се-

мейной легенде, их предок-корсар привез некогда из плавания в южных морях красавицу-туземку, к которой очень привязался и наверняка имел от нее детей. Хорошо еще, что непутевая Ивэ бесплодна, как и она сама, а то страшно подумать... И ведь этот подонок Токс всегда норовит исподтишка ударить, причем – более слабого, с молодыми самцами не связывается, осторожничает. И разве все дело в его обезьяньем воспитании? Инор тоже вырос среди горилл, но ничего зверского в нем и в помине нет, наоборот!

Сейчас Эви вдруг улыбнулась, подумав о муже с покровительственной нежностью... Конечно, они с Роном тогда поступили ненамного умнее дикарей, с азартом согласившись участвовать в Эксперименте. Даже чувствовали глупую гордость некой избранной общности, как члены тайного братства. Эви привыкла неразлучно быть рядом с Ронни, и вскоре они поженились. А вот теперь доигрались... Но сколько можно так изнуряюще и бессмысленно гонять адреналин и стелить свою жизнь под прихоть тщеславного шефа? Да пропади все пропадом! В конце концов, ей терять нечего, а Рон пусть, как хочет... Что греха таить, она уже несколько раз видела один и тот же повторяющийся сон, в котором, не дрогнув, била ножом в шею кого-то очень опасного, хотя странно-безликого... И это она, которая в жизни мухи не обидит! И Эви решила.

"Да как же теперь выбраться из позорной ситуации? Ведь полнейший тупик! Я чувствую себя перед Эви мерзавцем и последней скотиной и готов разбить монитор, видя, что Токс опять к ним подкрадывается! Заварить такую восхитительную кашу, и в ней же захлебнуться, как в болоте... Размечтался о какой-то необыкновенной сенсации, славы дураку захотелось... Страшно подумать, неужели все это – про меня, и все правда? Эви явно избегает оставаться со мной в лаборатории, если Рона нет поблизости. А когда-то я был ей совсем не противен." – профессор нервно взъерошил волосы и перевернулся на другой бок. Он давно не знал, куда глаза спрятать, находясь рядом с ней. Вот чудные дела!

Пока малышка Ивэ, повзрослев, не расцвела так неожиданно, профессор особенно не смотрел на Эви и много лет не замечал, насколько она соблазнительна, но теперь... Не случайно он прятался в своем кабинете, сопя и поглядывая украдкой на монитор во время бесчинств Токса на поляне, в полной мере отождествляя себя с ним. "А как славно это было бы в реальности! К тому же Эви не одарит его несносным потомством, как троица бывших жен. Но мечты – мечтами, а необходимо срочно найти выход из безумной ситуации. На карьере точно придется поставить крест, но тут не до карьеры – под разоблачение и суд не попасть бы! Конечно, можно

изображать бодрый юмор, абстрагируясь от выходов Токса или прикидываться рассеянным кабинетным ученым, вроде не от мира сего, тем более что в шестьдесят лет довольно смутно помню, каким был в четырнадцать, но кого я надеюсь обмануть? Неужели я затеял все ради тайного желания снова увидеть себя молодым красавцем – покорителем женщин? И в этом была по сути моя цель? Ужас... В такое зеркало я никогда в жизни не смотрел."

И профессор решился. У него есть еще целая неделя – за это время надо попытаться отключить часть видеокамер и сочинить для Эви и Рона правдоподобное объяснение своему отсутствию. Но придумать его пришлось буквально за несколько секунд, когда наутро он услышал категорическое заявление Эви о том, что она уходит из лаборатории. Это не стало для профессора полной неожиданностью и все же повергло в смятение. Он чуть помедлил, не глядя на нее и собираясь с мыслями... "Эви, я не в праве, да и не смею тебя отговаривать, но очень прошу – останься до моего возвращения, потому что мне необходимо уехать на какое-то время. Вчера я получил сообщение, что тяжело заболел мой младший сын. Его готовят к серьезной операции, и бывшая жена требует, чтобы я срочно приехал и морально поддержал ее и мальчика. И неизвестно, как пойдут дальше дела... А потом ты будешь совершенно свободна!" Он чуть не добавил "в своем выборе", но взглянув на окаменевшее лицо Эви, сразу осекся и отвел глаза... Она лишь молча кивнула.

Глава 4

А Рон исчез. Его не было ни в лаборатории, ни дома, и на сообщения он не отвечал, наглухо отключившись. Сначала Эви даже обиделась, недоумевая и не слишком беспокоясь, но, когда муж не появился и к ночи, она вдруг сильно запаниковала. Вспомнила его бледное изнуренное лицо последних дней и с замирающим сердцем отправила запрос в Службу Мониторинга. Полученный вскоре ответ ошеломил ее – чип Ронни с запекшейся кровью обнаружился на берегу моря, возле мэгнит-вей, ведущего к южному полушарию. С ним случилась беда! Неужели убит? Такие бессмысленные жестокости еще встречались, но крайне редко, и верить в это не хотелось. Или Ронни тоже все настолько опротивело, что он решил сбежать? Не от нее, нет! – в этом она ничуть не сомневалась, а от профессора и его Эксперимента. Скорее всего так... Но он молчун, и не зная, как объяснить свой поступок, просто тихо исчез, тем более что шеф надолго уехал по семейным делам. Кто бы мог предположить в профессоре столь трогательную сентиментальность? Но может быть, Ронни у своих родителей, которых давно собирался навестить?

Глубоко вздохнув и мысленно сосчитав до десяти, Эви вызвала на браслете код свекрови, а на лице – безмятежную улыбку. С матерью Рона она была в хороших отношениях,

поэтому как ни в чем ни бывало, приветливо защебетала о разных пустяках... В разговоре свекровь поинтересовалась настроением сына, которое беспокоило ее в последнее время – значит, она ничего не знала о его исчезновении. Оставалось надежда, что рано или поздно Рон отыщется в Центре Реабилитации Беглецов, как это обычно бывает с людьми в случае подобных срывов. Интуиция подсказывало Эви, что надо не отчаиваться, а спокойно подождать.

* * *

До ближайшего рейса на Парадиз оставалось всего пять дней – в последние годы экспедиции переселенцев отправлялись все чаще. Но Ронни заказал билет из числа постоянно забронированных для сотрудников нескольких лабораторий и успел немного подготовиться. Жаль, что невозможно достать хоть какое-нибудь оружие. Он с завистью вспоминал прочитанные истории из давних времен – как легко было тогда осуществить наказание подлеца! А сейчас... Даже простого лазерного пистолета у него нет. Хорошо, что в некоторых домах еще сохранились от бабушек кухонные ножи. И у них, наверняка, должен быть – Эви любила изредка приготовить «живой» салат из настоящих овощей, необыкновенно вкусный! "Ну, что ж, гурман... Вот и узнаешь, на что ты годен в этой жизни? А других вариантов и нет. По крайней мере перед Эви будешь слегка оправдан и умрешь не в пол-

ном позоре."

Войдя в салон регистрации "космического челнока", Рон неожиданно вздрогнул, увидев поверх других голов до отвращения знакомый «ежик» с глубокими залысинами и через секунду – излом вскинутой брови над удивленно округлившимся глазом. Несколько мгновений они безмолвно смотрели друг на друга, и лицо профессора быстро меняло свое выражение, до жути напоминая Токса, когда он принимал воинственную позу "не приближайся!" Рон и не думал подходить, но застыл на месте, как загипнотизированный – его оцепеневший мозг был не в силах дать команду ногам...

Лишь через несколько секунд, оторвав взгляд от профессора и сбросив наваждение, Рон быстро вышел. Он плохо понимал, куда теперь идет, и еще меньше – что происходит? Но каков лжец! Тяжело больного ребенка выдумал, подонок! Наверно, Рону надо вернуться в лабораторию, и не вызвав подозрений у Эви, попробовать выяснить, не знает ли она о поездке профессора больше, чем тот сообщил ему? Но похоже, что и ей ничего не было известно о тайном путешествии шефа. Видимо, тот отправился организовать отселение своего буйного «сынка», и ведь надо же, чтобы так угораздило – попасть с ним на один рейс! Давно надо было слетать и разом покончить со всем, а он все медлил трусливо, ожидая чуда... А сейчас остается только бежать, не оглядываясь – но куда?

Мысль отправиться к родителям, действительно, промелькнула у Рона, но в этом взвинченном состоянии, после

встречи с шефом, ему нельзя показываться близким. И вообще, никто не должен знать, где он будет находиться, хотя бы первое время. Маникюрные ножницы Эви вполне подойдут для того, чтобы выковырнуть из руки ненавистный вживленный чип. И где-то у них был регенерирующий спрей? Да, вот он. Теперь, кажется, всё собрал. Сообщение Эви он пошлет чуть позже, когда соберется с мыслями и определится с будущими планами, а сейчас – в путь! Хотя Рон еще толком и не решил, куда отправится... Можно найти работу на подземных плантациях пищевых водорослей или грибов, или по синтезированию белков – он же биолог. Или поехать в Антарктиду, где производят искусственные льды для поддержания климата, или в Австралию, где клонируют домашний скот. Что-нибудь придумается, главное – скорей подальше отсюда, и чтобы людей было поменьше, а то он стал превращаться в откровенного мизантропа. Рон очень надеялся, что со временем Эви его поймет и не слишком осудит, он постарается ей все объяснить, когда хоть немного успокоится. А успокоиться ему и сейчас не мешало бы, он даже не подумал, как без чипа пересечь континентальную границу? Вот что значит – целыми днями видеть перед собой джунгли далекого Парадиза и почти оторваться от земной реальности. Да, нервы у него совсем на пределе...

Глава 5

Эви сидела в полном одиночестве в лаборатории перед монитором, и привычно поморщившись, готовилась наблюдать ежедневную сцену на поляне. Вдруг необычное поведение Инора и Ивэ заставило ее взглянуться повнимательней. Ивэ настойчиво звала своего бойфренда в глубь леса, даже за руку за собой упорно тянула – что такое? Неужели додумалась наконец, что надо спрятаться? Но все оказалось еще интереснее – Инор стал отламывать от дерева толстую ветку и быстро обрывать с нее листья. Вот чудеса, он мастерил орудие защиты! А Иве, пошарив в траве, подняла с земли небольшой камень. Эви даже захлопала в ладоши и весело крутнулась на стуле. Ах, жаль, что Ронни нет рядом, вот бы он удивился и порадовался вместе с ней! Так-так... И что же дальше? Ивэ с Инором как обычно улеглись на поляне, но не ласкались, а напряженно замерли, ожидая появления Токса. Вскоре их враг действительно мелькнул в кустах и начал приближаться, впрочем, не особенно таясь, совершенно уверенный в своей силе. Эви заметила, как напряглась рука Инора, сжимая дубинку...

Но вдруг – кто это?! – профессор Скотт в несколько прыжков настиг крадущегося Токса, зверем бросился ему на спину, и сжав руки на горле, повалил на землю! Недаром шеф часами занимался на тренажерах и беговой дорожке, чтобы

держат себя в хорошей форме, и часто говорил им: "Ученый обязан жить долго, чтобы увидеть результаты своей работы, и нынешний возраст 100–120 лет – не предел для человека." Но рухнувший от неожиданности Токс, быстро вернулся и мощно ринулся на уже запыхавшегося профессора. И тут подскочивший Инор стал весьма ощутимо, судя по звуку, колотить Токса палкой по спине! Эви радостно вскрикнула, и вскочив со стула, опять захлопала в ладоши, почти приплясывая. "Эх, Ронни, Ронни! Ну, где же ты? Такое зрелище пропустить! Но странно, что шеф, как последний дикарь, решил голыми руками... Хоть бы шприц со снотворным или шокер припас! Видно, и у него от нервотрепки мозга переклинило."

"До чего же она хороша, милая моя девочка!" – войдя незамеченным, Рон стоял в дверях и счастливо улыбался, глядя на жену. Почувствовав истосковавшийся любящий взгляд, Эви обернулась, и просияв, кинулась обнимать его. Прижалась к Рону, ласково потянувшись губами к его похудевшей небритой щеке и тихонько шепнула возле уха: "Ты хотел куда-то уехать? Я – с тобой."

Теперь на шефа крепко наседали Токс, а Инора с Ивэ нигде не было видно. Можно было, конечно, нажать кнопку экстренного вызова охраны заповедника, но сам профессор всегда настаивал на полнейшей тайне и чистоте своего Эксперимента и проведении его в строго естественных условиях. Что ж, условия там на поляне были естественны – лучше и меч-

тать нельзя! – а результатов им ждать необязательно, хоть и любопытно. Но пусть шеф сам разбирается со своим творением, они в свидетели не нанимались. Эви выключила мониторы и свет в лаборатории, бросила на стол кодовую ключепечатку, и Рон закрыл за ними тяжелую дверь.

* * *

Они мчались в салоне мэгнит-вей... Смотреть в окно при такой скорости не имело смысла, к тому же Эви сразу начало укачивать. Она закрыла глаза и положила голову на плечо мужа. Рон взял ее руку и поглаживал время от времени, непривычно счастливый... После стольких переживаний они наконец вернулись друг к другу и всю сегодняшнюю ночь были неразлучны. Но сейчас сидели молча, не зная – о чем разговаривать, и надо ли? Не о стыдной же тайне, унесенной из лаборатории и изрядно отравившей им существование. И без того они обречены всю жизнь помнить о ней. А что говорить о сыне, навестить которого они отправились, ухватившись за эту мысль, как за путеводную соломинку, тем более не знали...

Мальчик слишком отдалился от них за прошедшие в колледже три года. Эви едва признавалась себе, что те двое взрослых детей, оставшиеся на маленькой поляне, стали ей гораздо ближе и едва ли не дороже родного сына. Иногда она думала, а правильно ли поступила, когда с умилением и за-

вистью глядя на самку гориллы с девочкой на руках, решилась на суррогатную беременность – ведь многие это делают. Или надо было, как неизбежное, принять свою бездетность? Возможно, если бы она сама выносила и родила ребенка, а не заглядывала изредка в бокс к эмбриону, ее отношения с сыном были бы иными, а теперь он растет фактически чужим человеком. Даже живя вместе с ними, уходил в бесконечные виртуальные игры. Он редко снимал очки-мониторы и с таким уплывающим взглядом и раздражением оборачивался на голос родителей, что было трудно понять – в какой из реальностей он находится.

Ронни тоже прикрыл глаза и от нечего делать плавал в необъятных волнах Инфо-Океана, рассеянно просматривая новости. Вдруг он дернулся всем телом и больно стиснул руку жены. Эви вскинулась, испуганно глядя на него. Рон молча коснулся синхронизатора мыслей на своем браслете, и перед ее глазами возникло это сообщение с огромным фото – "Загадочная и чудовищная сенсация! Сегодня утром в заповеднике на планете Парадиз было найдено изуродованное тело профессора Скотта, много лет возглавлявшего лабораторию по космической адаптации переселенных приматов. Вблизи от места его гибели охрана обнаружила трех подростков-дикарей с неадекватным поведением, не реагирующих на человеческую речь! Начато расследование жестокого убийства и генетическая экспертиза неизвестных. Внимательно следите за нашими подробностями!"

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА?! Впечатавшись в кресла похолодевшими спинами, Эви и Рон с неммым ужасом смотрели друг на друга... И вместе с затопляющим душу отчаянием при мысли о том, что неизбежно ожидало их ЗДЕСЬ, край сознания остро пронзила мысль – а что же будет с ними, которые остались ТАМ?

Негоцианты. Одноактная пьеса

Картина первая.

Богато обставленная комната в доме неаполитанского купца Рикардо. Хозяин сидит за столом, и обхватив голову руками, читает свиток документа. Входит его жена Оливия.

– Мой друг, ты чем-то озабочен? Досадой хмурится чело...

– Увы, есть повод – нынче с почтой мне скверное пришло письмо.

Антоньо помнишь ли из Пизы?

– С кем неразлучны с детских лет?

– ...мы, словно братья, были близки, деля и шалость, и ответ...

(тяжело вздохнув, отбрасывает свиток письма)

Достигли многого, бесспорно, природной хваткой и умом.

Тому свидетельство – просторный и полный роскоши наш дом,

и грузы пряностей восточных, спешащих в трюмах кораблей

удачу и доход упрочить, и уважение к нам людей.

Мелькали годы чередою, и жизнь нас с другом развела...

А позже, слышал стороною – его расстроились дела. И вот письмо...

(в волнении ходит по комнате)

За ту оплошность похмельем горьким поплачусь.

О, как я мог неосторожно просватать дочь!

Как откажусь от слова, данного сердечно
над колыбелью, при жене?

Зачем доверился беспечно – прощенья нет моей вине! —
порыву дружеских объятий, когда помолвили дитятей,
и разум не сказал – остынь!

Кто знал, что наш любимый сын так рано этот мир поки-
нет?

Прости, Оливия, я вновь, коснувшись раны, в том пови-
нен.

Не губы искусал бы в кровь, полжизни отдал бы за сред-
ство,

чтоб уберечь плоды трудов, последней дочери наследство,
от разоренных хитрецов!

Оливия огорченно всплескивает руками:

– Про данное в дни дружбы слово он вдруг напомнил, не
шутя?

– Да, сколь учтиво – столь сурово, и ловкой кошкой об-
ходя

все острые углы... А также – почтительней не написать –
он просит сыну в доме нашем гостеприимство оказать.

Как быть мне, клятвы не нарушив? Солгать, что нет в жи-
вых?

– Молчи!!!

– Купцы везде глаза и уши имеют – сможет уличить...

(размышляя, опускается в кресло)

Поступим так... В большом смущении
их извещу, что наша дочь заметно не в себе,
к учению умом не годна, ей невмочь
двух строк прочесть, вести беседу —
дичится бедная гостей,

сидеть пристойно за обедом,
лицом же – не сыскать чудней.

Возьмем дурнушку-судомойку
иль прачку, видом поглупей...

Пускай жених, не в меру бойкий
хоть век любезничает с ней,
спешит к венцу и ждет добычи,
сжав обязательства тиски.

Чтя с медом на устах обычай,
нас не позволю провести,
бессонным Цербером на страже.

"Сам защищусь я от врагов,
а от друзей помилуй Бог." –
верней пословицы не скажешь!

(в изнеможении откидывает голову на спинку кресла)

Картина вторая

Комната в доме купца Антонио. Хозяин восседает в кресле.

Рядом его сын Микеле и племянник Джованни.

– Итак, любезный мой Джованни, мне отплати за доброту.

Ну, что ты замер изваяньем? Не бойся! К делу перейду.

О плате я не зря напомнил – тебя, как сына воспитал.

Пришел теперь черед исполнить почтенья долг.

Я рассчитал, что ты прекрасно роль сыграешь
взамен Микеле – как жених и мой наследник.

Обещай же таить все от ушей чужих, уста замкнув!

И без протестов мне повинуюсь – как отцу,

ты эту, с придурью невесту сведешь в Неаполе к венцу.

Микеле будет провожатым, полу-родней, полу-слугой,
а то без рвения, пожалуй, решишь наказ исполнить мой.

(Джованни делает неопределенный жест, словно оправдываясь)

Ну, полно, не грусти! Беспечно всю жизнь в довольстве
проведешь,

от разоренья дом спасешь, и я должник твой буду вечный.

Почаще будь с девицей рядом, гляди умильно – ведь не
зверь,

ужом крутись вокруг – поверь, нас ждет завидная награда!

А для сердечных ты утех найдешь подругу, как у всех.

Чтоб молока глотнуть парного, не покупают всю корову.
(ухмыляется и подмигивает смущенному Джованни)

– Но если странная девица меня отвергнет – чем привлечь?

(Антонио, размышляя, барабанит пальцами по ручке кресла)

– К Рикардо тонко подольститься, вести про суженую речь,

ввернуть словцо «предназначенье», и к воле старших уважение

весьма похвальное явить – чтоб верность слову сохранить. Теперь ступайте собираться. Гостите хоть до Рождества, но без жены не возвращаться! (грозно стучит кулаком по креслу)

А как наладятся дела, приеду тотчас, о приданом с Рикардо чтоб потолковать – способно золото смягчать невесты грубые изъяны. В родном Неаполе едва ли ей сыщется достойный муж, и кто ж, как не наперсник давний,

поможет? За изрядный куш! (хитро улыбается)

Картина третья

Сад, окруженный галереей во внутреннем дворе дома Рикардо. Вечереет.

С галереи, опасливо оглядываясь, сбегает его дочь Аделина.

– Просил сюда прийти. Он втайне мне должен что-то сообщить.

Как на иголках все венчанье
я просидела, хоть сулить
мне новостей рассказ не может.

Весть – той, чьим именем сейчас
пришлось назваться так безбожно,
и от стыда не спрятать глаз перед Микеле...

Против воли он душу вмиг околдовал!

(восторженно прижимает руки к груди)

Не верится, что в низкой доле рожден, любой украсят бал
его изящество и статность, и обходительная речь.

Порой на ум приходит странность...

В душе его хочу прочесть заветное. Хотя открыл он
мне сердце, полное любви!

Еще мгновенье – долг забыла,
ушла бы с ним на край земли...

(обеспокоенно выглядывает из-за цветущих кустов)

Но близко страшный час прощанья!

Разлука стережет сердца – любви запретной в наказанье...

О, как мне упросить отца,
чтоб друга старого подольше
он задержал у нас в гостях?

Сеньор Антоньо второпях приехал к свадьбе,
от дорожных всех неудобств пусть отдохнет,
а мне судьба взамен дает невыразимую отраду —
быть лишний день с Микеле рядом!

(снова в тревоге озирается)

Возможно, на мою беду, Микеле выйти в сад не смеет?
Обед ведь скромный, на виду все за столом.

Уже темнеет...

На мир покров набросив свой,
ночь обречет на неизвестность —
так прячут ложную невесту
вуалем свадебным порой.
Святая Дева! Там шаги...

Картина четвертая

К Аделине торопливо подходит Микеле, в одежде слуги.

– Мой ангел, ты смогла дожждаться! (нежно целует ее руки)

И вижу, взоры не строги,

хотя легко здесь ошибаться...

– Не медли, говори! Весь день не нахожу себе покоя...

(Микеле сокрушенно опускается перед ней на колени)

– И да поможет мне теперь вечерний сумрак. Пред тобою

Микеле – только не слуга, сеньор Антонио – отец мне.

Помолвили когда-то в детстве нас сеньоритой. Шли го-

да...

Отец дела мечтал поправить, но, чтобы жизнь мне не гу-

бить,

подмену вздумал совершить, племянника к венцу отпра-

вив.

Теперь ты знаешь все. Не властен распорядиться я судь-

бой...

В мечтах же нет желанней счастья, чем к алтарю пойти с тобой!

(Аделина потрясенно смотрит на него)

– Ты тяжкий камень снял с души – мне искренность дороже злата.

Но в ней же горькая утрата, коль нам в супружестве не жить.

(они страстно бросаются в объятия друг к другу, Микеле целует и утешает Аделину)

– Когда, презрев мольбы и слезы, на палец твой надеть кольцо

он запретит – наймусь в матросы иль спрячу под клобук лицо,

в монастыре укрывшись дальнем. Отец же в старости печальной

пусть проклянет жестокий час, в который разлучает нас. Пойду немедля, брошусь в ноги родителю, вдруг он простит?

Ведь позади его тревоги, и брак Джованни закрепит родством семей приязнь былую. И втайне тяготясь виной, отец не станет же впустую меня тиранить... Нас с женой. (он порывается скорей идти, но Аделина удерживает его) – Пусть недостойна стать невестой в расчетах твоего отца, хочу с тобой сравняться честью в признаньях – в правде до конца.

И откровенность мне тем легче, что нам расстаться суждено,

и укорять не будет вечно нас грех обмана тяжело. Не удивляйся, мой любимый – не приживалка пред тобой, а дочь хозяев Аделина. Хитер отец мой, как и твой, и убережь стремясь богатство, он слову дружбы изменил, подобно твоему, коварство бессовестно осуществил. – А кто же в роли новобрачной? С кем век Джованни ко-

ротать?

– Отец нашел рябую прачку, велел перчаток не снимать.

Вот будут в городе судачить: сеньор Рикардо дочку прячет,

венчали тайно, без гостей;

ведь он не скуп – так что же с ней?

Он не смягчится сердцем, знаю. И непреклонен твой отец.

Как, бесприданница простая, дерзну пойти я под венец?

Лишь здесь, украдкой, наши слезы соединят нас... и уста.

Ты мой пред Небом!

– Ни угрозы, ни отлучение отца моей любви не поколеблют!

Но как посмею я обречь тебя скитаньям ради хлеба?

Мою голубку, что беречь всем сердцем жажду,

но страданье лишь принесу тебе. Прости!

– Не сбьются нашим ожиданьям, навек расходятся пути...

(Аделина горестно закрывает лицо руками)

– В душе, отныне безутешной, твой образ дивный не затмить!

Последний поцелуй безгрешный...

– Тебя до смерти мне любить... (замирают в прощальном объятии)

Картина пятая

С галереи дома в ночной сад выходят сеньор Рикардо, его жена Оливия и сеньор Антонио. Поодаль двое слуг с факелами.

Рикардо – Глазам не верю! Не вино ли так шутит зрением моим?

Здесь изумишься поневоле – ведь свадьба там.

Иль вам двоим завистен стал удел супругов?

Антонио, гневно обращаясь к Микеле:

Ты стыд забыл под кровом друга,

вдали от строгости отвык –

проси прощенья сей же миг!

Ну, что застыл? Винись, невежа!

Рикардо – Вид у него не безнадежен.

С такой повадкой молодец

склонит любую под венец.

Микеле и Аделина падают на колени перед родителями и восклицают в два голоса:

– Отец!

Антонио – Как дочь?! Что это значит?

Поверить ли ушам своим?

Такой ты угостил задачей,

что сходу не решить двоим...

Рикардо – Так он твой сын? Уж не в бреду ль я?

Оставь его, опомнись, дочь!

Оливия – Ах, девочка моя! Мне дурно... (без сил опускается на каменную скамью)

Рикардо – Скорей врача!

Антонио – И мне помочь не худо бы,
огнем жжет темя! (тяжело оседает рядом с Оливией)

Микеле – Отец, не гневайся, прости!

Антонио – Своя ж меня убьет затея... (стонет, держась за голову)

Рикардо – Нам срок по векселям платить.

Простим друг другу! Снова равны,
как встарь в мальчишеской возне,
и жалами обид не вправе
чинить препятствий их весне.

Горшки нам дьявол обжигает,
но сделать крышки забывает,
и как ни прячемся – секрет
в итоге вылезет на свет.

Антонио с трудом встает и протягивает ему руки:
– Обнимемся, отринув гордость,
спор о деньгах и жгучий стыд...

Микеле и Аделина радостно, в один голос:
– А мы благословенья просим!

Рикардо – Пусть вас Господь соединит!

Антонио – Мы ж вверим пылкости объятья,
верней ходатая и сватью

измыслить, право, мудрено —
столь убедительно оно!

Три подарка. Новелла

Пролог

Старая Колдунья, зевая и покряхтывая, выбралась из глубокой пещеры у подножия горы и взглянула на небо. Так и есть – ночь была самая отвратительная. Искристые звезды так ярко перемигивались в бархатной синеве и луна, приближаясь к полнолуннию, так пронзительно сияла, освещая гору и излучину реки, что у Колдуньи заломило в виске. В прибрежном ольшанике до самозабвения заливались трелями соловьи, и одуряющий запах ночных цветов волнами разливался вокруг, достигая ее горбатого носа. Недаром разыгралась мигрень – больше всего на свете, больше даже, чем вид счастливых людей, она ненавидела эти лунные майские ночи, перед которыми бессильно никли злые чары.

Но помимо луны и соловьев было еще что-то, нестерпимо раздражавшее ее. И Колдунья из-под руки посмотрела на противоположный берег, где мирно спал небольшой городок. Она пристально вглядывалась в темные силуэты аккуратных домиков и остроконечные шпили церкви и городской ратуши. Даже воздух несколько раз понюхала... Да, она не ошиблась, мигрень никогда ее не обманывала, за прошедший день в городке непомерно, просто совершенно непозво-

лительно увеличилось количество радости.

Колдунья потеряла поясницу, издала странный звук, похожий на клекот хищной птицы, несколько раз обернулась вокруг себя черным веретеном, и став невидимой, перелетела реку. В городке она неслышно кружила по сонным улочкам, иногда останавливаясь и заглядывая в окна спящих домов. Вскоре во многих из них замелькали огоньки свечей, и забелели чепцы и ночные колпаки разбуженных хозяев – это собаки, почуяв незримую колдунью, подняли неистовый лай. А она, покружив еще немного и трижды издав свой странный клекот, в котором слышались нотки торжества, наконец улетела прочь. Но расходившись напоследок, столкнула в дымоход двух кошек, которые миловались на крыше, а в саду бургомистра швырнула в пруд с золотыми рыбками старое воронье гнездо. Сегодня Колдунья с полным правом была собою довольна, сразу три большие радости вырвала с корнем из глупых размечтавшихся сердец! Да еще наперед посыпала солью жгучей унижительной обиды. Она хрипло засмеялась, будто закаркала, и полезла в свою темную пещеру отсыпаться...

Глава 1. Надежды

Подмастерье Тим

"Никогда в жизни мне, наверно, не выспаться." – мрачно подумал Тим, когда хозяин на рассвете ткнул его по обыкновению кулаком в бок. "И сон какой-то гадкий приснился..." Он запомнил лишь смутные обрывки, но осталось ощущение опасности. Тим сел на лавке, тряхнул головой... и окончательно проснулся. Его лицо сразу же осветилось мечтательной улыбкой... Вчерашняя удивительная встреча в мельчайших подробностях промелькнула перед глазами, и по сердцу что-то разлилось теплой, нежной волной. Может быть, предвкушение счастья?

"А ну вставайте, бездельники!" – хрипло орал сапожник, сыпля подзатыльники на головы мальчишек-подмастерьев. Тим, как старший, пользовался некоторым снисхождением, хозяин уже не драл его за уши и не таскал за вихры, хотя не отказывал себе в удовольствии ткнуть спящего. По-правде говоря, Тим уже стал настоящим мастером, едва ли не лучшим в их сапожной лавке. Но он был сиротой, и не имея своего угла, жил у хозяина с детства – с тех пор, как мать отдала его в учение.

Своего отца он мало помнил, тот рано умер, не найдя в

жизни удачи и ничего не оставив жене. В душу запало лишь, что отец был веселый и ласковый. После его смерти мать выживалась из сил, зарабатывала уборкой и стиркой по чужим домам, пытаясь прокормить себя и сына. Она очень боялась, что Тим вырастет таким же непутевым мечтателем, как отец, и отдала его в учение сапожному ремеслу, чтобы он имел верный кусок хлеба, разумно рассудив, что даже бедные люди не ходят босиком. Но сама не выдержала тяжелого труда, стала хворать и вскоре отправилась вслед за мужем.

А Тим остался у сапожника. Он был понятлив, очень старателен и довольно быстро освоил ремесло. С раннего утра шил башмаки и туфли, а вечером колол дрова и таскал воду для хозяйства. Хозяин все держал его за подмастерье и платил меньше, чем остальным. Другие мастера хотя и относились к Тиму дружелюбно, но ровней себе не считали. Все они были постарше его и притом люди вольные, уходили по вечерам домой или отправлялись выпить по кружке пива. А на Тима до сих пор смотрели так, будто он еще не вышел из мальчишеской поры, и это чувствовалось во всех мелочах. Двое других учеников, которые тоже постоянно жили при мастерской, были совсем еще дети и ему не компания.

А Тиму очень даже было о чем поговорить, и за монотонной работой он вел сам с собою долгие разговоры. "Ну что зубы скалишь?" – сапожник замахнулся на Тима уже все-ррез, неожиданно заметив, что тот счастливо улыбается. Но Тим, привычно уклоняясь от затрещины, даже и не обратил

внимания на хозяйскую злость, он мечтал о своей нежной и сладкой тайне, которую никому не открыл бы даже под пыткой. Раньше был у него здесь друг, тоже подмастерье, вот ему он возможно доверился бы. Но пару лет назад его сманил в большой город старший брат, служивший там приказчиком. А больше Тим ни с кем близко не сошелся и потому молча хранил свою великую тайну.

Тайну звали Лотта. У нее были необыкновенные, бирюзового цвета глаза и восхитительные губы, как спелая розовая черешня. Она жила совсем близко, всего через два дома от лавки сапожника. Ее мать держала маленькую швейную мастерскую, где кроме них с Лоттой работали еще три девушки. Раз в неделю, воскресным утром Тим видел Лотту в церкви. Не слишком веря в Бога, вернее в то, что на небе кому-нибудь есть до него дело, как и до его несчастной матери, он, как самый ревностный прихожанин, не пропускал ни одной мессы. Эти редкие встречи были его главным таинством.

Каждое воскресенье с раннего утра, когда он и мальчишки оставались одни, Тим с нетерпением ждал первого удара церковного колокола. Тогда он сразу находил какое-нибудь занятие у окна или у дверей лавки, то и дело поглядывая направо в сторону швейной мастерской. Наконец появлялись Лотта с матерью и младшей сестренкой. Когда они подходили ближе, Тим почтительно здоровался. Мать Лотты вежливо отвечала, а сама она лишь слегка кивала, но ни разу не сказала ему ни единого слова.

Потом в некотором отдалении, словно на незримом поводе, он шел следом за ними в церковь. Садился наискось через проход и во время всей службы, как замороженный, смотрел на точеный профиль Лотты, ее светлые локоны, спускающиеся из-под капора на нежную шею, и на обнимающую ее кружевную косынку, уходящую в вырез платья... И торжественные звуки органа, и слова старого приходского священника, и общая молитва, которую бездумно повторяли его губы, едва достигали сознания – как сквозь мутное стекло... А если после окончания мессы ему случалось услышать, как в приделе храма Лотта тихонько разговаривает с кем-то из знакомых, Тим и вовсе терял соображение. Тогда почти не слыша ее голоса и не понимая слов, он видел лишь розовые черешневые губы. И чувствуя, как постыдно вспыхивает его лицо, спешил выйти из церкви. Но не в силах сразу уйти, иногда подолгу стоял за оградой, дожидаясь, когда Лотта с матерью пройдут мимо. Ведь он расставался с ней на целую неделю.

И вот вчера произошло настоящее чудо – иначе он не мог это назвать – Лотта неожиданно пришла в сапожную лавку! Всегда обувь в починку приносила ее мать, но у Лотты сломался каблучок, и она вдруг пришла сама, и он говорил с ней! Все мастера были заняты срочными заказами, и с всегдашним легким пренебрежением этот неурочный каблук они адресовали Тиму. Нежно держа снятую ею туфельку, он не мог отвести глаз от Лотты, радуясь тому, что дру-

гим некогда на них смотреть. А она, ничуть не смутившись и даже слегка кокетничая, объясняла ему про спешную работу в их мастерской, из-за чего ее мать целыми днями не может отойти от закройного стола, да и ей самой надо быстрее возвращаться. Взяв из рук Тима починенную туфлю, она мило улыбнулась ему и упорхнула. Теперь он знал, что такое – счастье!

А через два дня... Да, уже через два дня он отважится сделать то, о чем мечтал несколько месяцев с самой зимы, и только совершенно немислимые обстоятельства могут ему помешать. Через два дня в их церкви будет служить воскресную мессу сам епископ из большого города. Именно из-за его посещения и поднялась эта всеобщая суета. Бургомистр мечет громы и молнии, все в городке моют, красят и надраивают до блеска. Портнихи и модистки – нарасхват, и выбиваются из последних сил, работая с утра до ночи. Женщины задумали перещеголять друг друга, как будто ожидается не приезд важного церковного лица, а рождественский бал в ратуше. Вот на эту многолюдность в церкви и рассчитывал Тим. Он готовился совершить необычайно дерзкий, и положе руку на сердце, безрассудный поступок – преподнести Лотте подарок ко дню ее Ангела, который будет накануне, в субботу. И когда Тим думал об этих счастливых совпадениях последних дней, у него аж дух захватывало, как необыкновенно удачно все складывается! Просто неправдоподобно удачно...

Он долго размышлял над подарком для Лотты, но все не мог придумать ничего достойного такой восхитительной девушки, как она. Конечно, будь у него много денег, или сам он побойчее... Но в их мастерской, добродушно посмеиваясь, его называли "красной девицей". И правда, он пунцово краснел до ушей, когда парни пускались в непристойные разговоры о своих милашках. Но Лотта совсем другая! Тим не смел даже просто так заговорить ней, а подарок ко дню ангела был очень хорошим, уважительным предложением.

Пару месяцев назад в антикварной лавке он неожиданно увидел маленькую шкатулку темного дерева, отделанную по углам изящной серебряной чеканкой, и словно что толкнуло его в сердце... Вот он, подарок для Лотты! А когда старик-антиквар поднял крышку, и оказалось, что эта шкатулка музыкальная, с нежным тихим перезвоном, как в карманных часах, у Тима аж дыхание перехватило от восторга! Но цена... Деньги-то он давно понемножку откладывал, правда, совсем для другого. Но не ради пустого баловства, ведь Тим привык обходиться самым малым. Нет, его задумка была куда серьезней – он мечтал поселиться хоть у кого-нибудь в чулане, но больше не жить у сапожника. А если хозяин надумает его за это выгнать, чтобы денег хватило продержаться некоторое время, пока он найдет новую работу. Но даже этих с трудом накопленных грошей, на шкатулку все равно не хватало. Сапожник был очень скуп, платил по настроению, да еще всегда оттягивал этот момент.

Два месяца Тим изредка заходил убедиться, что шкатулка еще не продана, и антиквар согласился подождать, пока наберется нужная сумма. И вот сегодня, да – именно сегодня! – он получит недостающие деньги, расплатится и сможет забрать свое сокровище. Вчера он закончил очень важный заказ – нарядные парчевые туфли для капризной жены бургомистра, в которых она намеревалась блеснуть на званом обеде в честь епископа. Тим как никогда расстарался, чтобы наконец-то оценили его мастерство, и надо сказать, туфли получились – загляденье! Даже грубый хозяин, мрачно и придиричиво разглядев их, остался вполне доволен, а не ругался по обыкновению. И теперь самолично пошел отнести их в дом бургомистра, к богатым заказчикам он был до смешного почтителен.

А Тим, в нетерпении поджидая его, вернее, денег за свою работу, с мечтательной улыбкой представлял, что эти туфли, как сапоги-скороходы, несут его над облаками к долгожданному счастью. Он сам не мог объяснить, на что надеялся... И еще понятия не имел, как исхитрится передать Лотте шкатулку? Хотя она умещалась в кармане суконной куртки, все-таки была слишком заметна. Его могли выручить только общее волнение и теснота в церкви. Но что он ей при этом скажет? Все с трудом придуманные слова через некоторое время оказывались глупыми и смешными... А если она вдруг обидится? Или того хуже – посмеется над ним? Ведь в глубине души он не верил, что такая удивительная девушка, как

Лотта сможет его полюбить, лишь робко надеялся своей преданностью тронуть ее гордое сердце. Просто Тим больше не силах был молчать, любовь уже не вмещалась в его сердце и отчаянно рвалась наружу. Он был почти счастлив, впервые в жизни.

Вдова часовщика

Тем же солнечным утром вдова часовщика проснулась с непривычным чувством. Впервые за последние месяцы ей не хотелось снова зажмуриться, и подушка не была влажной от неизбывных ночных слез. "Отчего это?" – с удивлением подумала она и тотчас вспомнила. Ну, конечно, вчерашний разговор с соседкой! Та в скором времени ждала третьего ребенка и неожиданно пригласила фрау Ларсен няней к старшим детям. Это поистине подарок судьбы! После смерти мужа десять лет назад она стоически держалась, как могла, но сейчас ее возможности пугающе таяли. Сначала она экономила из всех сил на еде, мерзла без угля зимой, потом узнала дорогу в лавку старьевщика. А теперь дела стали совсем плохи... Правда, летом выручал крошечный огород и сад из двух яблонь, вишни и нескольких кустов смородины, но до лета еще надо было дожиться.

Муж фрау Ларсен был замечательным часовым мастером и до самозабвения любил часы. Он конструировал их необычно, с большой выдумкой и украшал вовсе не ради

денег, а подобно настоящему художнику, создающему картины, чтобы дать выход своей фантазии и запечатлеть красоту. Сделанные им часы безотказно служили людям многие годы, не требуя починки, и вскоре их маленький городок был обеспечен часами на несколько поколений вперед. Часовщик остался без работы, он лишь ремонтировал часы, привезенные кем-нибудь из большого города, да изредка у него покупали часы в подарок новобрачным – такая своеобразная мода возникла среди горожан. Не раз они с мужем за вечерним чаем обсуждали, не перебраться ли в тот город... Но как оставить, пусть и маленький, но свой дом? И где, в немолодые уже годы, они будут ютиться по чужим людям? А если их сын однажды надумает вернуться? Так и не рискнули сняться с насиженного места.

А муж грустил, весь как-то потух, начал болеть, и однажды вздремнув после обеда, уже не проснулся. Фрау Ларсен осталась совсем одна. Из их четверых детей трое умерли еще в младенчестве, а единственный сын, с детства грезивший морем и кораблями, стал моряком и покинул отчий дом. Они с мужем не удерживали его возле себя, считая, что каждый вправе жить по собственному разумению. Изредка от него приходили письма из дальних краев, а раз в полтора-два года он навещал мать и привозил ей денег. Но вот уже четвертый год не было от него никаких вестей. Оттого и терзала вдову бессонница, и просыпалась она в слезах в череду одиноких дней, где тихое уныние сменялось паническим страхом,

и если еще жила – то лишь надеждой, что сын ее вернется, и неустанно молилась за него. Быть может, их штормом выбросило на необитаемый остров, или захватили в плен пираты? О самом худшем она старалась не думать.

Фрау Ларсен за бесценок продала все, что смогла, из скромной домашней обстановки и несколько оставшихся после мужа часов. Одни ей было особенно жаль – каминные, украшенные морскими раковинами с перламутром, сын однажды привез им эти диковинки. Не решилась расстаться только с самыми дорогими ее сердцу часами, неброскими на первый взгляд, но с чудесной райской птичкой, которая пела, выпархивая из миниатюрной башенки, и с гирьками в виде изящных цветков лилии. Это был подарок мужа ко дню свадьбы, и любимые часы всегда висели в столовой на почетном месте, мелодично отзванивая время. Даже первое слово их сынишки было не «ма-ма», а "динь-динь!" Она как раз держала его на руках, и малыш вдруг отчетливо повторил за механической птичкой, а сам засмеялся и радостно захлопал пухлыми ладошками. Можно ли было расстаться с этими часами, с памятью о своем недолгом тихом счастье, даже под угрозой голода?

Однажды ей повезло устроиться няней в хороший дом, но от постоянно одолевавших тревог стало часто болеть сердце, ей стало трудно дышать, будто грудь стянуло обручем. Хозяева, хотя и в деликатной форме, вынуждены были отказать ей от места. И вдруг вчера такая несказанная, просто

немыслимая удача, спасение от голодной смерти! Фрау Ларсен воспряла духом. Правда, соседка предложила ей совсем небольшие деньги, но зато стол и комнатку рядом с детской. И за своим домом удобно приглядывать, и у нее будет хорошая еда, а не одна картошка с сухарями и пустым кипятком. Она успокоится, быстро окрепнет, тогда и сердце болеть перестанет, и жизнь снова наладится.

С этими отрадными мыслями фрау Ларсен поднялась с постели и начала одеваться. Вдруг ее взгляд упал на руки, и сердце замерло, удушающе сбившись, а потом кулаком застучало изнутри – сегодняшней сон! Она в ужасе бежала по ночным безлюдным улицам, тщетно пытаясь укрыться от невидимой погони, но не могла найти свой дом. Наконец, оказалась у городских ворот, всегда запиравшихся на ночь, а незримое чудовище уже нагоняло ее, гибель дышала за спиной! Сердце предсмертно заколотилось, она из последних сил, в отчаянии ударила руками в тяжелые створки ворот... И проснулась. "Забыть! Скорей забыть ужасный сон, довольно пугать себя суевериями. Просто я слишком измучилась в последнее время, вот и ночью покоя нет. Зато теперь все будет хорошо!" – вдова несколько раз глубоко вздохнула и ласково посмотрела на цветущую вишенку за окном. "Да, самая благодатная пора в мае! Вот и ко мне вернулась надежда." – подумала она, и вполне успокоенная, улыбнулась.

Падчерица Анни

"Сегодня закончатся мои несчастья! Неужели это правда? И мачеха больше не посмеет мучить меня? До конца все еще не верится, но я уже почти счастлива!" Сколько раз Анни мысленно представляла этот день, и сколько раз робкие мечты сменялись беспросветным отчаянием. И вот он наступил, этот долгожданный день рождения – день ее восемнадцатилетия, день полного и безусловного совершеннолетия. И сегодня она станет, наконец, свободной! "Мамочка, ангел мой, слышишь ли ты меня? Порадуйся вместе со мной, я дождалась!" И внезапно Анни разрыдалась... Но это были недолгие слезы, пролетевшие, как майская гроза, и снова на душе у Анни стало легко и радостно.

Она тщательно умылась из старого фаянсового кувшина и гладко причесала мягкие каштановые волосы. Открыла скрипучий шкаф и еще раз полюбовалась новым воротничком, который связала к своему единственному «выходному» платью, оно целую неделю дожидалось радостного дня, старательно вычищенное и отглаженное. И все вещи заранее собраны в узелок из потертой шали, а главное, в плотно завернута в платок ее заветная реликвия – мамина коробка для рукоделия. В ней лежал тонкий шелк для вышивания и разноцветный гарус, серебряный наперсток, вязальный крючок из слоновой кости и предмет восхищения Анни – изящные

складные ножницы, украшенные тонкой гравировкой. Туда же она положила мамино зеркальце в овальной оправе, которое всегда хранила под подушкой.

Еще у Анни была сказочной красоты кукла, мамин подарок ей на пять лет – с фарфоровым личиком, васильковыми глазами и рыжеватыми кудряшками из мягкой пакли. Одежда она настоящей барышней – в светлое платье, пелерину, отделанную тесьмой, и чудесные замшевые туфельки. Однажды сестрица Тильда увидела куклу и потребовала себе, а мачеха, конечно, тут же исполнила каприз обожаемой дочурки. У Анни к вечеру начался сильнейший жар, даже врача пришлось позвать. Она металась в беспамятстве, звала маму, бредила куклой... и ее вернули. Очевидно, мачеха испугалась, что может лишиться бесплатной служанки. Но как ни горько, куклу придется оставить. Анни так и этак ломала голову, но не смогла придумать способа незаметно унести ее. Хоть бы узелок с вещами не увидели...

Еще был Дик – их сторожевой пес, живущий во дворе, и по сути единственный верный друг Анни. Его она тоже не могла взять с собой и изо всех сил старалась не думать, каково ему придется без нее. Но сердце обливалось кровью, когда она вспоминала его преданные глаза... А что, если она спрячет куклу в конуре? И Тильда вовек не найдет ее, и Дик будет повеселей.

Ох, как она размечталась и замешкалась с завтраком! А сегодня все должно быть, как обычно, и не вызвать даже те-

ни подозрения. Необходимую домашнюю работу она постаралась сделать еще вчера, чтобы у мачехи не нашлось ни малейшего повода не отпустить ее в церковь. Хотя, при всей сварливости, в дни именин и рождения она разрешала падчерице ненадолго отлучиться. Сегодня Анни, как в прежние годы, выйдет из дома и действительно сходит в церковь, но обратно уже не вернется. Теперь она будет жить у своей крестной, тети Марты, и работать в ее швейной мастерской, между ними давным-давно уже все договорено.

Мама Анни была самой близкой ее подругой, и когда тяжело заболела, просила не оставить свою девочку, утешить ее и помогать по возможности советом. Тетя Марта научила крестницу всем премудростям шитья и тонкого рукоделия, чтобы у нее была возможность зарабатывать себе на жизнь. Анни умела кроить и шить, знала разные виды вышивки и вязания. Мачеха и отпускала ее к крестной с тем уговором, что потом она будет шить для нее и Тильды. Анни уже давно ушла бы из дома, но заикнувшись однажды об этом, услышала от мачехи столько брани и угроз, что перепугалась не на шутку. Та кричала, что подаст жалобу судье, и он упечет их обоих в тюрьму, что она всему городу расскажет, как сумасшедшая портниха выкрала у них дочь, и еще разные гадости... Зная свою мачеху не первый год, Анни нисколько не сомневалась, что она это сделает, не моргнув, и на несколько лет запретила себе думать о побеге. И вот наконец, сегодня!

Она торопливо сбежала вниз и быстро приготовила зав-

трак. Когда, напившись кофе, мачеха и сестра Тильда ушли к себе, Анни убрала со стола и вымыла посуду. Потом вышла покормить Дика, начистила картошки к обеду, протерла пол в кухне, и стараясь выглядеть спокойной, осторожно постучала в комнату к мачехе.

Глава 2. Утро Феи

В это майское утро юная Фея, живущая в заброшенной лесной сторожке высоко на горе вблизи Эльфийского озера, проснулась в особенно радостном настроении. Солнечные лучи нежным теплом ласкали цветущую землю, звонкие птицы на все лады щебетали и свистели в ажурной листве, разноцветные бабочки кружились над душистыми полянками, а старательные шмели и пчелы, опущенные желтой пылью, упоительно гудели над цветами диких яблонь и слив. И глядя на эту красоту, наслаждаясь чарующими ароматами, юной Фее захотелось совершить сегодня самое доброе и прекрасное чудо, какое только сможет подсказать ее фантазия! Она с удовольствием поплескалась в прозрачном ручье, журчащем по склону между деревьев, и вплела цветы в свои шелковые волосы, напевая веселую песенку, которую переняла у птиц. Потом спорхнула с горы, и любуясь сверху видом речной долины, полетела к лесному озеру в гости к знакомым эльфам.

"Ишь, опять распелась... Тьфу!" – проскрипела ей вслед Колдунья в пещере под горой, она всегда почему-то просыпалась, когда Фея вылетала на утреннюю прогулку. Последние сто лет она была полновластной хозяйкой здешних мест и никак не желала смириться с появлением веселой певуньи. "Здрасьте вам, явилась! Небось, институтка недавняя – все

новые порядки хочет завести. Но это мы еще посмотрим, чей верх будет!" Нет, все-таки Фею она ненавидела гораздо больше, чем полную луну и майских соловьев. Колдунья вообще молодых на дух не выносила, ей гораздо приятней видеть немощных стариков с палочкой, когда из-за бессонницы она изредка днем наведывалась в городок. Бывало, и камушек под ногу подкинет, но так, мимоходом – настоящую силу на этих убогих не тратила.

А добрая Фея в это время уже весело болтала с приятелями-эльфами, узнавая от них последние лесные новости. Она любила этот добрый и жизнерадостный народ и частенько прилетала посидеть с ними на зеленом берегу, понежиться на солнышке, посмеяться и поговорить о том, о сем... Иногда из воды среди прибрежных кувшинок появлялись наяды – три сестры, и тоже вступали в общий разговор. Но у Феи было с ними настолько мало общего, что ей становилось скучно, и вежливо посидев некоторое время, она улетала. Конечно, легкие крылатые создания ей несравненно ближе. Но сегодня наяды не появлялись, и никто не нарушал приятной беседы с эльфами. Заговорили о добрых предзнаменованиях к хорошему, плодородному лету, и Фея вдруг спохватилась, что совсем забыла про самое доброе чудо, которое намеревалась сегодня сделать. Почувствовав себя очень виноватой, она извинилась перед эльфами, поспешно распрощалась и полетела к реке.

Если уж совершать чудо, то конечно, на том берегу, в ма-

леньком городке по соседству, порой у людей случаются какие-нибудь неприятности. А ведь она уже несколько дней не заглядывала туда, все кружилась по окрестностям, любуясь цветущими пейзажами. Ах, как стыдно! Но ничего, сейчас она быстренько все облетит и проверит, как дела в ее подопечном городке? А потом выберет кого-нибудь подходящего для доброго чуда, там встречаются прелестные детки или милые старушки.

Юной Фее очень понравился этот городок, она сама выбрала его после окончания Школы Добрых Фей. Ее восхитила живописная речная долина и высокая зеленая гора, и особенно понравилось Эльфийское озеро. А городок, расположившийся на другом берегу, сверху показался совсем игрушечным! Фея даже удивилась, что этот замечательный участок не был занят уже много лет. Правда, тогда она еще не знала про колдунью... Но ей, выпускнице с отличием, не подobaет отступать перед злобной старухой, и она будет продолжать свои добрые дела! Ведь Ангел, преподававший им курс Практического гуманизма, утверждал, что добро непременно победит зло, и даже люди за последние века стали гораздо цивилизованней и добрей, а ему нельзя не верить.

В самом радужном настроении Фея подлетела к городку, с умилением глядя на его уютные домики с черепичными крышами и цветущие палисадники. Но спустившись ниже, она сразу почувствовала неладное... Что-то произошло за то время, пока ее не было, и даже собаки не так приветливо,

как обычно, виляли ей хвостами. Вообще-то они с большой симпатией относились к доброй Фее, поскольку в отличие от людей могут распознавать бестелесную сущность, но сегодня собаки были понурые и едва шевелили хвостами. "Как это странно!" – подумала Фея и то же мгновение услышала тихий, едва различимый стон... В нем было столько отчаяния и невыносимой боли, что у нее от испуга сжалось сердце.

Глава 3. Горести

Приведя себя в порядок, фрау Ларсен не спеша, с удовольствием выпила ароматного жасминового чаю с сухариком. Настоящий чай у нее давным-давно кончился, она и путь в лавку колониальных товаров забыла, но к счастью, около дома рос большой куст жасмина. Муж посадил его, когда родилась их первая девочка... Многие годы они только наслаждались летом чудесным благоуханием, но теперь жасмин сослужил ей добрую службу, она собирала душистые лепестки, сушила их и даже очень полюбила свой особый чай. "Надо обязательно сходить к булочнику и купить хоть немного хлеба, чтобы соседка не заметила, какой слабой я стала от недоедания." – решила фрау Ларсен. Они договорились, что компантку ей приготовят уже к следующей неделе. У нее осталось еще немного картошки, и несколько дней она продержится.

Только фрау Ларсен вышла на крыльцо, как увидела на улице соседку и незнакомую, блекло одетую девушку, а пока дошла до калитки, и они ее заметили, соседка уже шла навстречу. "Доброе утро, фрау Ларсен! Я должна перед Вами извиниться... Видите ли, произошло такое недоразумение! Вчера приехала из деревни моя дальняя родственница... и притом совсем неожиданно. Я еще месяц назад написала ее матери и позвала к нам няней, но оказалось, что они готовятся к свадьбе. Но внезапно ее помолвка расстроилась, и

она приехала. Прошу меня извинить."

У вдовы потемнело в глазах, лицо покрылось холодным потом, и ледяные ноги подкосились... Она судорожно схватилась за калитку. "Да... недоразумение... Я все понимаю, не беспокойтесь..." Фрау Ларсен едва ответила, чувствуя, что вот-вот может потерять сознание... С трудом дошла до своей двери, а в спальне, застонав, рухнула на старую кушетку, теперь служившую ей постелью. Даже плакать не могла, так больно жгучим спазмом перехватило горло, но потом рыдания стали душить ее, и она зажала рот платком, чтобы соседи не услышали ее горя. Больше всего она боялась, что сильно заболит сердце, а ландышевых капель в пузырьке осталось совсем на доньшке. Но чего боишься, то и... Измученное сердце не заставило себя ждать.

Испуганная Фея заглянула в окошко – это здесь беда! Женщина лежала, стиснув руку на груди, лицо было смертельно-бледным, и посиневшие губы страдальчески сжаты. "Плохо с сердцем! Она умирает..." – Фея проскользнула в форточку, и склонившись над больной, трижды дунула ей на лоб. Через несколько мгновений фрау Ларсен задышала ровнее, лицо чуть порозовело, и горькая складка на лбу разгладилась. Она спокойно уснула. Фея облетела скромный домик и ненадолго задержалась у часов в столовой, любясь райской птичкой, как раз выглянувшей из свой башенки – часы прозвонили одиннадцать.

Хозяин вернулся разъяренный, как бык, швырнул новые туфли Тиму в лицо, и один каблук больно ударил его над бровью. Оказалось, что у жены бургомистра случился очередной приступ желчной колики и подагры, а это случалось с ней каждый раз, когда она не в меру объедалась гусиной печенкой. Она устроила сапожнику настоящий скандал, заявив, что туфли ей немилосердно жмут и вообще безнадежно испорчены – какой дурак их делал? – что она не потерпит такого к себе отношения, что ноги ее больше не будет в его мастерской, и отныне она будет заказывать обувь в большом городе. Хозяин, который вынужден был лгисто улыбааться и оправдываться, теперь вымещал свою злость на безответном, ни в чем ни повинном Тиме. Он приказал до вечера субботы переделать туфли – или не сносить ему головы!

Оглушенный жестокой несправедливостью, и на время потеряв способность думать, Тим начал дрожащими руками подпарывать швы на туфлях, страшно боясь повредить дорогую парчовую ткань, потому что слезы застлали ему глаза. Он-то понимал, что у бургомистровой жены просто отекли и распухли ноги, да и хозяин прекрасно это знал, но не посмел спорить с важной заказчицей. Подагра от обжорства печенкой, о которой по секрету рассказала ее горничная, давно уже стала предметом язвительных и грустных шуток среди

мастеров – все натерпелись от ее капризов, но сейчас Тиму от этого не было легче. Он не чувствовал большого унижения в том, что хозяин швырнул в него туфли, это у них обычное дело, и таких вещей не стыдились, как наготы в бане. Но все заветные планы, которые он лелеял с самого Рождества, рухнули в один миг, и даже осознать до конца случившийся ужас не было сил.

Чувствуя, что подкатившие слезы могут предательски хлынуть из глаз, Тим отбросил работу и под сочувственными взглядами остальных выбежал за дверь. Он шел, задыхаясь от гнева и отчаяния, торопясь поскорей выйти из города, а когда свернул с дороги на опушку леса, забился в густую траву под кустами и уже не сдерживал горьких рыданий. Он давно так не плакал, наверно, с похорон матери... Детские всхлипывания украдкой по ночам были не в счет. "Зачем жить дальше? Все кончено. Даже когда я буду сгорбленным седым стариком, всегда найдется кто-нибудь, кто швырнет в меня башмак. И разве Лотта... Лучше сразу умереть! Можно утопиться, река близко... Эх, жаль, что я умею плавать, еще отец учил. Надо камней положить в карманы." И вдруг еще не ухом услышал, а почувствовал от земли приближающийся топот лошадей... Тим приподнялся на локте и стал пристально вглядываться вдаль, на дорогу, ведущую в большой город.

В это прекрасное утро мачеха была зла, как обычно, и даже хуже... Анни давно заметила, что ненастная погода больше соответствовала ее сварливому нраву и действовала успокаивающе, а солнце вызывало беспричинное раздражение, будто противоречило ей, и мачеха злилась, вымещая досаду на Анни, особенно когда отец бывал в отъезде. Сестрица Тильда тоже не отставала и тиранила ее, заставляя выполнять свои капризы или, что еще хуже, наговаривала всякую напраслину – а в этом она была на удивление изобретательна. Мачеха не дала Анни договорить и сразу закричала: "Это ж надо было додуматься – в такое время в церкви прохладиться! Дел дома невпроворот, мое нарядное платье не дошито, тюлевые занавески не выстираны, а уже воскресенье на носу! И вообще... не сегодня-завтра отец вернется – опять сплошные хлопоты, а к обеду еще ничего не куплено! Нет, даже и не мечтай!" Анни в слезах умоляла ее: меньше, чем через час она вернется. А до воскресенья целых два дня – она все успеет! Платье совсем готово, осталось только ленты пришить.

Она так разволновалась, не в силах смириться с рушившим все отказом, что отступила к двери и уже взялась рукой за створку, готовая бежать к себе переодеться, и прочь из дома. "Ты, милая моя, совсем не понимаешь, когда с тобой го-

ворят по-хорошему!" – мачеха грозно сдвинула черные насурмленные брови и достала из ящика стола ключ. "Сходи наверх, доченька, и запри ее комнату! А ты стой здесь, я тебе покажу, как своевольничать!" Когда Тильда вприпрыжку вернулась с ключом, мачеха больно схватила Анни за плечи, и вытолкнув в коридор, захлопнула дверь. Тильда высунулась, ухмыляясь, и показала ей язык – что, получила?

Как в тумане, привычно подойдя к лестнице, Анни запнулась на нижней ступеньке... В оцепенении опустилась на нее и ткнулась лбом в деревянный столбик перил. Перед глазами неожиданно промелькнул обрывок сегодняшнего сна... вроде она убегала от кого-то... "Только не плакать! – приказала она себе – Плакать нельзя, они могут выйти из комнаты и увидеть меня совершенно уничтоженной, а у них и без того достаточно поводов торжествовать." Она сглотнула комок в горле, поднялась и, стараясь ступать потише, вышла в сад. Дик, заметив ее, начал радостно повизгивать. Она добрела до его конуры, и осев на деревянный ящик, безутешно рыдалась. А Дик, положив голову ей на колени, поскуливал тихонько и время от времени лизал руку, утешая.

Внезапно он встрепенулся, поднял голову и радостно завилял хвостом, будто приветствуя кого-то. "Что там, Дик?" – Анни отняла руки от заплаканного лица и взглянула наверх – куда смотрел он, но ничего не увидела. Только качнулась ветка, наверно, птица перелетела. Она снова уткнулась в ладони... "Ну, зачем ты так убиваешься?" – спрашивала себя

Анни по всегдашней привычке в одиночестве разговаривать сама с собой. "Никакой трагедии не произошло, я уйду завтра. В самом худшем случае – в воскресенье, в церковь ведь пойдут все. Грустно, конечно, что и сегодняшний день пропал, а я-то надеялась... Да, можно сказать, поздравили... Ах, мамочка, если бы ты была жива!"

Свою мать Анни помнила смутно, она давно стала для нее существом неземным, приближенным к ангелам. Мама умерла вскоре после того, как подарила ей ту чудесную куклу на пятилетие. Видно чувствовала, что уже не поправится, и хотела оставить дочке память о себе. Года не прошло, как отец женился, совершенно потеряв голову от прелестей дочери галантерейщика. Он добивался ее согласия несколько месяцев, и они обвенчались, не дождавшись окончания траура. Так Анни получила мачеху и потеряла отца, стала ему совсем безразлична.

Галантерейные прелести невесты быстро сменились вздорными капризами жены, а когда у нее родилась дочь Тильда, в семье появился новый тиран. Странно, почему-то Анни никогда не думала о Тильде, как о родной сестре – только как о дочери мачехи. Отец занимался извозом и вместе со своим другом и помощниками часто бывал в отъезде. Они возили товары из большого города, а иногда подряжались ехать еще дальше, и тогда его не было дома по целой неделе. А может быть, он просто не хотел подолгу оставаться с новой женой? Как бы то ни было, Анни оказалась в полном

распоряжении мачехи – сначала "ужасной обузой", а потом беззащитной и безгласной служанкой.

"Это просто неслыханно, так издеваться над бедной девушкой!" – от охватившего ее возмущения добрая Фея опустилась слишком низко и задела ветку дерева. Понятно, когда старухи-мойры, прядущие нити судеб, вдруг обрезают одну из них. С этим ничего поделать нельзя, приходится смиряться, их даже олимпийские боги побаивались. Но чтобы один человек так мучил другого, совершенно безответного – да по какому праву?! Не плачь, милая Анни, сейчас я помогу тебе! Жаль, что невозможно наказать твою злобную мачеху, этого добрые феи не умеют, к сожалению. Но для тебя у меня есть подарок." В ту самую минуту Дик предупреждающе зарычал, отвлекая свою хозяйку от горестных мыслей – значит, пришел кто-то чужой.

Глава 4. Подарки

Анни встревоженно оглянулась, верный Дик рычал не напрасно. У калитки, действительно, стоял незнакомый человек в строгом черном сюртуке. Смущенно вытирая на ходу слезы, она торопливо пошла открывать. "Скажите, милая, здесь ли живет NN?" – он назвал ее имя. "Это я..." – растерянно ответила Анни. Незнакомец недоуменно посмотрел на нее. Конечно, видя заштопанное платье и огрубевшие от работы руки, он принял ее за прислугу, только что получившую взбучку от хозяев, и был не далек от истины.

"Прошу меня простить, – незнакомец учтиво приподнял шляпу, хотя в голосе еще чувствовалось сомнение, – но позвольте сделать одно уточнение... И свидетельство с выпиской из церковной книги у вас имеется?" – "Да, конечно. Только оно у отца, а он сейчас в отъезде. Но должен вернуться не позднее завтрашнего дня. А почему вы спрашиваете?" – голос ее дрогнул, и она запнулась. "Видите ли, я – нотариус и приехал сюда, чтобы выполнить волю завещательницы, вашей матери."

У Анни внезапно закружилась голова, она покачнулась, и нотариус заботливо поддержал ее под локоть. "Моей матери? Не может быть... Вы не ошиблись?" – она не могла этому поверить. "В нашем деле подобные ошибки исключены. Все документы о наследстве тщательно и многократно про-

вероятся. А матушка оставила вам приличную сумму в виде ренты, и завещание вступает в силу с... Уточните, когда ваше восемнадцатилетие?" – "Сегодня." – "Все верно. Поэтому я прошу вас посетить здешнего нотариуса. Это на площади возле ратуши, знаете? Отныне он будет вашим поверенным. А теперь позвольте мне откланяться."

Проводив нотариуса, Анни, как во сне, дошла до крыльца и опустилась на ступеньку. Но краем глаза успела заметить, что колыхнулась белая занавеска – значит, Тильда подслушивала и подглядывала у открытого окна. "Что за день сегодня, – мелькнуло в голове Анни – я все время сижу на ступенях." Вдруг звонкий голос окликнул ее, это любимая подруга Лотта спешила от калитки, оставшейся незапертой, и на ходу сыпала вопросами: "А кто это от вас вышел? И почему ты сегодня к нам не пришла, не заболела? Мама уже беспокоится и прислал узнать, она и пирог кухарке заказала." "Ой, Лотта, прости! И перед тетей Мартой за меня извинись – тут такое произошло, самой не верится. Даже не знаю, как сказать... Это приходил нотариус. В общем, оказалось, что мама завещала мне сколько-то денег, и я ничего не понимаю..." Глаза Лотты, удивленно распахнувшись, слились с голубизной неба. "Тебе?! Деньги от матери? Дай прийти в себя... Побегу скорей домой – расскажу! Да, теперь тебе, конечно, не до нас. Но ты все-таки заходи иногда, не забывай." – и Лотта повернулась к калитке. "Лотта, стой! Что ты говоришь! И я не успела объяснить, почему не пришла к

вам. Я никак не могла, мачеха заперла мою комнату, а там, ты же знаешь, мамина шкатулка и мое платье – в чем уйти? Ты скажи тете Марте, что так получилось, а уж завтра я обязательно!" "У тебя сегодня и впрямь сплошные сказки!" – Лотта гордо вскинула точеный профиль, и даже не помахав, как обычно на прощание, быстро застучала каблучками.

Анни печально вернулась к дому. В это время на заднем дворе послышался скрип ворот, топот лошадей и мужские голоса – вернулся отец со своими помощниками. И тут же распахнулась дверь – едва не сбив Анни, из дома выскочила Тильда и помчалась к отцу, крича на бегу: "А у нас удивительные новости, у нас такое!" "Вовек мне не будет от них покоя..." – тоскливо подумала Анни и ушла на кухню приготовить отцу умыться и собрать что-нибудь поесть на скорую руку, настоящего обеда она не приготовила. Отец вошел оживленный, веселый: "Ну-ка, рассказывай, что за чудеса у вас происходят!" – он ласково потрепал ее по плечу, и Анни пересказала свой разговор с нотариусом. За обедом только и говорили о неожиданном завещании, отец все удивлялся: "Ай да, Мари, какая скрытница! Ни пол-словом мне ни разу не обмолвилась! Наверно, это дядя-суконщик оставил ей наследство."

Отец все шутил и весело, но как-то очень странно поглядывал на Анни. "Завтра..." – думала она, разглядывая цветочный рисунок на тарелке, стараясь не слушать и не смотреть на них. "Завтра все непременно решится. А пока надо

перемыть посуду, обратиться в кухне и пойти пришивать ленты к платью. Эта привычная, монотонная работа ее немножко успокоит. Ах, ведь ее комната заперта..." Едва она подняла глаза на мачеху, как та легонько толкнула под столом Тильду: "Пойди, дочка, отопри там..." – и медово улыбнулась.

"И впрямь чудеса! – размышляла потом Анни, сидя за шитьем, – А Лотта явно обиделась на меня. Ничего, завтра я к ним схожу, сразу после нотариуса, и все объясню. Надеюсь, тетя Марта извинит, что я не пришла. Да у нее и времени сейчас нет гостей принимать, все шьют, не разгибаясь. А я могла бы им помочь, хоть подолы на платьях подшивать или какую-нибудь отделку, пуговицы, крючки... Всегда ведь одного дня для срочных заказов не хватает. Скорей бы уж прошло это воскресенье, тогда все наладится и начнется наконец спокойная жизнь." Вздохнув, Анни отложила мачехино платье, и опустившись на колени перед маленькой статуэткой Девы Марии, стала горячо молиться. И сама не знала, к кому обращалась больше – к Пресвятой Деве или к своей умершей матери, пославшей ей счастливое избавление, обе они с детства слились для нее в один почитаемый и нежно любимый образ.

* * *

Сначала Тим ничего не увидел, но вскоре вдали показалось облачко пыли, а через несколько мгновений по доро-

ге уже мчалась пара дивных белоснежных коней, запряженных в легкий и какой-то нездешний экипаж. Тим и представить себе не мог, что бывают на свете такие чудесные кони! Прежде он видел только крестьянских лошадей, на которых по утрам привозили на рынок всякую снедь, и еще два раза в неделю через их городок проезжал почтовый дилижанс. Вдруг раздался треск, испуганный женский вскрик, ржание взвившихся коней – коляска резко осела на бок, и отлетевшее заднее колесо покатило к обочине...

Только сейчас Тим разглядел, что в экипаже сидела молодая дама небесной красоты, и он замер, совершенно замороженный... Кучер, соскочив с козел, помог даме спуститься с подножки накренившейся коляски, и они стояли на дороге, растерянно оглядываясь по сторонам. Опомнившись, Тим вскочил с земли, и не дожидаясь просьбы, подбежал к ним, чтобы предложить свою посильную помощь – он сбегает в город, позовет кого-нибудь, и они вместе постараются починить колесо. Дама была очень тронута и ласково благодарила его за хлопоты.

Тим стремглав помчался в город, радуясь этому происшествию, которое отвлекало его от собственной беды, и топиться он пока раздумал. А на крайней улице – неожиданная удача! – сразу встретил знакомого столяра, делавшего для сапожной мастерской обувные колодки. Оказывается, тот жил совсем рядом, и схватив ящик с инструментом, они быстро вернулись. Кучер уже выкатил отлетевшее колесо на дорогу,

а прекрасная дама, как ни в чем ни бывало, прогуливалась по лугу под кружевным зонтиком. Тим со столяром осмотрели колесо и ось. К счастью, все было цело, только выскочила или переломилась железка, закрепляющая колесо, кажется, шпилькой называется. Столяр мало что в этом смыслил, а Тим еще меньше, но неожиданно он взял дело в свои руки, будто ему кто-то нашептывал, что и как нужно делать. Из двух больших гвоздей он соорудил замену нужной детали, столяр и кучер приподняли экипаж, и колесо поставили на место. Коляска была починена – можно ехать дальше.

Прекрасная дама от души поблагодарила своих спасителей, и в особенности Тима. Потом она открыла бисерную сумочку и очень деликатно, с улыбкой протянула им деньги. Столяру одну золотую монету, а Тиму – целых пять! От изумления он едва смог что-то пробормотать в ответ... И когда удивительный экипаж в мгновение ока скрылся – как растаял! – они все еще оторопело стояли на дороге, глядя вслед и не в силах прийти в себя.

Возвращаясь в город, они в подробностях обсуждали этот случай и необыкновенную щедрость загадочной дамы. Тима даже потянуло рассказать столяру – до того они сблизились – о злополучных туфлях, и о том, что не может заставить себя вернуться к сапожнику. "А ты живи пока у меня. – предложил вдруг столяр – Место в мастерской найдется, сейчас уже тепло, постелим тебе на стружках – чем не перина! Найдешь себе другую работу – ты же хороший мастер, а то сведу тебя

со знакомым шорником, после обуви ты вмиг это дело освоишь." На том и порешили. Тиму надо было только заскочить в сапожную лавку, чтоб забрать вещи – запасную рубашку и суконную зимнюю куртку. Еще он решил взять шило и свои ножницы, привычные руке – ему никак нельзя остаться без инструмента, а денег за туфли все равно уже не видать. Едва он вошел, сапожники наперебой стали говорить, что хозяин рвет и мечет – смотреть страшно, и он его точно убьет! "Руки короткие." – небрежно бросил Тим. Все изумленно переглянулись, сроду не замечали за ним такой бесшабашности. Тим быстро завернул в куртку свои немудреные пожитки и пошел к двери: "Я ухожу, не поминайте лихом." С прежней жизнью для него было покончено навсегда.

* * *

"Что это, неужели я спала? Или потеряла сознание? Нет, непохоже – я хорошо себя чувствую. А ведь помню, что сильно схватило сердце... Просто чудеса какие-то!" – фрау Ларсен, действительно, проснулась отдохнувшей, и с неожиданной спокойной решимостью продать часы с райской птицей. Да, она продаст их, уж лучше своими руками. Обменяет память о своих любимых на хлеб, картошку и немного сахара, и протянет еще некоторое время. Может быть, дождется весточки от сына. Конечно, можно попытаться продать их домик, но она ничего не понимает в таких делах, и ее непре-

менно обманут, хотя не это главное. Вдруг сын однажды вернется, а ему негде будет преклонить голову? Женщина ласково погладила рукой стену, знакомую до малейшей трещинки... Здесь в спальне когда-то стояла кровать с вышитым ею шелковым покрывалом, а рядом – резная колыбелька. Она вздохнула, поднялась и пошла в столовую. Долго смотрела на часы, ей очень хотелось на прощание послушать пение райской птички, но до полного часа было еще далеко.

Фрау Ларсен встала на низкую скамеечку и осторожно сняла часы с гвоздя. Скамейка вдруг качнулась, и она, не выпустив часы из рук, почти упала, больно ударившись коленом. "Что за напасти сегодня! Не хватало еще рухнуть в пустом доме... Гвоздь, наверно, расшатался. Но странно..." Она опять осторожно встала на скамейку, и поднявшись на цыпочки, потрогала гвоздь – нет, он держался крепко. И почему-то забыв, что вешать часы обратно уже не придется, она посильнее вдавила гвоздь пальцем. В стене что-то тихо щелкнуло, и отделившись точно по рисунку полосатых обоев, отодвинулась маленькая панель – за ней был тайник!

Сердце заколотилось в горле, и перехватило дыхание... Фрау Ларсен протянула руку вглубь и тут же, ахнув, отдернула! Ей показалось, что внутри сидел кто-то с короткой мягкой шерстью, и она снова чуть не упала, но ее будто поддержала за спину неведомая сила. Немного уняв сердцебиение и собравшись с духом, она все-таки дотронулась, это был просто бархат, бархатный мешочек. Она потянула его к себе

и с изумлением почувствовала, какой он тяжелый! Начинало уже смеркаться, и чтобы разглядеть, что лежит внутри, ей пришлось зажечь последнюю свечку. Присев на скамейку, фрау Ларсен развязала витой шнурок, и в колеблющемся свете засверкали крупные серебряные монеты. Застонав, она откинулась головой к стене, и по ее лицу полились горячие слезы... "Родной мой! Будь благословен там, на небесах! Ты спас мне жизнь." – и она тихо шептала что-то, не утирая слез, и все гладила рукой шелковистый бархат...

Потом, когда свечка догорела, она тяжело опустилась на колени перед распятием и долго еще молилась и плакала в темноте. Временами ей казалось, будто слабое эхо отзывается ее всхлипам, и это было немного странно в их маленьком доме. Впрочем, сегодня она ничему не удивлялась. А это добрая Фея, заглянувшая проведать ее перед тем, как вернуться к себе на гору, тихонько прижалась в углу комнаты, и растрогавшись, не могла сдержать слез... К тому же, ей было немного совестно за то, что пришлось толкнуть скамейку, и пожилая женщина ушибла колено. Но иначе она не обнаружила бы тайник с деньгами, который Фея так замечательно ловко устроила. Беспokoясь за потрясенную вдову, она все медлила улетать, но постепенно успокоив фрау Ларсен, навеяла ей самый утешительный и светлый сон и тихонько выскользнула в окно.

Поднявшись над домом, юная Фея внезапно почувствовала необъяснимую слабость. Она летела над городом так низко, что едва не задевала верхушки деревьев... А когда впереди заблестела река, ее первый раз в жизни охватил панический страх. Теряя последние силы и заставляя себя не зажмуриваться, почти над самой водой Фея перелетела реку, но подняться на вершину горы уже не смогла и упала чуть выше пещеры колдуньи. Хорошо, что злобная старуха еще крепко спала – храп был слышан даже снаружи – и не увидела несчастья и позора бедной Феи, которая попыталась дойти пешком до своей сторожки, но вконец обессилела, и даже ноги не держали ее.

Упав ничком в траву, она горько заплакала, как потерявшийся беспомощный ребенок. "Волшебница называется, колдунье на потеху..." К счастью, ее плач услышали гномы, живущие в расщелине горы, они поспешили на помощь, на руках отнесли Фею наверх и уложили отдыхать на постель, устланную свежей листвой и душистыми травами. Фея от всего сердца благодарила своих неожиданных спасителей и уверила их в самой преданной и вечной дружбе. Гномы решили больше не докучать ей и гуськом удалились, оставив на пороге сторожки одного караульного.

А добрая Фея слегла... Когда за гномами закрылась дверь,

она снова заплакала от отчаяния. Как же это случилось с ней? Сразу вспомнились строгие предостережения на занятиях по Материализации чудес – феям нельзя опрометчиво расходовать волшебную субстанцию, иначе можно так обессилить, что потом несколько дней придется восстанавливаться. Конечно, она все это теоретически знала, но была слишком впечатлительной и увлекающейся натурой, за что ей нередко выговаривали преподаватели в Школе, предрекая серьезные проблемы в будущем. По Оперативности чудес и скорости реакции ей всегда ставили высшие десять баллов, а выдержки юной Фее постоянно не хватало. И зачем только она придумала эту пару коней, кто ее просил?! Могла и одной лошадкой обойтись. Или просто положить около плачущего Тима кошелек. Но нет, так нельзя было поступить, ведь его могли потом обвинить в воровстве – откуда у него взялись такие деньги? Нужен был хотя бы один свидетель поломки колеса. И нотариуса к Анни она должна была прислать с настоящим документом. Ведь как же иначе обеспечить ее деньгами, чтобы никто не смог их потом отнять? А как страшно она перепугалась за вдову часовщика! Ей самой чуть плохо не стало на лету... Вот и получается, что теория – теорией, а жизнь диктует свои жесткие правила. Да еще все три ее чуда пришлось на один день, и с конями этими так глупо расфантазировалась, удивить захотела.

Оказывается, быть доброй феей вовсе не такое легкое и приятное дело, как ей казалось прежде. И еще вспомнилась

поговорка, которую она слышала у людей "Не хочешь зла – не делай добра." Но ничего, она отлежится, и волшебная сила к ней постепенно вернется, зато впредь будет наука! В это время скрипнула дверь, и в сторожку, извинившись, тихонько вошли гномы. Они принесли Фее букетик душистых ночных фиалок, чтобы ей приятней спалось, и дикого меду – он необычайно вкусный и полезный и должен подкрепить ее. Фея была очень тронута нежной заботой и снова от души благодарила своих новых друзей. Ей уже не хотелось плакать, она попробовала мед – действительно, вкусный! С наслаждением вдохнула аромат фиалок и сладко уснула.

Глава 5. Пробуждение

Наутро юная Фея проснулась почти здоровой, она легко вспорхнула с постели и вышла на крыльцо сторожки погреться на солнышке. Увидев Фею, гномы радостным хором приветствовали ее. А потом принесли лесных цветов и родниковой воды, чтобы она могла умыться, попутно рассказывая любопытные истории, которых у гномов не счесть. Вдруг послышались тонкие голоса, похожие на звук нежных колокольчиков. Это эльфы с озера, прослышав о болезни Феи, поспешили проведать ее и принесли цветочный нектар, собранный в лепестки – как только долетели с ним и поднялись в гору такие малютки! Эльфы несказанно обрадовали свою любимицу этой трогательной заботой, и Фея тысячу раз благодарила своих друзей. О том, чтобы ей попробовать летать, еще не могло быть и речи, но теперь она нисколько не сомневалась, что совершенно поправится.

* * *

Обойдя оконный переплет, солнечный луч заглянул в спальню и ласково скользнул на подушку. Вдова часовщика чуть приоткрыла глаза, и улыбнувшись, подставила лицо теплomu свету. "Как хорошо! Снова жить захотелось." – и она размечталась о том, как проведет сегодняшний день.

"Удивительно, сколько неожиданных забот прибавляется с появлением денег." – фрау Ларсен улыбнулась этой мысли. И правда, у нее уже наметилось несколько неотложных дел.

Во-первых, заказать в церкви панихиду по мужу – будь благословенна его память! Во-вторых, нужно сходить на рынок и наконец-то закупить вдоволь продуктов. Потом в бакалейную и кондитерскую лавки – сегодня она может побаловать себя хорошим чаем и сладостями! В-третьих, зайти в аптеку за ландышевыми каплями и мазью для ушибленного колена. Хорошо бы еще прибраться в доме, а то со всеми непрерывными тревогами она совершенно его запустила. И на дровяной склад нужно – у нее осталось всего несколько поленьев.

Но первым делом – сходить в церковь, и хорошо бы застать священника. А за корзиной для рынка можно потом вернуться. Или нет... все-таки сначала на рынок. Очень уж она изголодалась, и как только представит себе сдобные булочки с ванилью и корицей... Фрау Ларсен тотчас собралась и отправилась за продуктами. Когда она возвращалась с наполненной корзиной, из которой выглядывали бутылка с молоком, разные кульки и свертки, у самого дома ей встретилась соседка.

"О, фрау Ларсен! Сколько у вас покупок! Не сын ли ваш в гости пожаловал?" – улыбаясь, поинтересовалась она.

"Нет, от сына никаких известий... Но у меня радость, нашлось немного денег. Видно, муж хранил на черный день,

это будет неплохим подспорьем."

"Как чудесно, фрау Ларсен! За вас можно искренне порадоваться! И что же, вы ничего не знали об этих деньгах?"

"Нет, совершенно случайно обнаружила. Муж ведь умер внезапно..."

"Ну вот, и пригодятся вам. Еще раз поздравляю!" – соседка снова улыбнулась и пошла к дому.

Фрау Ларсен быстро разобрала корзину с продуктами, потом, едва присев в кухне, съела целый крендель с абрикосовым джемом, кипятить чай было уже некогда, и заторопилась в церковь. Все получилось очень удачно, она застала их приходского священника и договорилась, что он отслужит панихиду перед вечерней службой. Вдова благодарно помолвилась перед распятием, и успокоенная душой, пошла к знакомому аптекарю за лекарством. Муж когда-то был дружен с ним, и аптекарь частенько приходил к ним в гости. Сначала мужчины играли в шахматы, а потом они вместе пили чай и вели разговоры до позднего вечера. Но уже давно фрау Ларсен избегала прежних знакомых, мучительно стыдясь своей унижительной бедности.

"А-а, фрау Ларсен! Какая приятная неожиданность! Давненько вы ко мне не заглядывали, и я даже порадовался, что мои заботы вам не требуются. Хотя, конечно, очень рад вас видеть! Чем могу услужить?" – аптекарь, кажется, в самом деле ей обрадовался. "Душевно благодарю, что не забываете меня! Я тоже вас нередко вспоминаю, а теперь пришла за

ландышевыми каплями – совсем не могу без них обходиться. И еще попрошу у вас какую-нибудь мазь – сильно ударила коленом." Они неспешно обсудили с аптекарем и ее больное сердце, и лечение колена, а вдобавок он порекомендовал ей замечательную успокоительную настойку: "Вы будете спать безмятежно, как младенец!" И очень довольные беседой друг с другом, они тепло распрощались.

Только фрау Ларсен вошла в дом, она сразу почувствовала неладное. Что-то было не так, но что именно? Два оставшихся стула не на своем обычном месте, и вроде бы стол чуть-чуть отодвинут. Неужели в спальне рылись под матрасом на ее кушетке? Она оторопела. А когда увидела беспорядок на кухне, уже не осталось никаких сомнений, что в дом забрался чужой и пытался найти что-то, безжалостно обшаривая всю ее нищенскую обстановку. Без сил вдова опустилась на табурет. Опять перехватило дыхание, и потемнело в глазах... Она скорее вытащила из кармана капли и глотнула прямо из пузырька. Немного отпустило... И стали возвращаться мысли. Кто это мог быть? Она медлила, боясь признать то, что встало перед нею со всей ужасающей очевидностью – только соседка знала о ее неожиданных деньгах. Простой грабитель, несомненно, унес бы часы, единственную имевшуюся ценность. К тому же все в их городке знали, что красть в ее доме нечего, значит...

Хорошо, что фрау Ларсен, уходя на рынок, снова воспользовалась тайником за часами, и испуганно проверив его, убе-

дилась, что мешочек с деньгами на месте. Долго она просидела на кухне в горьком оцепенении, тщетно пытаясь вернуть себе хоть каплю душевного равновесия. Хотела даже испробовать новую успокоительную настойку, но побоялась заснуть прямо в церкви. Ничего, она как-нибудь выдержит и эту подлость соседки. А который теперь час? Ох, надо же скорей идти в церковь, нельзя, чтобы священник ждал ее! Она оправила платье, покрыла голову стареньким черным кружевом и заспешила в церковь.

* * *

Тим открыл глаза и блаженно потянулся на своем ложе из стружек, покрытых холстом. Стружки оказались неожиданно мягкими и очень приятно пахли сосной. До чего же непривычно просыпаться так поздно! Солнце уже светило вовсю, заглядывая в широкое окно столярной мастерской, птицы по-весеннему заливались где-то совсем близко, жизнь обещала быть прекрасной! В приоткрытых дверях появился большой рыжий кот. Подняв хвост трубой, неторопливо и важно он обошел все вокруг, показывая чужаку – кто здесь хозяин, и подойдя к Тиму, изучающе посмотрел на него. На приветствие "кис-кис!" томно прищурил желтые глаза и коротко муркнул – позволил чужаку остаться, но гладить себя не позволил, такую честь еще надо было заслужить! Тим от души рассмеялся, очень ему понравился этот важный кот, и

он подумал, что они скоро непременно подружатся.

Пришел столяр, принес большую кружку молока, ломоть хлеба и овечий сыр. "Представь, что я сейчас услышал! Этот ваш сапожник вконец озверел – он всем рассказывает, что ты его обокрал. И все из-за каких-то старых ножниц! Мне сосед только что рассказал, а мать еще раньше слышала от булочника. Это ж сплетня теперь по всему городу пойдет! Ты про золото не вздумай говорить пока, а то вообще не отмоешься, и я тоже буду помалкивать. Никто ж не поверит, что за починенное колесо можно заплатить такие деньжищи!" "Да мне и некому рассказывать..." Видно, счастью Тима не суждено длиться больше часа. Но он и это переживет – главное, у него теперь есть деньги, и немалые! Прежде всего, надо выкупить шкатулку. Но что подумает антиквар, если до него уже дошел слух? А слухи в их маленьком городке распространялись мгновенно, как дурной запах... Однако робеть нельзя, ему надо научиться стоять за себя.

Старик антиквар, хоть и жил кротом в своей норе, но действительно, уже был знаком со слухами, Тим это сразу понял по его лицу. Впрочем, золотая монета оказала на него магическое воздействие, и шкатулка без вопросов переселилась в карман Тима, а старик, вздыхая, еще долго набирал ему сдачу. Потом Тим неторопливо, и это тоже было непривычно, прошелся по тихим улочкам, мимоходом приглядываясь к вывескам по обеим сторонам. Эх, хорошо бы открыть свою лавку! Но если он вложит деньги – ведь прежде надо заку-

пить материал! – а дело не пойдет, то он останется ни с чем. А такой необыкновенный случай, как вчера, выпадает только раз в жизни, и ему нельзя просчитаться. Вот и еще одна лавка сапожника. Но он знал, что здесь шьют только самые дешевые башмаки для бедноты, а хозяин, говорят, такой же сквернослов, как у них. Так ничего и не высмотрев, Тим вернулся обратно. Придется и впрямь податься в шорники.

Столяр был занят работой, и ему требовалось освободить еще немного места около верстака. Они начали передвигать «постель» Тима поближе к стене. "Столоваться можешь у нас. Мать у меня, хоть и ворчунья, но готовит – просто пальчики оближешь! Опять же, дочка всегда у нее под приглядом, я ведь третий год вдовею, может слышал? Но скоро будет нам повеселей, осенью женюсь." – и он хитро подмигнул Тиму. "На ком?" – спросил Тим, и не из любопытства, его ничуть не интересовала невеста столяра, а просто из вежливости. "Да ты, наверно, знаешь – Лотта, дочка портнихи с вашей улицы." По счастью, Тим в этот момент стоял в самом углу мастерской, в полутьме, и его лица столяру не было видно. "А-а..." – неопределенно протянул он, и взяв себя в руки, добавил: "Да, знаю их. Ну, ладно пойду, не буду тебе мешать."

Это в кузнечном деле хорошо, когда железо из огня – да в холодную воду. А живому человеку такого многократного окунания не выдержать, сердце-то не железное. На Тима внезапно нашло какое-то странное одеревенение и безразли-

чие ко всему... Он сунул руку в карман и удивился шкатулке, которую он забыл вынуть – зачем она? Выходит, в то время, когда он трясся над грошами, чтобы купить ей подарок, Лотта уже была невестой столяра. Но странно, что Тим не умер от этой мысли и даже чувствовал в душе тайное облегчение, будто ослабили непосильную струну. И может быть, еще одно...

Воспоминание об удивительной вчерашней даме. Ее неземная красота то и дело возникала перед глазами, смягчая сердечную боль, и в этом не было ни малейшего предательства Лотты, как если бы он просто залюбовался нежным пролетающим облаком. Теперь его ничего здесь не держит, он уедет в большой город – там и работа найдется, он постарается разыскать своего друга, и ничто не будет напоминать о Лотте. И Тим шел, сам не зная, куда... А ноги, неподвластные печальным размышлениям, но верные давней привычке, привели его к церкви. Он немного постоял у ограды. Припомнил все глупые свои надежды... и вошел.

* * *

Выйдя от нотариуса Анни, как во сне, дошла до маленького сквера и присела на скамейку, ей надо было прийти в себя... В руках она сжимала плотный пакет с документами. Оказалось, что мама оставила ей сумму, достаточную для того, чтобы скромно, но безбедно прожить лет двадцать! Анни

все еще не могла привыкнуть к своему новому положению, что она теперь может ни от кого не зависеть, и временами ей чудилось в этом что-то сверхъестественное, даже греховное, или вдруг мерещилась каверзная ошибка нотариусов. Она отрешенно смотрела на клумбы с тюльпанами, на кусты расцветающей сирени, на детей, со смехом играющих на дорожке мячиком. "Может, и у меня когда-нибудь..." И эта простая мысль стала возвращать ее в реальность – лицо оживилось, и глаза заблестели радостью: "Значит, я теперь совершенно свободна? Ангел мой, мамочка, как же мне благодарить тебя? Ты второй раз подарила мне жизнь!"

Анни нежно погладила пакет с документами и прижала его к груди. Ей захотелось скорей рассказать о своем счастье любимой крестной, она заторопилась к выходу из сквера, и потом, когда шла по улице, ее будто несли легкие радужные крылья, и поношенные башмачки буквально порхали над землей. А вокруг благоухали цветущие яблоневые сады, теплый ветерок подхватывал и кружил лепестки, а земля под кленами была, словно ковром, усыпана мелкими желтыми цветочками. Даже природа радовалась вместе с ней!

Анни почти вбежала в швейную мастерскую. Девушки подняли сосредоточенные, утомленные лица, но увидев сияющую Анни, тоже заулыбались, и только Лотта небрежно кивнула. А фрау Марта, резавшая атласную ткань, чуть взглянув на ее, сказала довольно сухо: "А... Нашлась пропажа." И сразу радость Анни сжалась и погасла, а всего мину-

ту назад ей казалось – счастье так необъятно, что можно поделиться им с целым городом. Крестная закончила кроить и повела Анни в примерочную. "Пойдем, расскажешь про свои чудеса." В комнату не пригласила и угощать пирогом не думала. Снова пришлось повторить удивительный разговор с приезжим нотариусом. "Ну что ж, я очень за тебя рада." – неожиданно холодно сказала крестная.

И тут Анни не выдержала: "Тетя Марта, вы на меня до сих пор сердитесь, но я, правда, никак не могла прийти вчера, я же Лотте все объяснила! Но я и сегодня еще успею помочь вам! А вечером только сбегая домой за своими вещами."

"Не торопись, Анни..." – остановила ее фрау Марта – "Видишь ли, теперь мне будет неловко взять тебя к себе. Скоро все в городе узнают про твое наследство – ты же знаешь, как быстро разлетаются слухи – и это может быть неверно истолковано, меня могут заподозрить в корысти."

"Да что вы, тетя Марта! В чем тут может быть корысть?"

"Ты еще мало знаешь людей, Анни." – очень твердо сказала крестная, как ножницами отрезала.

"Значит... вы не хотите, чтобы я у вас жила, тетя Марта?" – глаза Анни наполнились слезами...

"Постарайся понять меня. И со временем ты убедишься, что это и для тебя лучше. Ты ведь легко сможешь теперь..."

Но Анни не дослушала, чувствуя, что слезы вот-вот польются из глаз... Не попрощавшись, она выбежала из мастерской.

Фрау Марта осталась сидеть на маленьком диване в примерочной, задумчиво потирая лоб рукой. Она честно пыталась объяснить самой себе, что с ней происходит, и почему так резко оттолкнула любимую крестницу. По правде говоря, она чувствовала себя обманутой. Разумеется, дело было не в старых платьях Лотты, которые она отдавала Анни, и времени, потраченном на ее обучение шитью, но все же червячок необъяснимого сожаления точил ей душу. Мари, ее лучшая подруга с детства, ничего не сказала о деньгах, завещанных Анни, и даже умирая, не захотела довериться ей. А теперь обида на Мари странным образом перенеслась на ее дочь.

Была и еще одна причина, из-за которой фрау Марта раздумала поселить у себя Анни. Она вдруг стала опасаться, что ее неожиданное приданое может переманить возможных женихов Лотты. Конечно, ее дочь не в пример красивее Анни, но все же лучше не рисковать. Почему-то завидные женихи не слишком обивали их порог, а если тут еще появится Анни со своими деньгами... Хотя недавно к Лотте посватался один человек – вполне обеспеченный. Но вдовец и с дочерью, на целых пятнадцать лет старше. Они подумали и почти ответили ему согласием. Конечно, замуж надо выходить за молодого, чтоб не остаться потом вдовой с маленькими детьми, как она сама. Но не принимать же всерьез прыщавого сына булочника, того нагловатого приказчика из лавки или подмастерье сапожника, который по воскресеньям ходит за Лоттой, как пришитый. Он симпатичный малый, но ведь

без гроша за душой и таким помрет. Спору нет, с Анни как-то нехорошо получилось. Но у меня своих забот выше ворот! И Луиза подрастает – еще одна головная боль...

* * *

Анни шла по улице, низко опустив голову, чтобы не так заметны были ее заплаканные глаза. Как же это случилось, что в один день ее лишили своей любви двое самых дорогих ей людей – крестная и Лотта? Анни уже свернула к дому, но чувствовала, что не может возвратиться в таком состоянии. Да еще вспомнился разговор сегодня утром за завтраком. Отец начал рассказывать о своих планах, чего раньше не было – мол, дела идут неплохо, и он задумал купить еще один фургон и пару лошадей. Но сразу выложить такую сумму будет трудно. И он очень надеется, что Анни теперь не откажется ему помочь...

А мачеха сразу же слащаво пропела: "Ах, наша Анни – сама доброта! И конечно, она захочет помочь отцу." Анни замедлила шаги... точнее, ноги отказывались идти домой. Она добрела до маленького сквера, где сидела еще недавно, свываясь со своим новым счастьем. А теперь... куда ей деться теперь? В этот миг ударил церковный колокол. Потом еще... и еще... Прозвучало несколько печальных одиноких ударов.

В церковь! Ей надо пойти к их старому приходскому священнику и попросить у него совета. Он суровый на вид, но

кажется, в душе очень хороший человек, во всяком случае, он не слишком благоволил к мачехе, это говорит в его пользу, и Анни он знает с детства, даже крестил ее. Может быть, он позволит ей прислуживать при храме и первое время ночевать в каком-нибудь чуланчике. Или подскажет, где найти хорошую женщину, у которой можно снять комнатку, чтобы она никому не была в тягость. Сама Анни мало с кем в городе была знакома, мачеха почти никуда не отпускала ее от себя. Анни с решимостью отчаяния пошла к церкви, а колокол все продолжал отсчитывать одинокие удары, значит, там шла поминальная служба. Она пока тихонько подождет в уголке. В приделе церкви Анни сразу обнял такой умиротворяющий полумрак, что на миг показалось – ее житейские горести не посмеют переступить этот порог. У алтаря и перед распятием подрагивали золотистые огоньки свечей, священник вполголоса читал молитвы, совершая обряд, и мальчик прислуживал ему. Церковь была пуста, только на передней скамье сидела пожилая женщина в черной кружевной наколке.

Глава 6. Встреча

Анни смотрела на седую женщину в трауре, сидевшую на передней скамье, а думала о своей умершей матери, и о том, что когда-нибудь сама будет так же сидеть, поминая... Кого? Ей некого поминать, кроме мамы. Теперь даже любимая крестная и Лотта не хотят знать ее, и она не могла поверить, что все это произошло из-за денег. Послышался звук приоткрываемой двери и осторожные шаги, Анни незаметно оглянулась. Вошел высокий парень и сел немного позади, через проход от нее. Она сразу его узнала, это был обожатель Лотты, которого однажды она показала ей на воскресной службе и о котором со смехом потом рассказывала. Анни запомнились тогда его глаза, они были точь-в-точь, как у Дика, когда он долго не видел свою хозяйку. Как странно, что именно он зашел сейчас в церковь, наверно, и у него что-то случилось. А Лотта так же, как этого парня, теперь не хочет знать ее. Анни. Слезы вдруг покатались из глаз...

Украдкой она достала носовой платок и отвернулась к стене. Мелькнувший краешек белого платка вывел Тима из оцепенения. Он взглянул в ту сторону, и девушка показалась ему знакомой. Да, конечно, это была подруга Лотты, изредка по воскресеньям она сидела рядом с ней. И Тим еще раньше удивлялся тому, что они подруги, настолько девушки были несхожи между собой. У этой черты лица были мягче и неж-

нее, чем у Лотты, и вся она казалась очень хрупкой и беззащитной. Плачет тихонько... И в такое время пришла в церковь, видно, у нее несчастье.

Панихида закончилась. Седая женщина подошла к священнику, он что-то ласково ей сказал и благословил. Потом она с трудом опустилась на колени перед распятием и помолилась, а когда хотела встать, вдруг с тихим стоном повалилась на бок. Священник, уже уходивший в боковую дверь, обернулся, а Тим и Анни одновременно побежали к женщине. Анни, хотя и очень испугалась, кинулась рядом с ней на пол и приподняла ее голову к себе на колени, а Тим старался поддержать под плечи. Священник кликнул мальчика-служку, и тот мигом принес пузырек с лекарством, которое всегда держали наготове для подобных случаев. Священник с ложечки дал женщине капли, и стоя над ней, читал молитву.

Через несколько минут она приоткрыла еще непонимающие глаза и слегка пошевелила рукой. "Что со мной... Я упала?" – "Да, наверно, голова закружилась. Но вам дали лекарство, и скоро станет полегче." Женщина снова бессильно закрыла глаза. Так прошло еще немного времени, она посмотрела уже осознанно и попыталась встать. Втроем они помогли ей подняться, довели до ближней скамьи и усадили между Тимом, на плечо которого она сразу уронила голову – так еще была слаба, и Анни, ласково гладившей ее руку. Но вскоре ей стало гораздо лучше, и непрестанно благодаря и извиняясь за причиненное беспокойство, она сказала, что теперь

уже сможет дойти до дома, ведь она живет совсем близко. Но Анни и Тим, разумеется, не позволили ей идти одной, и поддерживая с двух сторон под руки, пошли провожать.

Доведя женщину до самого дома, помогли подняться на три ступеньки крыльца и уже стали прощаться, но ей так не хотелось расставаться с прекрасными молодыми людьми, что неожиданно для себя она пригласила их зайти в гости и выпить чаю. "Теперь мне ведь есть – чем угостить. И несколько поленьев еще осталось. Конечно, они вежливо откажутся – много ли интереса им сидеть с больной старухой?" Но, к ее приятному удивлению, они с радостью согласились. Хозяйку пока уложили отдохнуть в спальне, а сами занялись хозяйством.

Увидев бедность дома, они понимающе и сочувственно переглянулись, но войдя в кухню, где лежали разные вкусные вещи, немного успокоились. Пока Тим ходил за водой на колонку, Анни уже растопила печь, и стала накрывать на стол. А Тим еще решил подмести в кухне, по давней привычке всех мальчишек в учении. Когда все было приготовлено, они пригласили хозяйку к столу. Войдя в комнату, она восхищенно ахнула: "Деточки мои! Да вы настоящий праздник мне устроили! А я ведь даже не знаю, как вас зовут? Я – фрау Ларсен, вдова часовщика." "Я – Анни." "А я – Тим."

"Как же я вам рада! Теперь давайте скорее пить чай!" Тим принес из кухни табурет, и они уселись за стол, оказалось, что все трое ужасно голодны. Фрау Ларсен заботливо угоща-

ла своих новых друзей, а потом, по обыкновению всех пожилых людей, пустилась в разговоры и воспоминания о своей жизни... Она так давно не с кем не разговаривала по душам! О покойном муже, о пропавшем где-то единственном сыне, о том, как она настрадалась за последние годы и даже о попытке ограбить ее – этим молодым людям фрау Ларсен совершенно доверяла. Не раз ей пришлось останавливаться, чтобы утереть невольные слезы, и Анни тихонько всхлипывала, слушая печальный рассказ, и даже у Тима покраснели глаза. Потом фрау Ларсен захотелось немножко узнать и о них. Тим рассказал о своей несчастной матери и о жизни у сапожника, только о Лотте, конечно, не упомянул ни словом. Анни, вздохнув, посетовала на мачеху и сестру – так нелегко ей пришлось после смерти мамы.

"Бедная девочка! Как же ты настрадалась с самого детства..." – сочувственно воскликнула вдова и погладила ее по голове.

"Не печальтесь, фрау Ларсен! Это уже в прошлом, теперь все будет хорошо!" – и Анни рассказала о чудесном появлении нотариуса и о завещании, – Мне бы только найти дешевую маленькую комнату." – и они вдруг посмотрели друг на друга...

"Конечно, Анни! Зачем тебе что-то искать и платить деньги? Живи у меня, комнатка сына свободна! Она очень мала, буквально – детская, но зато окно выходит в сад, по утрам светит солнце, и вообще в ней очень уютно." Задохнувшись

от счастья, Анни прижала руки к груди: "Фрау Ларсен, как мне благодарить Вас! Тогда позвольте я сразу сбегаю домой за вещами, чтобы уже больше никогда не видеть мачеху!" Она вскочила со стула, чмокнула фрау Ларсен в порозовевшую щеку, и выбежала из дома – только башмачки застучали по ступенькам.

"Удивительный день сегодня! Столько в него вместилось..." – растроганно произнесла вдова, в задумчивости водя пальцем по щербатому краю блюда. "И нужно обязательно купить новые чашки, раз у меня появились такие милые гости!" – она ласково улыбнулась Тиму. В это время часы стали отзванивать семь часов, и Тим подошел к ним поближе, чтобы полюбоваться райской птичкой – она как раз выпорхнула из своей башенки.

"Какой необыкновенный мастер был Ваш муж! И знаете, ведь в сапожной лавке тоже есть часы его работы – с маленькими деревянными фигурками сапожников. И они одеты, совсем как настоящие, даже в фартуках!" Еще отец нынешнего хозяина купил эти часы для развлечения заказчиков, пока кто-то ждал примерки или мелкого ремонта. Когда часы начинали звонить, сапожники постукивали молоточками по крошечным башмачкам, и на душе у Тима сразу веселей становилось. "Да, я прекрасно помню эти часы! Видишь, у нас неожиданно оказались общие знакомые. – фрау Ларсен снова улыбнулась ему – А у тебя хороший вкус, Тим! И довольно редкий среди мужчин."

Тим вдруг тяжело вздохнул и опустил голову... Фрау Ларсен обеспокоенно посмотрела на него. "Знаете, фрау Ларсен, коль уж Вы похвалили мой вкус... Я хочу показать одну вещь... подарок – что бы Вы о нем сказали?" Он вытащил из кармана шкатулку и поставил на стол. Фрау Ларсен громко ахнула и прижала руку к сердцу, а другую, дрожащую, протянула к шкатулке... Тим испугался, что ей снова плохо, но она молча покачала головой. Пальцы ее точным, привычным движением тронули потайную кнопку, именно там, где показал ему антиквар – на нижнем правом уголке, и крышка открылась с мелодичным звуком.

"Значит, это Ваша шкатулка?" – Тим сразу все понял.

"Да, мой мальчик... Это подарок мужа на рождение нашего сына."

"Какое счастье, что теперь она к Вам вернулась! Я как только ее увидел, меня прям в сердце толкнуло, но не понял – что..."

"Благодарю тебя, мой дорогой! Ты не представляешь – какую радость подарил мне! Но она ведь очень недешево тебе, верно, обошлась?"

"Об этом даже не думайте! Мне в сто раз важнее, что я с Вами встретился."

Фрау Ларсен благодарно обняла Тима и снова предалась воспоминаниям, а Тим слушал ее, подперев голову рукой. И у него могла быть такая добрая бабушка или тетушка. Часы пробили половину восьмого. Фрау Ларсен обеспокоенно

проговорила: "А что же Анни все не идет? Не случилось ли чего, не задержала ли ее мачеха? Ты бы сходил к ее дому, посмотрел, что у них там? А может, и по дороге ее встретишь."

Тим внезапно смутился: "Да я и сам думал... Но не знаю, где она живет."

"Как не знаешь?" – изумилась фрау Ларсен – "Разве она не твоя невеста?"

Тим стал совершенно пунцовым. "Нет, мы только сегодня познакомились."

"Как?! Не может быть! А я-то, глядя на вас, радовалась, все думала – какая прекрасная пара! Ах, как жаль, но..."

Раздался тихий звон колокольчика, и Тим побежал открыть дверь. На крыльце стояла запыхавшаяся, радостная Анни с ребенком на руках и клетчатый узелком, а рядом сидела большая собака, похожая на светлую овчарку. Тим даже невольно попятился от неожиданности.

"Это Анни?" – крикнула из комнаты фрау Ларсен.

"Да, Анни... с ребенком." – голос Тима почему-то стал хриплым. Анни весело засмеялась и повернула куклу к нему лицом.

"Ой, а мне показалось..." – он и сам удивился, что у него так отлегло от сердца.

Не расслышав, фрау Ларсен вышла в прихожую. "Ой, кто это у нас?"

"Мой друг Дик. Вы разрешите ему пожить во дворе? Я никак не могла его оставить, он заплакал, когда я уходила." –

Анни, сжав руки, просительно смотрела на фрау Ларсен, а Дик, глядя умными глазами, приветливо завилял хвостом.

"Ах, какая замечательная собака! Ну, входите скорее в дом! И ты, Дик, заходи!"

"Да он привык жить в конуре, в дом ему нельзя было."

"Ничего-ничего! Во дворе у меня негде, поживет пока в прихожей, сейчас что-нибудь ему постелим."

Дик вошел и вежливо прилег у двери. "Вот и хорошо. Будешь охранять нас от незваных гостей."

"В этом можете не сомневаться, фрау Ларсен. Дик – отменный сторож!"

Они вернулись в столовую, слушая торопливый рассказ Анни о ее побеге из дома, который, впрочем, обошелся без происшествий. Снова поставили вскипятить чайник и только хотели продолжить угощение, как опять раздался звон дверного колокольчика, тем более резкий, что он был совершенно неожиданным в столь позднее время. Все испуганно вздрогнули и вместе вышли в прихожую, Анни спряталась за спиной фрау Ларсен, вцепившись в ее руку. Дик вскочил, насторожив уши и весь напружинившись...

Тим с опаской отворил дверь. Раздался общий возглас радостного изумления! И нежным серебристым эхом отозвался в маленьком доме... На пороге стоял высокий, дочерна загорелый человек в морской куртке. Выхватив глазами изумленное лицо матери, он просиял неловкой от шрама улыбкой, и прихрамывая, шагнул ей навстречу.